

ЕЛЕНА АРИФУЛЛИНА

ЖИЛ-БЫЛ ТАКС

АКВИЛЕГИЯ-М

Annotation

Щенок по имени Макс обзаводится хозяевами, чтобы стать Настоящей Собакой. Теперь у него есть дом и новые друзья: кошка Мавра, её сын Маврик и попугай Рома. Макс растёт и обживаетеся в новом для него мире. Это серьёзная задача для того, кто ростом с тапок. Да к тому же с Максом вечно что-то случается. Он успел потеряться и найтись, поработать фотомоделью и промоутером, защитить свой дом от воров и влюбиться, стать членом клуба «Такси» и спасти домового Трифона... Мир велик, и в нём так много интересного! Повесть «Жил-был такс» стала победителем Международного литературного конкурса «Новая сказка — 2015». Для младшего и среднего школьного возраста.

- [Елена Арифиллина](#)
 - [Макс выбирает хозяев](#)
 - [Новый дом](#)
 - [Макс играет в футбол](#)
 - [Такса — это звучит гордо](#)
 - [Новые знакомства](#)
 - [Ветеринар Сан Саныч](#)
 - [Макс провинился](#)
 - [Большая уборка](#)
 - [Первая прогулка](#)
 - [Летучий кот](#)
 - [Полтора Уха и другие неприятности](#)
 - [Битва в прихожей](#)
 - [После битвы](#)
 - [Гость из темноты](#)
 - [Рыжее лето и зелёная игуана](#)
 - [Я работаю таксой](#)
 - [Человек с фотоаппаратом](#)
 - [Клубная жизнь](#)
 - [Мы едем, едем, едем!](#)
 - [Привет, Лукошкино!](#)
 - [Лукошкино и окрестности](#)
 - [Спасти домового Трифона](#)

- [Дом и его обитатели](#)
 - [Трифон обживается](#)
 - [Побежали!](#)
 - [Что не работает — починим, что потеряно — отыщем](#)
-

Елена Арифуплина

Жил-был такс

Макс выбирает хозяев

Жил-был такс.

И звали его Макс.

Он был маленький, ростом с тапок.

У него были братья и сестры. Когда они все вместе лежали на подстилке, то походили на пестрый коврик, чёрный с рыжим. Их звали: Крупный, Шкодина, Малявка, Задохлик и Задира. Макса называли Этот — потому что он постоянно вылезал из угла, где лежала подстилка, и отправлялся путешествовать. А когда путешественник величиной с тапок, то его трудно найти, если он заплутает.

— Где Этот? Куда Этот опять делся?

Но про себя Макс точно знал, что зовут его не Этот, а Макс. Однажды ему приснилось, что кто-то зовёт: «Макс, ко мне!» Он бросился на зов, добежал к какому-то большому, очень важному и нужному существу — и проснулся. А утром у него открылись глаза. Так он стал Настоящей Собакой и получил имя. Только об этом никто не знал, потому что время не пришло.

Маму звали Джильда. Она была рыжая, тёплая и вкусно пахла молоком.

А папу Макс никогда не видел — у собак это часто бывает. Хозяйева говорили, что он Чемпион Породы. Макс не знал, что это значит. Ему было не до того. Мир оказался огромным, и его нужно было срочно попробовать на зуб — мелкий, но острый. Макс уже сгрыз три носка и кухонное полотенце. А про перчатку ещё никто не знал. Макс утащил её под кушетку и запихал между ножкой и плинтусом. Там никто не мешал грызть перчатку в своё удовольствие. Хозяйева были слишком большие и под кушеткой не помещались. Малявка и Задохлик не отходили от мамы Джильды —

боялись. Задира, Крупный и Шкодина то играли, то дрались — им было некогда. А Макс — хозяева называли его Этот — был смелый путешественник. Он уже побывал в Коридоре и на Кухне. Каждый раз хозяева брали его под брюшко и относили к маме Джильде.

— Опять Этот! Джильда, ты что за парнем не смотришь? Все завязки у фартука обгрыз!

Мама виновато виляла хвостом. «Ну разве за ним, за сорванцом, углядишь?» — говорила она взглядом, ушами и всей усталой мордочкой. Но Хозяева её не понимали. Они вообще были странные. Кто угодно сразу нашёл бы перчатку под кушеткой — по запаху. А они не могли. Только лазили по углам в Прихожей, искали — и ничего, конечно не нашли. Глупые они, но с этим ничего не поделаешь. Максу было не до них. Дел невпроворот: есть, спать, делать лужицы, грызть всё вокруг, играть с Крупным, покусывать за уши Малявку, драться с Задирой. А ещё где-то ждали Спальня, Гостиная и Балкон. Они даже снились Макс, и тогда во сне у него мелко подёргивались все четыре лапы. Как подумаешь, что где-то есть Гостиная, в которой можно грызть Ковёр, так сразу делается хорошо на душе. А пока можно грызть перчатку...

В дверь позвонили. Хозяева засуетились: вытащили маму Джильду за ошейник из комнаты и заперли в Спальне, а сами пошли в Прихожую. Малявка и Задохлик захныкали и прижались друг к дружке. Задира, Шкодина и Крупный вырывали друг у друга тряпку и ни на что не отвлекались. А любопытный Макс взял перчатку в пасть и вышел из-под кушетки.

Этих двоих Макс раньше не видел. Они ходили на хозяев, но было в них что-то особенное... Макс крепче закусил перчатку и принялся. Пахло чем-то непонятным. Макс принялся повнимательней и вдруг почувствовал, как хвост сам собой вильнул.

Это были они — настоящие Хозяева. От них пахло Домом и самостоятельной, взрослой собачьей жизнью. Макс бросился навстречу со всех лап, наступил на перчатку и шлёпнулся.

— Этот негодник! Вот куда перчатка делась!

— Ой, какой хорошенький!

— Таня, подожди. Давай всё делать как сказано.

Перед носом у Макса появилась связка ключей. Связка загремела. Сзади в два голоса заскулили Задохлик и Малявка. Макс выплюнул перчатку и заворчал.

— Так, молодец. Теперь дальше...

Хозяин с ключами отошел к кушетке, сел на корточки и похлопал в

ладоши. Макс подбежал, сел рядом и стал принюхиваться изо всех сил. Нос говорил: «Всё правильно!»

— Правильно, — сказал Хозяин и погладил Макса по спине.

Макс прыгнул на него и попытался лизнуть в нос, но не достал — шлёпнулся на пол, пискнул и тут же замолк.

— Костя, давай Этого возьмём!

— Не мешай, Таня.

Хозяин встал и пошёл к двери. Макс бросился следом. Он спешил изо всех сил, но не догнал бы — лапы короткие — если бы тот не остановился.

Хозяин погладил его и неожиданно перевернул на спину. Какой уважающей себя собаке это понравится! Макс стал яростно выворачиваться из-под сильной руки. За дверью скреблась и лаяла мама Джильда. Малявка и Задохлик замолчали — устали, наверно. Максу было не до них. Он боролся, но укусить руку почему-то не мог. Когда на него сверху наваливались Крупный или Шкодина, зубы сами собой шли в ход, а вот сейчас пасть не открывалась, да и только...

Внезапно Макс повис над полом — точно на высоту своего роста в холке. Его держали под передние лапы, а он продолжал вырываться. Он не сдастся, он будет вертеться и изворачиваться, до тех пор, пока...

Тут его поставили на пол, погладили и сказали:

— Этого мы и возьмём.

— Да вы хоть других-то посмотрите!

Хозяин подошёл к подстилке. Задохлик с Малявкой полезли друг под дружку — прятаться. Задира и Крупный давно уже дрались и ничего вокруг не замечали. Шкодина упоённо грызла тряпку и только из вежливости вильнула хвостом. Сердчишко у Макса упало прямо в пятки — благо до них было совсем недалеко. Неужели возьмут кого-нибудь другого? Ведь это его Хозяева! Его собственные!

От огорчения сама собой получилась лужица.

— Ой, Костя, смотри!

— Ну, а что ты хотела? Он же ещё совсем маленький. Спасибо, щенки все хорошие, но возьмём мы Этого. Таня, давай коробку.

Коробка была картонная, большая, но Макс её не испугался. За свои два месяца одну такую он уже разгрыз. И сейчас побежал к коробке со всех коротких лап, залез внутрь и свернулся клубочком.

— Надо же... Ну, раз так, берите Этого.

Опять! Сколько можно! Макс гневно тявкнул из коробки. Его зовут Макс, неужели не понятно!

— Вот, тряпку возьмите. Это ему в приданое. Первые несколько ночей

скулить будет, плакать, а с тряпкой легче привыкнет, она мамой пахнет. И перчатку берите. Хорошие были перчатки, итальянские... Да ладно, что уж теперь, вторую только выкинуть. Ну, по рукам?

— По рукам!

— Только в коробке дырки прорезать надо, чтобы не задохнулся.

Макса под пузо достали из коробки и опустили на пол — поскуливать от нетерпения. Как только продырявленная коробка оказалась рядом, он тут же забрался внутрь, на тряпку, пахнущую мамой Джильдой и родной подстилкой. Для храбрости вцепился зубами в перчатку.

— Кличку-то выбрали?

— Конечно. Была бы девчонка, назвали бы Ваксой. А кобелёк — Макс.

— Ну да, вы же и хотели чёрно-подпалого мальчика. Алиментный такой же был, только побольше. Дело ваше, конечно... Девчонок две: рыжая и чёрно-подпалая.

— Нет, своего уже нашли. Ну, мы поехали.

— Счастливо!

Макс слушал всё это из коробки, настораживая уши-пельмешки, и был счастлив. Его нашли Хозяева. Он выбрал Хозяев и стал Настоящей Собакой.

НОВЫЙ ДОМ

Ехали долго. Макса укачало, и он стал скулить. Даже перчатка не утешала.

— Ой, бедный, замучился совсем. Костя, долго ещё?

— Достань его из коробки, положи на колени. Только полотенце подстели.

Хозяйка оказалась рыжая — как мама Джильда. Пахло от неё совсем иначе, но Макс быстро принялся, потом угрелся и заснул. А проснулся от того, что его положили на пол, подстелив тряпку.

— Всё, побежали, опаздываем. Дверь закрой.

— Ты записку написала?

— Вот. Скотч на тумбочке в прихожей.

Это явно была Кухня, только незнакомая. Здесь тоже вкусно пахло едой, но Макс был совсем один, и ему стало страшно. Со страху он стал поскуливать. Хорошо, что никто не слышит, ведь Настоящие Собаки не скулят — только рычат и лают...

Тут снаружи заскреблись. Под дверь просунулась когтистая лапа, вцепилась в дерево. Макс вспомнил, что он теперь Настоящая Собака, перестал скулить, поставил шерсть на загривке и оскалился. Это его Дом, а Дом надо защищать.

Дверь приоткрылась, и в кухню вошли двое — не собаки и не люди. Макс так и сел на хвост от удивления.

— Вы кто? — только и смог он спросить.

— Живём мы здесь. Это ты кто такой и откуда взялся?

— Я такс по имени Макс. Меня Хозяева привезли.

— А-а-а... Ну, ладно. Они говорили, что таксу хотят завести. Думали, не слышу. А я, между прочим, слышу, как этажом ниже хомяк деревяшку грызёт. Кошка я, Маврой звать. А это Маврик, сынок мой. Со стола слезь, обалдуй, мало тебя полотенцем гоняли? Ну, что уставился, Макс? Кошек никогда не видел?

— Не видел, — честно признался Макс и чихнул.

Мавра была серая в полоску, с зелеными глазами и такая мохнатая, что походила на меховой шар. Маврик — меньше и толще, такой же мохнатый, но чёрный, как Макс, только без коричневых подпалин.

— Ты чё такой лысый? — Маврик стал нахально вылизываться, разбирать шерсть.

— Не лысый, а гладкошёрстный. Так полагается.

— А лапы кривые и хвост как у крысы тоже полагаются?

— И ничего не кривые. Это ты ещё кривых не видел.

— Не видел и видеть не хочу. И на тебя-то смотреть тошно.

— Ну и не смотри! — Макс сморщил нос, показывая зубы.

— Кто ты такой, чтобы мне указывать? Куда хочу, туда и смотрю!

— А ну, замолчали оба! Маврик, постыдись! Что ты к маленькому привязался? — Мавра бесшумно прыгнула с подоконника и залепила сыну пару оплеух. — Забыл, из какой ты семьи, из какого питомника? Сибирский, а ведёшь себя как гопота! Малышей не обижают! Ещё раз увижу — пеняй на себя!

— Что за шум, а др-р-раки нету?

В Кухню влетел кто-то ярко-синий, с длинным хвостом. Прицепился к занавеске и заявил:

— Р-р-рома хар-р-роший!

— Хороший, хороший, — нетерпеливо сказала Мавра, — только залезь повыше, а то я вся на нервах. Цапну ненароком, и отращивай новый хвост. Сам знаешь. Хищник я или кто?

— Хищник, хищник. Умница ты у нас, Мавр-р-руша.

Синий залез чуть не под потолок, ловко перебирая лапами, наклонил голову, глянул хитрым чёрным глазом-бусинкой и сказал:

— Пр-р-редставь нас, пр-р-рошу!

— Тоже мне, лорд в перьях... Рома, это Макс. Макс, это Рома, попугай.

— Волнистый, — уточнил Рома. — Ну ладно, я полетел, а то Мавр-р-руша нер-р-рвничает.

— Лети, лети, пер-р-р-рнатый... — передразнил Маврик.

— А Мавр-р-рик — дур-р-рак! — добавил сверху Рома и улетел.

— Сам дурак!

— Цыц! После поговорим! Макс, ты не обижайся. Мы все здесь давно живём, притёрлись, а тут ты появился. Не бойся, уживёмся. У Маврика переходный возраст. И так с ним трудно, да ещё телевизора насмотрелся. Сериал, «У нас на раёне» называется. Ну, я ему пропишу... Совсем от лап отбился. Тебе условие: в наши миски не лезть — да ты всё равно не достанешь, они на подоконнике — и в лотке не копать. Понятно?

— Понятно, — сказал ошарашенный Макс.

— Маврик, за мной!

Мавра ушла, высоко неся хвост. Противный Маврик шёл сзади, на ходу обернулся и взъерошил усы, прижал уши — дразнил. Макс в ответ сморщил нос, показывая клычки.

Кошки просочились в приоткрытую дверь, Макс остался один.

Только он собрался грызть ножку у табуретки, как в прихожей раздался шум. Похоже, пришли Хозяева, бросили у двери что-то тяжелое и стали разуваться, пыхтя и бурча неразборчиво:

— А ты!...

— Ты тоже!...

Макс принюхался. Пахло похоже на Хозяев, да не совсем. Настоящая Собака сразу подняла бы тревогу, и Макс тьякнул.

В прихожей завизжали. По коридору кто-то промчался, топая, и остановился у двери в кухню.

— Смотри, записка! «Заходите осторожно, а то раздавите»... Ура-а-а-а-а!

— Ура-а-а-а!

Дверь открылась, просунулись две физиономии: одна сверху, другая

снизу.

— Где, где?

— Вон, под батареей!

На кухню они ворвались как ураган и рухнули перед Максом на четвереньки.

— Ой, какой маленький!

— Такса, настоящая такса!

— Не хватай! Руки убери!

— Сама убери!

Похоже, это были ещё Хозяева, только поменьше. Макс это понял не сразу, но хвост разобрался быстрее: завилял изо всех сил.

— Смотри, смотри, что хвостом делает!

— Признал!

Макс хотел сказать, что хвост сам знает, что и как делать, но не успел. Его подхватили с пола, принялись гладить, чесать за ушами, и стало ясно, что хвост был прав.

Поздно вечером Макс лежал на подстилке — своей собственной, пахнувшей пока чем-то незнакомым — и обдумывал всё, что произошло. Он стал Настоящей Собакой, получил Дом и Хозяев. Их оказалось много: Папа-Костя, Мама-Таня и Дашка-Сашка. С Дашкой-Сашкой надо ещё разбираться. Дашка повыше, с чёрными волосами, как у Папы-Кости. Сашка — поменьше, рыжий, как Мама-Таня, и в очках. Дашка его звала Профессор, а он её — Коза. Мама-Таня из-за этого бранилась, почти как кошка Мавра. Она вообще была на неё похожа. И на маму Джильду тоже. Наверно, все мамы чем-то похожи друг на друга, независимо от цвета шерсти и количества лап...

Макс положил голову на тряпку, пахнущую мамой Джильдой, принюхался и уснул. Снилось ему, что он выдрал клоч шерсти у Маврика из хвоста. Пусть знает...

Среди ночи Макс проснулся и заскулил. Он был совсем один на подстилке. Конечно, тряпка пахла мамой Джильдой, но мамы здесь не было. Никого не было: ни Задиры, ни Крупного, ни Малявки. Сейчас Макс обрадовался бы всякому, кто пахнет тем запахом, знакомым с первых, ещё слепых щенячьих дней. Но он был один. Как он ни старался помнить, что стал Настоящей Собакой, и держаться, ничего не получалось. Макс забился под батарею и заплакал.

Вдруг стало светло, и появился сонный Папа-Костя.

— Ты чего хнычешь, Максик? Место! Иди на место!

От Папы-Кости пахло вожаком — силой и уверенностью. Макс

заторопился к нему, оступился и упал.

— Эх, ты... Ну, давай сюда. Что ж с тобой делать. Посидим, поработаем, всё равно вставать уже скоро.

Макса подняли с пола и посадили за пазуху — под толстовку. Там было тепло, уютно и надёжно. Он покопошился немного и уснул, слыша, как прямо в ухо ему стучит Папы-Костино сердце.

Макс играет в футбол

Утром Макс проснулся у себя на подстилке.

— Ну, как спалось на новом месте?

Мавра устроилась на подоконнике, посматривала сверху зелеными глазами, жмурилась таинственно.

— Мама снилась, — честно ответил Макс.

Мавра только мяукнула в ответ и стала вылизываться.

Неподалёку стояла мисочка, а в ней — творог и овсянка. Когда миска оказалась чисто вылизана, Макс осмотрелся. Таксичья душа говорила: «Залезь везде, куда просунется нос, и разгрызи всё, что сможешь!» Хвост помалкивал, а в коридоре кто-то топал и скакал. Для храбрости Макс прихватил перчатку и отправился в путешествие.

Навстречу выкатился мяч — маленький, красный —, а за ним пронёсся Маврик: глаза горят, шерсть дыбом. Нагнал мячик, ухватил и давай его драть всеми четырьмя лапами, завалившись на бок. Вот здорово! Максу стало завидно.

— Привет! А у меня перчатка есть, — сказал он для затравки.

— Подумаешь! Толку от твоей перчатки! За ней не погоняешься.

От огорчения Макс даже перчатку выронил. И правда, её только грызть можно...

— Ну и что! А твой мячик не погрызёшь, вот.

— Нам, кошкам, грызть не очень нравится. Когтями драть — это да. Видал, какая когтеточка?

Когтеточка была куда больше Макса, и он совсем сник.

— Мальчики, не ссорьтесь! Каждому своё, это ещё мой дедушка Иннокентий говорил! — Мавра бесшумно прошла по коридору на мягких лапах и уселась, обернувшись хвостом.

Прошелестели крылья, сверху спланировало синее пёрышко.

— Мудр-р-рая ты у нас, Мавр-р-руша! Давайте поигр-р-раем, р-р-ребята? Спор-р-р-рим, Мавр-р-рик пр-р-роигр-р-рает?

— Это я проиграю? Ты что — давно не линял, хочешь без хвоста остаться?

— Рома, ты объясни, о чём речь, а Маврик пусть сам думает, играть или нет.

— Люди тоже в мячик игр-р-рают — футбол называется. Один стоит в вор-р-ротах, др-р-ругой мячик катит.

— Какие тебе здесь ворота?

— Двер-р-рь! Пусть один стоит в пр-р-роёме — это вр-р-ратар-рь называется, а др-р-ругой мячик туда попр-р-робует закатить — это фор-р-рвар-р-рд. Закатит — вр-р-ратар-рь пр-р-риграл.

— А на что играть будем? — усы у Маврика встопорщились.

— На пр-р-роигр-р-равшем я пр-р-рокачусь!

— Идёт! Ну что, Макс, играем или слабо?

— Играем! — Макс попробовал поставить уши, чтобы выглядеть побольше, но уши не ставились. Так и висели пельмешками.

— А я буду р-р-рефер-р-ри и комментатор-р-р, мне свер-р-рху хор-р-рошо видно! А ты, Мавр-р-руша, будешь публикой! Мавр-р-рик, становись на вор-р-рота!

— А чё сразу я?

— Маврик! Что за выражения!

— Хор-р-рошо, бр-р-росим жр-р-ребий! Кто моё пёр-р-рышко не поймает, тот на вор-р-рота становится! Потом меняетесь местами, поняли?

Пёрышко полетело вниз, Макс честно попытался его поймать, да куда там! Маврик взвился, как подброшенный, сцапал пёрышко и приземлился с ним в зубах.

— Ну, кто на воротах?

Макс молча поплёлся к двери на кухню. Рома перепорхнул с дверного косяка на светильник, вцепился покрепче коготками и заорал:

— Вбр-р-расывание!

— Давай, Маврик! Давай, не позорь фамилию!

Маврик прижал уши, хищно прищурился и кинулся в атаку, перебрасывая мяч с лапы на лапу.

— Др-р-риблинг! Какой др-р-риблинг! — откомментировал Рома сверху. — Удар-р по во-р-ротам!... Го-о-ол! Один — ноль! Блестящий успех фор-р-рвар-р-рда!

— Что, съел, криволапый? Давай, подставляй спину!

— Маврик! Откуда такие словечки! Слышал бы тебя прадедушка Иннокентий!

— Фор-р-рварду выносятся пр-р-редупр-р-реждение! В следующий р-р-раз дисквалифицир-р-рую за оскор-р-рбление пр-р-ротивника!

— Ага, в Сибири, небось, ещё и не то услышишь... — буркнул в усы Маврик и уселся наблюдать, как Макс повёз Рому на спине — от двери до двери.

Максу и так было тошно, а тут ещё Рома ущипнул клювом за ухо. Только собрался гавкнуть от обиды, как попугай шепнул:

— Не др-р-рейфь, пар-р-рень! Дер-р-ржись! — и взмыл под потолок.

Устроился на светильнике и закричал:

— Втор-р-рой тайм!

Макс так и не понял, что произошло, но мячик оказался у него в пасти. На вкус мячик был так себе.

— Вр-р-ратар-р-рь защитил вор-р-рота! Р-р-реванш взят! Счёт один — один! Мавр-р-рик, пр-р-рошу!

— Ну, погоди, криволапый! — прошипел Маврик, подставляя спину. — Осторожнее с когтями, ты, чучело синее!

Мавра в один прыжок очутилась рядом и залепила сыночку по морде.

— Последний раз говорю! Играй по правилам!

Дальше играли по правилам. Попугай охрип на счёте десять — восемь в пользу Макса. Тут в двери зацарапался ключ. Мавра свернулась клубком и прикинулась спящей, Рома улетел в клетку, а Маврик с Максом, взъерошенные и запыхавшиеся, так и остались в прихожей. Мячик закатился в угол и лежал там, будто и дело не его.

— Ой, Профессор, смотри, они нас оба встречают! Подружились!

— Не подрались, и то ладно. Мавруша, они тут себя хорошо вели?

— Мр-р-р-р, мр-р-р-р, мур-р-р-р...

Макса накормили, он добрёл до подстилки, рухнул на неё и мгновенно уснул. Сквозь сон успел услышать Дашкин голос:

— Смотри, смотри, как у него лапки дёргаются! Наверно, охотится во сне.

«И ничего подобного», — хотел сказать Макс, но не смог, был занят — спал. Во сне он мчался к воротам с мячиком в зубах, а сверху раздавались вопли:

— Фор-р-р-рвард атакует! Го-о-ол!

Макс проспал до вечера, до самого приезда хозяев, и даже не вышел

Макс вздохнул от восторга. Его любят, о нём беспокоятся, с ним играют. Что ещё нужно Настоящей Собаке для счастья?

Только что-нибудь разгрызть — ну, хотя бы тот красный мячик...

Такса — это звучит гордо

«Пора обживаться!» — решил наутро Макс и отправился изучать свой Дом.

Дом оказался огромен. В нём было столько дверей, что не хватало лап для подсчёта. Заблудиться Макс не боялся: чёрный нос-пуговица выведет его обратно — на Кухню, к миске и подстилке, пахнувшей мамой Джильдой. Макс её не хватало, но щенячье любопытство не давало скучать и тосковать.

В коридоре было две двери. Оттуда пахло водой. Около третьей двери обнаружилось множество тапок. «На обратном пути погрызу» — отметил Макс и двинулся дальше. А вот следующая дверь была открыта! За ней что-то тихонько позванивало и поскрипывало, так что уши-пельмешки сами насторожились, совсем как у взрослого пса.

Комната оказалась небольшая, но светлая. Пахло здесь Дашкой-Сашкой.

— Пр-р-ривет! — сказали сверху.

Макс задрал голову. Под потолком висела клетка, а в ней сидел Рома-попугай и грыз кусок мела так, что сыпалась белая пыль.

— Привет! А зачем ты это делаешь?

— Клюв стачиваю.

— Это ты говорил «дрррынь»?

— Вот так?

Рома перепрыгнул на другую жердочку и лихо крутанул какую-то блестящую штуку. Она сказала «дрррынь» несколько раз подряд, а Рома вылетел из клетки и уселся сверху.

— Мавр-р-руша, пр-р-роснись! Гости пр-р-ришли!

— Какие-такие гости, я ещё не умывалась! Маврик, продери глаза!

Мавра оказалась на той кровати, которая снизу. С верхней, из-под потолка спрыгнул Маврик, и все трое уставились на Макса так, что ему стало неудобно. Эх, надо было перчатку с собой прихватить для храбрости... Погрызёшь хорошо знакомую перчатку, и сразу легче на душе.

— Пр-р-рошу к нашему шалашу!

— А что это такое? — Макс стал оглядываться и принюхиваться.

— Это пр-р-рросто так говор-р-рится! В общем, добр-р-ро пожаловать!

— Да он уже пожаловал, — Мавра легко спрыгнула на пол и принялась вылизываться.

— Вы здесь живёте? — робко спросил Макс и чихнул.

— Мы с Мавриком везде живём, по всей квартире. Запомни: кошка не потерпит, чтобы хоть одна дверь оставалась закрытой! В конце концов, это наш дом! Люди пусть думают, что хотят, но мы-то знаем, кто тут хозяйева — мы, кошки!

Макс не нашёлся, что сказать.

— А почему сейчас только эта дверь открыта? — в конце концов пробормотал он.

— Из-за тебя, — сказал Маврик свысока. — Ты же ещё к лотку не приучен. Салага...

— А мы, собаки, в лотках и не нуждаемся! — гордо ответил Макс.

Лужица сейчас получилась совершенно некстати. Зловредный Маврик осклабился так, что усы взъерошились, скорчил брезгливую морду и изобразил, что закапывает лужицу лапой.

— Маврик! Это ещё что за штучки — над маленькими насмеяться? Тебе напомнить, как тебя самого к лотку приучали? Забыл?

«Ну, погоди, гад лохматый. Дай вырасти, я тебе шубу подправлю», — подумал Макс и полез под кровать — отсидеться.

— Вылезай, Макс! Не из-за чего ссориться! Знаешь, Как Дашка-Сашка говорят после драки? — голос у Мавры был бархатный, как её лапы.

— Как? — буркнул Макс из-под кровати.

— Мирись, мирись, мирись и больше не дерись!

— Да мы и не дрались.

— Ещё бы вы подрались! Кто будет задираться, с тем я сама разберусь!

— Пр-р-равда, вылезай!

Макс собрался с духом и вылез. Маврик сидел скучный, глядел в сторону.

— Ну ты это... не дуйся. В общем, я не хотел ссориться. Извини.

— Идёт! — сказал Макс, и на душе у него сразу полегчало.

— Смотр-р-р-ри, тебе игр-р-рушки оставили!

Игрушки были замечательные, резиновые: толстое кольцо и оранжевый поросёнок. Только Макс ухватил его поперёк живота, как раздался писк. От удивления пасть раскрылась сама собой, свин вывалился и, шмякнувшись на пол, ещё раз придушенно пискнул. Макс попятился и взъерошил шерсть на холке. С таким чудом он ещё не сталкивался, но решил не отступать.

— Что, нр-р-равится?

— Конечно, нравится. А чего он пищит?

— Игр-р-рать хочет! Ну, я пошёл завтр-р-ракать!

Рома устроился на кормушке и захрустел семечками. Мавра и Маврик отправились на кухню, к своим мискам. А Макс продолжал трепать и грызть поросёнка. Чтобы было интереснее, решил запихать его в нору — под стол.

Пихал-пихал и застрял вместе с ним.

Под столом было темно, пыльно и тесно. Максу стало страшно, и он заскулил — сначала тихо, потом всё громче и громче.

— Эй, ты что там делаешь? Вылезай!

Макс только и смог, что хвостом повертеть.

— Мавр-р-руша, кар-р-раул! Беда у нас!

— Что ты орёшь, Рома? Что случилось? А Макс где?

— Смотр-р-ри!

— Ёлки-моталки! — сказал Маврик, и все замолчали.

— Хор-р-рош молчать, что будем делать? Макс, сам вылезти можешь?

— Не могу-у-у-у! — сказал Макс, но снаружи слышали только «бу-бу-бу».

— Р-р-ребята, давайте я его клюну! Вдруг выскочит?

— Давай, Рома!

— Давай, делать нечего! — поддержал мать Маврик.

Макс почувствовал, что его ущипнуло за правую заднюю лапу. Взвизгнул, дёрнулся, и застрял ещё крепче.

— Не вышло, — огорченно сказала Мавра. — Сильнее можешь?

— Я же не какаду какой-нибудь и не ар-р-ра. Это они клювом ор-р-рехи колют. А я волнистый.

— С другой стороны клюнуть надо!

— Ты думай, что говор-ришь, умник! Стол же к стене пр-р-риставлен! Туда не подобр-р-раться!

— Давай иначе. Макс, мы будем спрашивать, а ты хвостом отвечай. «Да» — вверх-вниз, «нет» — из стороны в сторону. Понял?

Макс поднатужился и помахал хвостом вверх-вниз.

Снаружи радостно завопили на разные голоса.

— Молодец! Тебе там больно? Нет. Дышать можешь? Да. Тесно? Так, тесно... Понятно. А ещё? Скучно? Ну, потерпи немного, Дашка-Сашка совсем скоро должны из школы вернуться. Они тебя сразу выручат. Ты же под компьютерный стол залез, а они как придут, так тут же к компьютеру бросаются. И вообще, это их комната — ну, то есть они тут живут. Спят здесь, уроки делают...

— Дерутся, — хихикнул Маврик.

— Не без этого. А что делать? Знаешь, как хозяева говорят: убить друг друга не убьют, а остальное заживёт. Они вообще люди с юмором, с ними не соскучишься. Работают, правда, много, дома почти не бывают. Мы недавно здесь живём. Раньше квартира другая была, маленькая — помнишь, Рома?

— Ещё бы! Там потолки низкие были, полетать негде. Только набер-р-решь скор-рость и уже свор-р-р-рачивай, а то р-р-расшибёшься. Эх, и вир-р-ражи я там закладывал! Высший пилотаж!

— Тебе что, плохо здесь, что ли?

— Хор-р-рошо! Только вир-р-ражи хуже получаются, так и р-р-разучиться недолго.

— Макс, ты как там — нормально? Повтори. Ага, молодец. Ты слушай, а я рассказывать буду. На чём я остановилась? К хозяйке подруга приходила. Как-то гладит она Маврика и говорит: Таня, как вы все здесь помещаетесь с этим зоопарком? Давай я этого заберу...

— Мам, ты чего оцетинилась?

— Вспоминать неприятно... Хозяйка отвечает: в тесноте, да не в обиде, всё равно скоро переезжать, а дети ещё таксу просят.

Тут Макс насторожился под столом — даже чихнул от внимания.

— Будь здоров! Папа-Костя спрашивал: почему таксу? А потому, Дашка-Сашка отвечают, что у неё характер! Заметь, хором отвечают! Значит, они заодно. Да они вообще друг за дружку горой, хотя и цапаются часто. У таксы, говорят, бойцовский характер: она в нору к барсуку лезет, а у него знаешь когти какие? Сеттер птицу поднимает, лайка соболя выслеживает, гончая зайца гонит, и всегда рядом хозяин с ружьём. А такса одна в бой идёт, охотник наверху ждёт и ничем помочь не может, пока она зверя из норы не выгонит... Стоп, кто-то пришёл!

— Кар-р-раул! — заорал попугай и вылетел в прихожую. Через минуту он вернулся — на плече у Дашки.

— Ты чего кричишь, Рома? Что случилось-то? Ой, Максик, как это тебя угораздило? Сашка, иди сюда!

— Это же надо! Под компьютерный стол залез — прямо под полку для системника. Давай, помогай!

Вскоре накормленный и утешенный Макс лежал на своей подстилке и размышлял. Всего-навсего залез под стол и так много узнал о всех, кто живёт в доме, да и о себе.

Куда бы залезть, чтобы узнать ещё больше?

А пока можно погрызть резинового поросёнка...

Новые знакомства

Когда Макс увидел пластмассовую корзинку, то ничего плохого не подумал. Корзинка как корзинка, невкусная — сам проверял. А сейчас он сидел в этой корзинке, вокруг были незнакомые звуки и запахи, и его опять укачало. Утешало одно: Дашка-Сашка были рядом. Дашка держала корзинку, а Сашка держал Дашку за руку. Оба волновались, Макс это чувствовал и волновался тоже.

— Успеваем?

— Впритык.

— Ну, ничего, там от остановки рукой подать. Паспорт взяла?

— А то!

— Давай на выход! Не отставай!

— Сам не отстань, мелкий!

— Коза!

Корзинку так трясло, что Максу стало совсем плохо. Погрыз прихваченную перчатку — не помогло.

Тут трясти перестало. Волной накатили самые разные запахи. Пахло чем-то неприятным, смутно знакомым. А ещё пахло собаками. Макс даже заскулил от нетерпения и любопытства, потом начал яростно скрестись. Ещё немного, и он прорыл бы нору из корзинки. Тут корзинку открыли, Дашка осторожно вынула Макса под брюшко и положила себе на колени.

Кругом были люди и собаки. Так говорил Макс его чёрный блестящий нос-пуговка. Нос никогда не ошибается, но своим глазам Макс поверить не мог. Кто это: ещё мохнатей, чем Мавра, только совсем без носа? И шерсть странная: светло-желтая, с чёрной маской на мордочке... Разве бывают такие собаки?

— Ты что, в первый раз здесь? — спросило существо, пыхтя.

— Ну да... А ты кто?

— Пекинес я, Лёва. Это для друзей. А так я Леопольд фон Арним цур... забыл, короче. Хозяин, и тот не помнит. В родословной написано. Тебе сколько лет?

— Мне три месяца... только.

— Салага, — пренебрежительно протянул Лёва. — Мне уже год. А когда вырастешь, таким будешь, как вон тот, у весов? Масть у вас похожа.

Тот, у весов, был огромен. Макс весь был меньше, чем его голова. Но масть правда, похожа: чёрная, с коричневыми подпалинами. И шерсть гладкая, блестящая, как у таксы.

— Извините, пожалуйста, — сказал Макс, надеясь, что голос у него не дрожит. — Вы тоже такса?

— Ты что, щенок, смеёшься, что ли? Ротвейлер я. Только вырвешься со службы на часок, сразу пристают с дурацкими вопросами.

— Извините, я не хотел вас обидеть.

— Ты? Меня? Обидеть? Пробовали некоторые, но не вышло. А потом они долго лечились.

Макс только заскулил в ответ.

— Да ладно, не хнычь, кто же на малышей обижаются. У меня тоже такие растут. Просто служба нервная, вот и раздражаюсь по мелочам.

— А вы где служите?

— В охране.

Тут открылась дверь, из неё высунулся кто-то в синей пижаме и сказал:

— Рекс Корнеев, заходите!

Рекс пошел на зов вместе с человеком, одетым в куртку с разводами. Они вдвоём перекрывали коридор от стены до стены, а в дверь проходили по одному — иначе бы не поместились. С порога Рекс обернулся и подмигнул Максусу.

— Лёва, а что там делают, за дверью?

— Когда как, — неохотно ответил курносый Лёва. — То иголками колют, то когти подрезают, то чем-то холодным по брюху елозят. Но здесь ещё ничего. Ты у грумера не бывал? Вот там жёсть. Моют, расчесывают, стригут. А то, бывает, бантики привязывают. Филя-йорк, тот вообще без бантика не показывается — говорит, породные стандарты, породные стандарты... Тьфу! Чапа, болонка мальтийская, тоже всегда с бантиком. Ну, она девчонка, что с неё возьмёшь. Как заведёт свою шарманку: «Надо быть в тренде, сейчас гламур на пике моды, в Милане все так ходят...» Вчера её видел — розовый комбинезон в сердечках, ошейник в стразах. Умора, честное слово.

— Что-то разболтался ты, Лёва, — сказал кто-то, замотанный в махровое полотенце. — Все вы декоративные, вот и наряжаетесь, кому как к морде.

— А ты-то какой? Тоже декоративный.

— Ну да, — не стал спорить кто-то в полотенце. — Только мне наряды не положены.

— Извините, а вы кто? — не выдержал Макс.

— Кролик я. Хрум Хрумыч. Психологом работаю.

— Будем знакомы. А я такс по имени Макс.

В свертке заворошились, и оттуда свесилось ухо, похожее на Максово, только побольше.

— Рад знакомству. А по профессии ты кто?

— Как — «кто»? Я... не знаю. Такса — и всё.

— Вот смотри, — терпеливо сказал из свёртка Хрум Хрумыч. — Рекс — собака служебная. Ротвейлеры, они все такие. Сторожат, преступников задерживают. Если бы сегодня Грету привели, она бы порассказала. Восемь лет в угрозыске оттрубила. Медалей — на шлейке не помещаются. Сейчас на пенсии. Вот она тоже служебная, немецкие овчарки всё умеют: и сторожить, и по следу идти, и искать всё, что угодно. Вы, собаки, на все лапы мастера. И сторожа, и охотники, и пастухи, и компаньоны. А еще психологи и психотерапевты.

— А я, а я? — всполошился Лёва. — Я-то декоративный!

— Декоративный — это тот же компаньон, только красивый. Так что терпи, Лёвка, за красоту свою страдаешь.

— Уж какой есть, — скромно сказал Лёва. — Нас ещё тыщу лет назад за китайскими императорами на подушках носили. Недаром пекинсами называемся. От львов приходим.

В свёртке хихикнули.

— Лёва, не задирай нос. Не только от льва — и от обезьяны тоже.

— И что?! — окрысился Лёва. — Человек, между прочим, тоже от обезьяны произошёл! Википедию читать надо! А нос я не задираю: нет у меня носа. Породные стандарты такие.

— Не сердись, Лёвушка, — миролюбиво сказал Хрум Хрумыч. — Значит, ты ближе к людям, чем остальные собаки. У вас пра-прабабушка общая.

В голосе кролика определенно слышался смешок.

— Хрум Хрумыч, а я кем могу работать? — вмешался в беседу Макс.

— Охотничьей собакой или компаньоном... Ты, кстати, не кроличий? А то мне что-то страшновато.

— Не, стандартный я. А компаньон что делает?

— Живёт рядом с человеком, — просто сказал Хрум Хрумыч. — Им вдвоём лучше жить, чем порознь — веселее и интереснее.

— А психолог что делает?

— Да то же самое. Только человек обычно не такой, как остальные. Мой хозяин, например, не ходит. Может, ещё поправится...

— Совсем-совсем не ходит? — спросил потрясённый Макс.

— Совсем.

— И как же ты с ним работаешь?

— Он меня гладит, мы с ним разговариваем. Общаемся, короче. «Подожди, — говорит, — Хрум Хрумыч, летом на дачу поедем, попробуешь морковку с грядки...»

— Да-а-а, — протянул Лёва, — бывает же такое в жизни.

— Ещё и не то бывает, — сухо зато ответил Хрум Хрумыч.

Дверь открылась, из неё вышли Рекс с хозяином. Рекс тянул поводок — явно хотел уйти поскорее. У выхода разок шевельнул хвостом-культяпкой, и был таков.

Ветеринар Сан Саныч

Из двери опять высунулся человек в синем и спросил:

— Кто ещё на прививку?

— Мы! — хором грянули Дашка-Сашка.

— Опять Кузнецовы? Проходите.

Макса быстро положили в корзинку, и не успел он испугаться, как очутился за той самой дверью.

— Ну, Кузнецовы, что так рано? Маврика только через месяц прививать.

— А это не Маврик! — гордо сказал Сашка.

— А кто?

— Посмотрите сами, Сан Саныч! — Дашка открыла корзинку.

Макс зажмурился от яркого света.

— Ух ты! Красавчик! Чёрно-подпалый, гладкошерстный! Сейчас, сейчас всё тебе будет: и осмотр, и взвешивание, и прививка. Ну-ка, ставьте его на стол... А как нас зовут?

— Макс. Вот же в паспорте написано.

— Ну да. Кличка — Макс, фамилия — Кузнецов. Та-а-ак...

Макс опомниться не успел, как ему поставили градусник. Прямо под хвост.

— Не ворчи, скандалист. Собакам всегда так температуру мерят. Рекса видел? И ему так мерили, даром что он рядом с тобой как слон. Только у тебя хвост прутом, а у него культяпкой. Вот и всё, ничего страшного. Нормальная у тебя температура, Максик.

— А какая у собаки температура нормальная, Сан Саныч?

— А у тебя, Профессор?

— Тридцать шесть и шесть!

— А у него — тридцать восемь! Так и запомни.

— Ага. Когда мне будут температуру сбивать, ему в самый раз.

— Именно! Та-а-ак, в лёгких чисто, сердце отличное. Несите на весы.

Дашка сняла Макса со стола и понесла в угол большой светлой комнаты — бережно, как хрустальную вазу.

Весы оказались холодными, и Макс твякнул от неожиданности.

— Не дрыгайся, весы сбиваешь. Три девятьсот, нормальный щенячий вес в этом возрасте. Ещё полпуда, и будешь совсем взрослый такс. Он же у вас стандартный?

— Стандартный! — хором ответили Дашка-Сашка.

— Оно и видно, вон лапы какие толстые. Уши, глаза... всё чисто. Прививаем. Ставьте парня на стол и по стойте рядом, подержите.

— Максик, ты что так дрожишь? — тихо сказала Дашка и погладила чёрное ухо-пельмешек.

— Не понятно? Бойтся. Ты вот любишь, когда тебе уколы делают?

— А кто это любит? Ты, что ли, Профессор?

Макс и правда боялся. Но помнил, что теперь он Настоящая Собака, и изо всех сил держал себя в лапах. Чтобы не было так страшно, прикусил рукав Дашкиной толстовки.

Запахло какой-то гадостью, в носу защекоotalo. Макс чихнул, и тут его укололо в холку — словно блоха укусила. Даже пискнуть не успел.

— Вот и всё. Через две недели можно гулять.

— Спасибо, доктор, — важно сказал Сашка.

Макса понесли в корзинке на выход, и он едва успел окликнуть новых друзей:

— Лёва, Хрум Хрумыч, счастливо!

— Увидимся! — пропыхтел Лёва.

— Ветеринара не обойдёшь, не объедешь, — поддержал Хрум Хрумыч. — Давай, до встречи!

«Интересно, как это — гулять? — раздумывал Макс в тряской корзинке. — Скоро узнаю!»

Макс провинился

— Это собака или крокодил? — риторически спрашивал Папа-Костя, показывая изгрызенный ботинок.

— Всю жизнь думала, что собаки — хищники, — вторила ему Мама-Таня. — Значит, я ошибалась? Собаки все грызуны, или это только нам так повезло?

Макс отмалчивался под диваном. Оборону держали Дашка с Сашкой.

— Он же маленький! Подрастёт и перестанет грызть. Пока иначе не может.

— Я уже сейчас не могу! Это, кстати, мои любимые ботинки! И что теперь прикажете делать?

Мама-Таня фыркнула — точно, как Мавра. Макс поёжился под диваном. Маврик после такого фыркания сразу получал от мамы по морде. Ох, что будет!

— Таня, ты же знаешь: зарплата через месяц. Заплатим ипотеку, потом взносы в лицей. Потом...

— А потом — суп с котом! Понятно, что новых ботинок мне не видать. Думайте как быть. Дашка-Сашка, вы меня услышали?

— Ага, — хором подавленно сказали Дашка-Сашка.

Из-под дивана были видны только ноги: Папы-Костины в кожаных тапках, Дашкины — в клетчатых, Сашкины — в пластиковых. Вот появились мохнатые лапы, пошли вокруг Мама-Таниных ног в синих джинсах и тапках с помпонами.

— Мурр-р-р, мур-р-р-р, мур-р-р-р-р...

— Мавруша, одна ты меня в этом доме понимаешь! Умница ты наша...

Лапы исчезли из виду — Мавру взяли на руки.

— Злые вы, уйдём мы от вас на кухню. Пойдём, Мавруша, кофе выпьем, поговорим о своём, о дамском. А вам, Дашка-Сашка, разработать план действий. Время пошло!

— Ух, железная леди! — хмыкнул Папа-Костя. — Да, погоны дают себя знать...

— Пап, а мама сейчас в каком звании? Представление на капитана подписали?

— Дарья, не съезжай с темы! Вроде подписали.

— Так, значит, она у нас в семье капитан? — спросила ехидно Дашка.

— Когда как, — сказал Папа-Костя. — А вот вы с Сашкой у нас на корабле матросы, это точно. Так что выполнять и о выполнении доложить.

Он прихватил ноутбук и ушёл на кухню. Дашка-Сашка сели на диван и пригорюнились. Максу стало так их жалко, что он заскулил у себя под

диваном. Сашка его тут же вытащил и взял на руки.

— Отстань от собаки! Сам же говорил, что нельзя его часто на руки брать, для спины вредно.

— Изредка можно. А сейчас ему плохо.

— Это нам плохо! А будет ещё хуже, если не придумаем, как быть. Думай, Профессор, включай мозги на полную мощность. А Макса дай сюда...

— Не дам! Его утешить нужно.

— Кто бы нас утешил... Отпусти собаку, сказано тебе! Не отвлекайся!

— Коза!

Сашка всё же опустил Макса на пол — и вовремя.

— Ну вот, лужа! Очередь не моя, но я уберу. А ты думай.

Макс опять залез под диван — поглубже.

— Ну, какие предложения?

— Либо купить новые ботинки, либо эти починить.

— Умник! Денег где взять?

— Заработать. Давай так: ты с ботинками к сапожнику, а я в Интернет, искать эту модель.

Дашка фыркнула — точно как Мама-Таня или Мавра —, но пошла одеваться. Сашка отправился в детскую, к компьютеру. А к Максy под диван залез Маврик и даже дразниться не стал.

— Ну, наворотил ты дел! Мать там на кухне из шкурки вон лезет, чтобы хозяйку утешить. На колени ей залезла, мурлычет — аж в коридоре слышно.

— Что там Хозяйка, плачет?

— Ну нет, этого от неё не дождёшься. Недаром в полиции служит.

— А Хозяин что делает?

— Тоже утешает. Говорит: а чего ожидать от щенка?

Макс только вздохнул в ответ.

— Не могу я не грызть. Это сильнее меня, понимаешь? Я и то удивляюсь: как Дашка с Сашкой ничего не грызут? Они ведь тоже маленькие. Вот сила воли у людей...

— Да нет, просто у них всё иначе. У тебя ведь игрушки есть специальные, чтобы грызть. Ну и грызи ты их, зачем тебе ботинки?

Макс вздохнул ещё горше.

— Тут дело в том, что игрушки я уже грыз, а ботинок — нет. Игрушки грызть уже неинтересно. А тут как раз ботинок непогрызенный. Ну, и не удержался... Эх...

— Да ты не раскисай. Сашка что-нибудь придумает. И хозяева не

звери. Держись.

Маврик вылез из-под дивана, а ошеломлённый Макс так и остался сидеть в темноте и пыли. Надо же, Маврик, оказывается, совсем не такой, каким до сих пор казался!

Влетела Дашка: шапка на затылке, куртка нараспашку.

— Эй, Профессор, иди, посоветуемся!

Они с Сашкой уселись на диван и стали шептаться.

— Такие ботинки я нашёл, только они дорогие. Пять тысяч стоят.

— А дядя Артур сказал, что за тысячу отремонтирует, и станут как новые!

— И что будем делать?

— Работу искать! Давай, шарь по доскам объявлений, а я на кухню пошла — договариваться.

Она умчалась, а в комнату вошла Мавра. Села пистолетом и принялась вылизываться.

— Сидишь, злодей? Вот и сиди. Сколько из-за тебя хлопот, уму непостижимо. Пришлось мне сегодня поработать.

— Мавруша, а ты психологом работаешь?

— Ты откуда такие слова знаешь?

— Да так, у ветеринара в очереди с одним познакомился...

— Надо же... Конечно, психологом. Мы, кошки, все такие.

Глаза у Мавры загорелись.

— Вот вы, собаки, для человека сотрудники. А мы — существа священные, древние и неприкосновенные...

— Какие вы неприкосновенные, если вас постоянно гладят?

— Не перебивай старших! Так в одной хорошей книге сказано, хозяйка её часто слушает. Там много про кота — чёрного, как мой Маврик. И про собаку Бангу тоже. Раньше кошки были богами, а сейчас не те времена. Теперь домовыми работаем, психологами. У некоторых хобби — на мышей охотятся. Кто вяжет вместе с хозяйкой или вышивает, кто цветоедством занимается...

Маврик бесшумно возник в комнате и добавил:

— А в другой книжке говорится, что кошки посланы людям в утешение и для оправдания их существования. Ну, чтоб у них смысл жизни был.

— Правильно! Ибо сказано: день счастливого человека начинается с того, что он кормит кошку!

— А про собак что в книгах сказано? — не выдержал Макс.

— Сказано: не грызите, и не будете шлёпнуты тапком! — хихикнул

Маврик.

— Да ну тебя... — Макс ещё глубже залез под диван. — Никто меня тапком и не шлёпал. Только газетой, и то один раз.

— Правильно, тебя ж тапком пришибить можно! Ты-то и весь с него ростом!

— Маврик! Замолчи сию минуту! А то я тебя не тапком, а вот этой самой лапой! Недавно сам такой был, а теперь зубоскалишь! А ты, Макс, не обращай внимания. Пусть с тапок, но уже с Папы-Костин, а был всего с Дашкин. Растёшь на глазах.

Сашка пробежал в кухню, размахивая листом бумаги. Так спешил, что чуть об Маврика не запнулся. Мама с сыном запрыгнули на диван, а Макс затаил дыхание.

Вскоре Дашка-Сашка вернулись, забрались к кошкам и стали их гладить.

— Мрр-р-р, мр-р-р-р, мр-р-р-р-р... — запела Мавра.

— Мурр-р-р, мур-р-р-р, мур-р-р-р-р... — подпевал Маврик.

От кошачьего пения Макса потянуло в сон. Но тут он услышал, о чём говорят наверху, и ушки-пельмешки сами насторожились.

— Ну, вроде разобрались. Папа даст денег на ремонт, а мы отдадим, когда заработаем. Летом будем работать, на каникулах.

— А почему не сейчас?

— Мама против. Школа, уроки, на улице холодно стоять. А пока пошли всю обувь убирать — повыше, чтобы Макс не достал.

— Пошли.

Тут вошёл Папа-Костя с Ромой на плече и позвал:

— Макс, ко мне! Вылезай, амнистию объявили!

— Р-р-рома харр-р-роший! — заявил попугай.

— Хороший, хороший! Все хорошие, только обувь грызть всё равно не надо!

Рома взлетел под потолок, в комнату вошла Мама-Таня, вкусно пахнущая кофе. Макс вылез из-под дивана и радостно тьякнул.

Большая уборка

Сегодня все были дома — даже Мама-Таня. Поэтому с утра всё пошло вверх дном.

Дашка-Сашка, лёжа в постелях, подрались подушками. Дрались, пока не ворвался взлохмаченный Папа-Костя с полотенцем наперевес.

— Вам что, заняться нечем? Прибирайтесь, вон какой раскардаш устроили! Мы с мамой поехали за провизией. А Макс где?

Макс лежал за Дашкиной подушкой и прикидывался плюшевым. Больше всего на свете он хотел очутиться под кроватью или на своей подстилке. Он успел понять, что иногда Папа-Костя страшен в гневе.

— Где-то здесь, — промямлил Сашка, оглядываясь по сторонам.

— Где?

— Без очков не вижу...

— Пр-р-р-ривет! — заорал из клетки Рома.

— Тихо ты! Все тихо! Поняли?

Когда за Папой-Костей закрылась дверь, все перевели дух и стали думать, что делать дальше.

— Профессор, слезай, больше бить не буду.

Сашка свесился сверху и показал фигу.

— Вот, поняла? Если бы папа не пришёл...

— ...то тебе бы ещё больше досталось. Всё, давай мириться.

— Ну, давай... — пробурчал Сашка.

Макс понял, что гроза прошла и вылез из-за подушки — как раз вовремя, чтобы Сашка на него наступил. То есть почти наступил: Дашка успела его схватить в последнюю секунду.

— Мирись, мирись, мирись и больше не дерись! — хором продекламировали брат с сестрой и расцепили мизинцы.

— С чего начнём? — бодро спросил Сашка.

— С начала! Я покормлю Макса, и будем вещи разбирать.

Макс побежал вслед за Дашкой на кухню, быстро проглотил завтрак, вылизал миску и поспешил обратно, лопаясь от любопытства.

В комнате всё было кверху дном. На Сашкиной кровати под потолком сидели Мавра с Мавриком: наблюдали, свесив усы, щурились, помаргивали. Дашка-Сашка сидели на полу в куче вещей, разбирали её и опять цапались.

— Смотри, уже третьи твои джинсы!

— А чья это маечка с надписью «Реальный пацан»? И камуфляжная толстовка... А джинсы дай сюда, я их вторую неделю ищу.

— Под кровать посмотреть не догадалась?

— Смотрела, их там не было! Вот майка с Человеком-пауком была.

— А почему не достала?

— Я что, нанялась за тобой убирать?

— Сейчас получишь!

— Кто-кто получит?

Тут сверху мягко соскочила Мавра, улеглась между спорщиками на симпатичной футболке с тиранозавром и принялась вылизываться.

— Профессор, эта кошка умнее нас с тобой. Надо не выяснять, кто беспорядок развел, а порядок наводить. Волоки всё в стиралку.

Мавра встала и гордо удалилась на кухню, подёргивая хвостом. Макс побежал следом: спросить кое о чём и заодно присмотреть за своей миской, а то мало ли что...

— Дашка-Сашка что — взбесились, что всё вверх дном переворачивают?

— Макс, у них всё вверх дном — это нормально. Вот сейчас приберутся, поживут в порядке день-другой, и опять всё будет по-старому. Ты просто недавно здесь живёшь. Да что ты к своей миске приклеился? Я на диете, и твоя каша мне сто лет не нужна!

— Извини, Мавруша, я иначе не могу. У нас, у собак, всегда так. Хозяина, миску и дом защищай до последнего, иначе ты не собака. Мы с этим рождаемся. Так что я тут посижу, рядышком.

— И кто же твой хозяин? — Мавра так заинтересовалась, что оторвалась от поилки.

— Папа-Костя, конечно. Он меня выбрал, а я его.

— Ну, тогда ему бояться нечего, — съехидничала Мавра. — А все прочие тогда кто?

— Члены стаи.

— И мы тоже с Мавриком?

— Вы — соседи, хорошие соседи. Я про людей говорю. А Папе-Косте бояться нечего, ты права. Я его никому в обиду не дам. И его, и Дашку с Сашкой, и Маму-Таню. И вас тоже. Не всегда же я буду ростом с тапок. Подрасту когда —нибудь.

— Ты уже растёшь, Максик. Внутри больше, чем снаружи. А Папа-Костя правильно выбрал, я смотрю... Ну что ж, с таким защитником и нам бояться нечего.

Мавра спрыгнула с подоконника, подошла к Максу и неожиданно лизнула его в нос:

— Ладно, пойду, пригляжу, чтобы эти двое детскую не разнесли...

В детской стоял дым коромыслом. Дашка застилала кровати чистым постельным бельём, когда с победным воплем ворвался Сашка.

— Вот он! Ура-а-а-а!

— Ты что орёшь? Кто «он»?

— Стегозавр! Я его так искал, а он был в кармане джинсов — тех, что что я кетчупом залил! Сейчас запихиваю их в стиралку, а стегозавр вывалился!

— Ты что, карманы не проверял? Угробишь машинку — знаешь, что с нами будет?

Дашка исчезла, как смерч. Макс залез под батарею, но уходить из детской было жалко: когда ещё такое увидишь! Сашка виновато шмыгнул носом, погладил стегозавра и поставил его на полку, к прочим чудищам. Вид у них был отвратный, но погрызть и не такое можно. От греха подальше Макс взялся грызть старое, давно знакомое резиновое кольцо: динозавров всё равно не достать, слишком высоко...

В ванной что-то заворчал, загудело. Таксичье любопытство мгновенно сорвало Макса с места — едва впопыхах кольцо не забыл.

Стоящая в ванной огромная белая штуковина ожила. Она рычала и ворчала, как большой рассерженный пёс. Макс поджал хвост и примирительно гавкнул. Штуковина продолжала рычать, и Макс, покрепче прикусив кольцо — для храбрости — подошёл поближе.

Посередине штуковины было окошечко, похожее на глаз. За окошечком что-то крутилось и мелькало, так, что у Макса закружилось в голове.

— Пойдем, нечего здесь смотреть, — сказали сзади.

Это оказался Маврик.

— Стиральная машинка это. Опасная вещь. Однажды я туда залез поспать, внутри. А что: удобно, никто не мешает. Махровые полотенца

мягкие. Ладно, хозяйева ещё Папы-Костины рубашки решили постирать. Что потом было!

— А что было-то? — хвост у Макса мелко задрожал.

— Что — что... Мать так всыпала... — Маврик сел и начал умываться.

— Слушай, зачем ты все вылизываешься? И так чистый, шерсть блестит.

— Волнуюсь, — признался Маврик. — Думаешь, приятно такое вспоминать? Хорошо ещё, жив остался. У нас, кошек, правило: если тебе плохо — умывайся.

— А если хорошо?

— Тоже умывайся. Тут не объяснишь. Оно само получается.

— А-а, это, наверно, как хвост сам по себе виляет?

— Вроде того. Только мы хвостом виляем, когда сердимся.

Макс решил запомнить это покрепче.

В детской что-то завывало, и шерсть на Маврике встала дыбом.

— Всё, я пошел, отсижусь на кухне.

— А что это воет? — Макс поспешал за Мавриком со всех лап.

— Пылесос. Им с пола всякую всячину собирают и бранятся, что мы линияем. Тебе хорошо, ты короткошёрстный. А мы с матушкой... ну, сам видишь. Пушистые мы.

— Ты что, боишься его, пылесоса?

— Побаиваюсь, — признался Маврик. — Знаю, что он безвредный, а ничего с собой сделать не могу. Понимаешь, он воет, как мы, коты — когда в марте драки начинаются. «Выходи, я тебя сейчас на части раздеру!» — вот что это означает. Такая у нас боевая кошачья песня. Только послушаешь, и сразу ясно, кто поёт. А чтобы так петь, как пылесос, нужно быть с Папу-Костю величиной. Представляешь такого кота? Меня одной лапой прихлопнет и не заметит.

— Да ведь ты знаешь, что это пылесос! И сам говоришь, что он безвредный!

— Знаю! Это сильнее меня — инстинкт называется. Понимаешь, когда кошачий язык складывался, никаких пылесосов и в помине не было. Всё, Макс, отстань, я перекушу. Когда ешь, не так страшно.

«То-то ты такой толстый», — подумал Макс, но промолчал и улёгся в коридоре — обдумывать услышанное. Чтобы лучше думалось, грыз резиновое кольцо. Грыз-грыз и уснул.

Сквозь сон было слышно, как мимо ходили туда-сюда, шикали друг на друга: «Тихо ты! Топаешь как слон!»

Когда Макс проснулся, с кухни так вкусно пахло, что лапы сами туда

заторопились. На кухне за столом сидели Папа-Костя, Мама-Таня и Сашка. Дашка стояла у плиты и подбрасывала всем на тарелки поджаристые оладушки. На плече у Мамы-Тани сидел Рома и прихватывал её клювом за ухо. Он посмотрел на Макса и крикнул:

— Хор-р-рошо!

Всё и правда было хорошо.

Первая прогулка

С утра Макс что-то подозревал. Дашка-Сашка перешептывались, переглядывались и пересмеивались. От любопытства щекотало в носу и сами собой подергивались лапы.

Маврик и Мавра явно знали, в чем дело, но молчали. Мавра умывалась так, словно не мылась месяц, и на все Максовы приставания отвечала только: «Не мешай, у меня сегодня спа-день!» Маврик запрыгнул на Сашкину кровать — под самый потолок — и лежал там, свесив хвост. Рома прикинулся, что перестал разговаривать, а потом вообще сунул голову под крыло, нахохлился и заснул.

С горя Макс окончательно разгрыз пластиковую бутылку и взялся за коробку из-под овсянки. Только вошёл во вкус, как на кухню вошли Дашка-Сашка, улыбающиеся до ушей.

— Макс, ко мне! — позвал Сашка.

Любая Настоящая Собака знает эту команду. Макс побежал на зов. Дашка присела на корточки и застегнула на нём новенький, вкусно пахнущий ошейник.

— Красавец! — подытожила она и потрепала Макса по загривку.

— А то! — подтвердил Сашка.

Макс не помнил себя от счастья, а хвост вилял из всех сил — так, что получался лёгкий ветерок.

— Ну, пойдём!

В руках у Сашки был поводок — настоящий поводок, красиво сплетённый из нескольких ремешков. Сашка пристегнул его к ошейнику и взял Макса на руки.

— Смотри не урони! — Дашка надела кроссовки и открыла дверь.

— Сама ничего не урони!

— Потом получишь!

Остальной перепалки Макс не слушал: ему было не до того. Его чёрный носишко захлёбывался от новых запахов: пыли, табака, множества разных людей, нескольких собак, чего-то ещё незнакомого...

Дверь подъезда распахнулась. Снаружи хлынули запахи мокрой земли, зелени, ещё чего-то чудесного! Макс тьякнул от восторга и так забился, что Сашка едва его удержал.

— Уронишь — убью! — прошипела Дашка.

Сашка поставил Макса на землю, почесал ему за ухом и сказал:

— Гулять!

Макс припустил со всех коротких лап. Сашка бежал следом, сжимая поводок, а Дашка снимала их на телефон. Из-под ног у Сашки со звуком «фр-р-р-р-р» шарахнулись какие-то невзрачные птички. От удивления Макс застыл на месте и насторожил уши.

— Ты что, воробьёв не видел?

— Конечно, не видел! — вмешалась подошедшая Дашка. — Он же в

первый раз на улице. И вообще, дай сюда поводок.

— Коза!

Но поводок Сашка всё-таки отдал.

Тут подошёл мальчишка в расстёгнутой ветровке и спросил:

— Что, Кузнецовы, добились своего?

Дашка-Сашка одновременно кивнули. Макс дёрнул поводок и побежал вместе с Дашкой в угол двора, к кустам, покрытым яркими молодыми листочками.

— Небось долго щенка выпрашивали?

— Почти год, — сказал Сашка и поправил очки. — Сначала родители уперлись: нет, и всё. «Неужели, — говорят, — вам кошек и попугая мало?» Мало, говорим. А знаешь, что помогло? Книжка про Карлсона. Дашка её стала читать вслух — ну вроде как мне читает. Будто я сам не могу прочесть, слишком толстая для меня.

— Ага, можно подумать, — хихикнул мальчишка. — У тебя скорость чтения какая?

— Забыл. Да какая разница? Тут дело в психологии. Она выразительно читает, понимаешь? Как актриса. Там Малыш говорит: «Вот так и проживешь всю жизнь — без собаки!» Дашка читает громко, с выражением. Дверь в коридор открыта, по коридору родители проходят. Понял?

— Я-то понял. А они когда поняли?

— Ну, не сразу. Потом сказали: будет разделение труда. Прогулки — наши с Дашкой. Лужи убирать — тоже мы, я по чётным числам, она по нечётным. Ну, там много ещё чего. К ветеринару — мы, дрессировать — тоже мы. В общем, договорились. Уже на деньги из-за него попали...

— Это как?

— Он мамин ботинок погрыз. Деньги на ремонт родители дали, а мы на каникулах будем отрабатывать.

— Ну, вы даёте, Кузнецовы... А породу кто выбирал?

— Мы с Дашкой, кто же ещё.

— И что вы нашли в этом криволапом?

— А то! Ум и характер! Твой Хрюндель не полезет в нору к лисе или барсуку, а такса полезет.

— А ему и не надо по норам лазить... Стоп! Куда он делся?

Макс был счастлив: он копал. Дашка с поводком на шее стояла неподалёку, поглядывала на него и разговаривала с кем-то по телефону. А Макс рыл влажную землю передними лапами, стараясь изо всех сил, иногда помогая мордой. Нос подсказывал, что здесь совсем недавно были

мышь: толстенькие, аппетитные... Интересно, каковы они на вкус?

— Ты что, решил здесь метро построить? — хрипло твякнули сзади.

Сородич был всё-таки больше похож на собаку, чем Лёва-пекинес: чёрный с белой манишкой, гладкошёрстный, лоснящийся. Нос куда меньше, чем у Макса, но побольше, чем у Лёвы. «Подумаешь, и с таким носом можно жить» — думал про себя Макс, обнюхиваясь с незнакомцем.

— Так ты новенький у нас во дворе? Что-то я тебя тут раньше не видел... Ну, давай знакомиться. Я Гастон, француз — ну, бульдог французский. Для друзей Хрюндель, можно просто Хрюня.

— А я такс по имени Макс.

— Айда голубей гонять!

— Айда!

Гонять голубей оказалось очень весело. От них куда больше «фр-р-р-р», чем от воробьев, и летают они медленнее: толстые, ленивые, раскормленные сердобольными старушками.

— Давай, слева заходи! — азартно командовал Хрюня. — Гони их на меня!

Макс слегка запыхался, но не протестовал: француз был старше и крупнее, да и здешний старожил. Всё равно играть вместе куда веселее.

— Вот ты где! Ко мне!

Хрюня с разбегу остановился посреди голубино вихря и побежал на зов, виновато крутя хвостом-культяпкой. Макс ещё пару раз гавкнул на голубей и побежал вслед за новым приятелем. Его уже взял на поводок хозяин — мальчишка в расстегнутой ветровке.

— Всё, домой! Фиг тебе, а не прогулка! В следующий раз — только на поводке!

— Да что ты кипятишься, Данька? Что он такого сделал? — спросила Дашка, вытирая вспотевший лоб.

— Убежал далеко, вот что. А по дворам его искать знаешь как трудно? У вас, Кузнецовы, ещё всё впереди... Так что, если нужно — обращайтесь!

— Щаззз! — сказала Дашка.

— Спасибо, обязательно! — ответил Сашка и незаметно ущипнул сестру.

— Ну, Профессор, погоди! Дома поговорим!

— Нет, лучше сейчас поговорить — сказал взрослым голосом Сашка, глядя вслед Даньке с Хрюндедем. — У нас правда всё ещё впереди. Дрессировать, лечить, кормить. Хорошо, когда есть, с кем посоветоваться.

— А Интернет на что?

— Есть такая вещь — сарафанный маркетинг называется. А Данька

человек опытный. Хрюндель у них третий год живёт.

— Нечего нос задирать!

— А он и не задирает. Это ты нарываешься. Из-за чего ссориться?

— Не из-за чего... — со вздохом признала Дашка.

Тем временем Макс обнюхивал столбик, на котором расписывалось всё собачье население двора. Чёрный мокрый нос выдавал столько информации, что голова шла кругом. Кого здесь только не перебывало! Макс представить себе не мог, что на свете так много собак. Огромные и маленькие, старые и молодые, больные и здоровые. Вот и Хрюнин автограф...

— Пошли домой, мыться!

— Чур, теперь я его понесу!

— Коза! Ну ладно...

Макса взяли под живот и понесли по ступенькам.

— Ты собака или поросёнок? — ворчала Дашка. — Это надо так перемазаться!

— Что ты на него взъелась? Знаешь, что на таксичьих форумах пишут? «Взяли норника — терпите, вы знали, на что шли!» Не может такса не рыть!

— А что такое норник?

— Норные собаки — все, кого выводили, чтобы охотиться на зверей, которые живут в норах. На лису там, на барсука... Короче, все терьеры и таксы.

— Сашка, тебя не Профессором называть надо, а Яндексом или Гуглом.

— Лучше Александром Константиновичем. Ты читай больше, глядишь, и тебя Википедией называть будут..

Дашка попыталась лягнуть братца, но тот ловко увернулся.

— Читай, читай... Ты лучше скажи, что почитать интересного.

— Да хоть про твою тёзку, Дашеньку.

— Какую такую Дашеньку?

— Про фокстерьера Дашеньку. Вот она грызла, так грызла. Одной мебели целый гарнитур, а ещё ковёр, диван и всякой всячины целую кучу. Макс у нас просто ангел, если с ней сравнивать.

— Сбрось мне ссылку.

— В библиотеку запишись, Коза!

— Дождёшься, Яндекс очкастый!

— Балда ты, Дарья, — сказал Сашка неожиданно печальным и очень взрослым голосом. — Глаза прооперировать можно, а вот мозги... Знаешь, с кем можно в библиотеке познакомиться?

— С кем?

— Я, например, с Толиком познакомился. Он на год старше тебя, а скоро на региональную Олимпиаду по программированию поедет.

— Если он такой умный, то что в детской библиотеке делает?

— Книжки берёт, зачем ещё в библиотеку ходят. Думаешь, он только и делает, что программы пишет? Читает, спортом занимается. Общается с интересными челами.

— Такими, как ты?

— Ну да.

Дашка растерянно взглянула на брата и замолчала.

Тут открылась дверь, оттуда запахло Домом, и голос Мама-Тани сказал:

— Господи, это же надо так извазюкаться! Живо в ванную! Полотенце для Макса сейчас дам.

Отмывали Макса долго, в четыре руки — Дашкины и Сашкины, потом вытирали махровым полотенцем в цветочек, стареньким, но чистым. И всё это молча — так, что Мама-Таня даже забеспокоилась.

— Вы случайно не заболели, что не цапаетесь? Оба рогатые, вот и бодаетесь постоянно!

— Как — рогатые? — подала голос Дашка.

— Ты — Телец, Сашка — Козерог, вот вас мир и не берёт. А сейчас-то что случилось?

— Ничего, мам, всё хорошо.

— А то смотрите мне! — погрозила Мама-Таня для порядка и ушла на

кухню.

Через два часа сытый Макс лежал на своей подстилке, рядом сидели Мавра с Мавриком, а сверху, с занавески поглядывал чёрным глазом Рома. Все слушали Макса, затаив дыхание.

— Там кусты есть, а на них листики — зелёные такие...

— Вкусные? — прервал обжора Маврик.

— Не очень. И ещё воробьи и голуби — их гонять можно...

— А они вкусные?

— Мавр-р-рик! Ключу!

— Собак там — видимо-невидимо. Один такой классный, хотя почти без носа, Хрюней зовут...

— А он...

— Маврик! Ещё раз перебеёшь, я тебя..! Ты рассказывай, Макс, рассказывай...

В детской тоже шёл тихий разговор.

— Саш, ты не обижайся, правда. Это я сдуру так сболтнула. Тебя что, в школе дразнят из-за очков? Да? Скажи, кто, я им накостыляю!

— Уже не дразнят. И бить никого не надо — я сам справился.

— Сам их побил?

— Не без этого. Но не только.

— Ты извини меня, Профессор. Я больше никогда тебя очкастым не буду называть. Что, сильно дразнили?

— Ну-у-у... Я ведь ещё и рыжий вдобавок. Ты чего ревёшь?

— Стыдно-о-о... Давай мириться?

— Давай.

— Мирись, мирись, мирись и больше не дерись! — прошептали Дашка-Сашка и расцепили мизинцы.

— Профессор, я тобой ужасно горжусь. Ни у кого такого брата нету. А как в библиотеку записаться?

— Завтра расскажу. Давай спать.

— Давай. А вот и Мавруша идёт.

— Мр-р-р-р, мр-р-р-р, мр-р-р-р...

Макс давно спал, и лапы у него подёргивались. Ему снились голуби.

Летучий кот

Макс блаженствовал: зажмурившись, лежал на полу балкона в солнечном пятне и грелся. Маврик устроился в цветочном ящике, висящем на перилах, и довольно мурлыкал. Пахло недавним дождем, тополевыми почками. Благодать... Когда ещё гулять поведут, а пока и здесь хорошо.

— Макс, а Макс...

— А?

— Вот ты чего бы сейчас хотел?

— Мышь поймать. Там, во дворе, такое место есть: точно мышами пахнет. Только поглубже копать надо.

— А я бы воробья поймал. Наглые такие: чирикают и вообще...

— Что «вообще»?

— Воробьи. Мы ж с тобой хищники, а они — воробьи.

— Я пробовал их ловить, не получается. Они «фр-р-р-р-р» — и всё, ищи-свищи.

— Да ты не умеешь просто. Надо затаиться, подстеречь и из засады — прыг!

— Тоже мне, охотник... Ты ж и на улицу не ходишь.

— Ну и что? Я по телеку видел! Канал «Дискавери», понял? Там про кота манула показывали: как он живёт, как охотится.

Макс разжмурился и посмотрел вверх. Маврик стоял на перилах и развеивал шерстью — куда там манулу. Прощёлся вправо-влево, гордо поглядывая по сторонам...

— Вот смотри, летит! Щас я его...

Тут что-то мелькнуло, и Маврик исчез из виду.

Макс вскочил и с лаем бросился на пластиковое ограждение балкона. На шум прилетел Рома-попугай:

— Что тут твор-р-р-рится?

— Маврик пропал! Рома, вылети, посмотри, мне тут ничего не видно!
Рома ещё не успел сделать разворот, как снизу раздался хриплый мяв:

— Помогите!

— Ты где, Мавр-р-рик?

— Тут, на дереве!

— Дер-р-ржись! А ты помолчи, Макс! Сейчас и без тебя шума будет много.

Рома заорал: «Кар-р-раул!» и упорхнул с балкона в комнату. Макс уселся в углу и изо всех сил старался не лаять. Тут примчалась Мавра: один прыжок на балкон, второй — на перила. За ней вошла Дашка с Ромой на плече.

— Ты что, Рома? Что случилось? А Маврик где? Ой!

Дашка метнулась в комнату, изнывающий от беспокойства Макс — за ней.

— Профессор, там Маврик с балкона упал! На дереве сидит!

— Звони в МЧС!

— Уже набираю!

На душе у Макса полегчало. Дашка-Сашка вдвоём — это сила. Теперь можно не волноваться. Он прихватил резинового поросенка — погрызть, чтобы отвлечься — и вернулся на балкон. Там все были в сборе: Мавра сидела на перилах, и глаза у неё горели так, что хвост у Макса поджался сам собой. Рома устроился на верёвке для сушки белья среди прищепок.

— Дер-р-ржись, в МЧС уже позвонили!

— Я и так держусь! Всеми когтями!

— Если свалишься и свернёшь себе шею, домой можешь не приходить!

— Mam, ну что ты, в самом деле!

— Я сказала — ты услышал! Прадедущка Иннокентий однажды сутки просидел, пока не сняли. Так когтями вцепился — чуть столб не вывернули, пока снимали! С тех пор столб и остался стоять, словно пизанская башня.

— Какая это башня? — встрял любопытный Макс.

— В Италии такая башня есть, шестьсот лет упасть собирается, и всё никак не упадёт. «Дискавери» надо смотреть, а не это ваше барахло «У нас на раёне»! Маврик, слышишь? Это я тебе говорю, между прочим!

Маврик только жалобно мяукнул, а Макс покрепче закусил резинового поросёнка, чтобы не проболтаться.

— Макс, а что вообще случилось?

— Ну-у-у... Маврик хотел воробья поймать и свалился.

— А воробья-то поймал? Маврик, я тебя спрашиваю!

— Не-е-ет!

— Какой позор! Сибиряк называется! Слышал бы тебя прадедушка Иннокентий! Настоящий сибиряк был: и в доме, и в погребке всех крыс перевёл. Ворона повадилась таскать цыплят, так он притаился, подкараулил её и выдрал хвост начисто. Еле-еле крылья унесла, ну, зло затаила, понятное дело... Потом прилетела и дразнила прадедушку, пока он за ней не погнался — азартный был, Иннокентий-то. Ворона от него, он за ней, ворона выше и выше — он за ней по столбу взбирается. Глянул вниз — мать честная! До земли лететь и лететь, а ворона того гляди от смеха лопнет. Посиди, говорит, охолонь. И улетела, а он на столбе сидеть остался.

— А дальше-то что? — подал голос Маврик.

— Что-что... Сидел-сидел и начал орать во всю глотку. Хоть и не март, а что делать: пропадать-то неохота на радость вороне. Так и орал дурномявом, пока люди не заметили. Хозяева прибежали, начали раздумывать, что делать. «Кис-кис, Кешенька, иди сюда!» Ага, как же... Прадедущка и рад бы слезть, да не может: когти как впились в дерево, так и держат. Сметаной манили, рыбой. Решили его испугать, клин клином выбить — дескать, со страху сам соскочит. Привели лайку-соболятницу. «Взять!» — говорят. Она у столба лает, а прадедущка сверху кричит: «Найда, лучше уйди от греха! Ты что, не помнишь, откуда у тебя шрам на носу? Добавить? Если слезу, никому мало не покажется, полетят клочки по закоулочкам! Не веришь — у Бурана спроси, он не даст соврать!» Найда хвост поджала и домой. Пришлось хозяевам монтера звать. Он когти надел...

— Ты что, мам, откуда у людей когти?

— Да это железяки такие, их на ноги надевают. Своих-то когтей нет, так хоть такие прицепить... Залез на самую верхотуру и отодрал прадедущку от столба, коготь за когтем. Потом сунул его за пазуху и спустился.

— А потом? — не выдержал Макс.

— А потом прадедушка отработывал: крыс ловил у монтера дома. Три месяца вкалывал. После монтер его с почётом домой отвёз, в корзинке. Ну, говорит, это всем котам кот! С ним хоть на охоту ходи... Маврик, сидишь?

— Сижу-у-у!

— Держись крепче, скоро приедут.

— Ты у нас, Мавр-р-руша, пр-р-рямо Шехер-р-резада!

— А то! Думаешь, почему про Кота-Баюна рассказывают, а не про кого другого? Зимние вечера длинные, за окном мороз трещит, а в избе тепло. Детвора угнездится на печи да на полатах и сказки друг другу рассказывает. А лучшие сказочники — мы, кошки! Как заведёшь: «мур-р-р, мур-р-р-р, мр-р-р-р», так кто угодно угомонится и слушает, пока не уснёт. Прадедушка хорошо сказывал: замурлычет, так на улице слышно.

— Он у тебя на все лапы был, Мавр-р-руша!

— Да уж... А прадедушкин прадедушка, Василий, тот на Дальнем Востоке жил и на тигров охотился. Дома только зимовал, крыс ловил. А на всё лето в тайгу уходил. «Мы, — говорил, — этих тигров на четыре части дерём и за себя кидаем»

— Да не может такого быть! — вырвалось у Макса.

— Ещё как может! У деревни, где Василий жил, тигры больше и не появлялись. Ушли куда глаза глядят, знали, что с ним шутки плохи. А раньше по три коровы за лето задирали. Так-то!

— Вы же им родня, тиграм-то?

— Про других кошек не знаю, а мы, сибирские — да!

— Ма-а-ам! — подал голос Маврик.

— Чего тебе, горюшко моё?

— Расскажи ещё что-нибудь, а то сидеть скучно.

«И не скучно Маврику, а страшно, — понял Макс. — Молодец: держится и виду не подаёт»

— Пр-р-равда, р-р-расскажи, Мавр-р-руша!

— Расскажи, пожалуйста!

— Про что рассказать-то?

— Про прадедушку Иннокентия! — мяукнул снизу Маврик.

— Ну ладно... Запомнились прадедушке монтеровы слова, и втемяшилось ему в голову: пойду да пойду на охоту! Кто его только не отговаривал! И хозяйские лайки: Кучум с Дымкой, и Сильва с Сободем, что по соседству жили. «Опомнись, — говорят, — Кеша! Куда тебе на промысел? Василий-то летом в тайгу ходил. А зимой в снег провалишься — и каюк». Нет, упёрся. Чалдоны, они все такие упрямые...

— А это кто такие?

— Сибиряков так называют... Не перебивай, Маврик! Ну, зима настала, хозяин на промысел собрался. Пельменей мешок приготовил, щей мешок...

— Это как — мешок щей?

— Хозяйка сварила огромный котёл, по мискам разливала и замораживала. Ледышки в мешок ссыпала, и все дела! Ушёл хозяин с лайками в тайгу, а потом дома хватились: Иннокентий-то где? Пропал и пропал!

Макс даже заскулил от любопытства.

— Кончился сезон, вернулся из тайги хозяин — и прадедушка с ним. Это он на нартах спрятался, под полстью, только в зимовье и вылез. Так там и жил, на хозяйстве. Ну, охотился, конечно, заполевал пару белок... А так всё больше мышковал. Мышей там сила. Лезут в зимовье — в тепло, на чужие харчи. Так что работал прадедушка не покладая лап. Хозяин говорил, что никогда такого удачного сезона не бывало. Ещё бы: придёт усталый, промёрзший, голодный, а ему навстречу Иннокентий выходит: хвост трубой, усы веером. «Мур-р-р, — поёт, — мур-р-р, здравствуй, хозяин, проходи, будь как дома, я тебя заждаюсь...» Тут сразу и теплее кажется, и светлее, и щи наваристее. И спится под кошацьё пение куда лучше. А кто хорошо отдохнёт, тот лучше поработает! Чуть не вдвое больше шкурок привезли хозяин с Иннокентием. А сам прадедушка в тайге такую шубу отрастил, что по ней мы и фамилию получили.

— А какая же фамилия у вас, Мавр-р-руша?

— Известно какая — Мохнатых!

— Пр-р-р-икольная фамилия!

— Нормальная, сибирская. Стоп, что это за шум такой?

— Дашка, пошли вниз, эмчеэсники приехали!

Первым у двери оказался Макс.

— Место! — рявкнула Дашка, впопыхах надевая кроссовки.

Но Макс успел проскочить в закрывающуюся дверь и вихрем понёсся вниз по ступенькам.

Рассчитал он правильно. Ловить и тащить домой его не стали. Так что у странной машины под балконом стояли втроём: Сашка-Дашка и Макс. Все, задрав головы, смотрели, как сверху спускается что-то вроде большой корзины, а в ней человек в синем — с Мавриком под мышкой.

— Ну что: весна, коты полетели... — сказал он басом. — Забирайте своего парашютиста. Везучий он у вас.

— Спасибо вам, — сказала Дашка и взяла Маврика в охапку.

— Не за что. Работа такая. Вот здесь распишитесь за вызов.
— Ты держи Маврика покрепче, а я распишусь, — вмешался Сашка.
— А ты умеешь? — удивился тот, в синем.
— Я во втором классе учусь.
— Надо же... Ну, вырастешь, приходи к нам работать.
— Я подумаю, — серьёзно ответил Сашка.
— Думаай, думаай. А пока скажи своим, чтобы сетки на балкон поставили. Если что — вызывайте.
— Спасибо! — хором сказали Дашка-Сашка.
Маврик моргал жёлтыми глазами, очумело вертел головой.
— Эх ты, летучий кот! — съязвила Дашка и почесала ему за ухом.
В прихожей на дверном косяке сидел Рома-попугай. Маврик спрыгнул на пол с Дашкиных рук и тут же припал к паркету, распластался по нему так, что стал похож на меховой коврик. Макс увидел входящую Мавру, — хвост хлещет по бокам, глаза горят, усы взъерошены, — и похолодел. Эх, и влетит сейчас Маврику! За меньшие проступки он получал от матушки по морде: раз-раз, так, что лап не видно. Со страху Макс зажмурился.
Когда он осмелился посмотреть одним глазом, Мавра сидела рядом с непутёвым сыном и вылизывала его, умывала, словно маленького. Дашки-Сашки не было видно, Рома — и тот улетел.
Макс осторожно прошел в детскую, стараясь не стучать когтями. Кошки этого не заметили.
— Ну что? — спросил сверху Рома.
— Ничего. Я думал, она его убьёт...
— Зр-р-ря ты так думал! Мавр-р-руша мудр-р-рая!
Тут в детскую вошла Мавра и сказала:
— Ужинать! Макс, сегодня овсянка с курицей, тебе уже положили!

Полтора Уха и другие неприятности

Сегодня прогулка не задалась с самого начала. Никого из знакомых во дворе не было, и Макс гонял воробьёв и голубей в одиночку. Дашке надоело бегать среди орущих птиц, она отстегнула поводок и увлечённо болтала с кем-то по телефону. Тут из подвала вылез тощий серый кот и уселся наблюдать за Максом. Сидел-сидел и стал подкрадываться к голубям с другой стороны.

— Не мешай! — тявкнул Макс.

— Это ты не мешай! Всю охоту портишь! Ты что, есть их будешь?

— Нет, конечно!

— Ну так и не лезь! Я второй день не жрамши, а ты вон какой гладкий. Небось дома живёшь?

— Ну да.

— Так и вали домой, не отсвечивай.

— Чё за наезды, в натуре? — Макс вовремя вспомнил фразочку из сериала «У нас на раёне», за которую Маврику не раз попадало.

— А то! Не фиг здесь когти гнуть. Мы тут хозяйева — дворовые! А ты, домашний, сиди дома, носи хозяйевам тапочки.

— Тебя забыл спросить!

Серый зашипел и выгнул спину. Макс припал на передние лапы, залаяв так, что голуби взвились всей стаей. Кот порскнул к мусорным бакам, Макс понёсся за ним сквозь голубиный вихрь...

— Лапы короткие! — поддразнил нахал, обернувшись на бегу, и Макс заметил, что у того вместо правого уха торчит какой-то огрызок.

«Поймаю — второе оторву!» — решил Макс и прибавил скорость. А дальше всё затмил азарт погони. Впереди мелькал облезлый хвост, разлетелись воробьи, шархнул в сторону старик с палочкой, с грохотом

упал мальчишка на роликовых коньках, завизжала сигнализация...

Пришёл в себя Макс неизвестно где. Он стоял на задних лапах, опираясь передними на дерево. Сверху ухмылялась злобная кошачья морда.

— Ну что, догнал? — осведомился Полтора Уха.

— Всё равно поймаю!

— Давай, лови!

Проклятый кот прыгнул на землю и вальяжно прошёлся совсем неподалёку. Макс попытался цапнуть его за хвост и понял, что не может пошевелиться.

— Устал, бедняжка? Это тебе не по коврам да паркетам разгуливать! Пока!

Полтора Уха копнул пару раз асфальт передней лапой в знак презрения, скорчил рожу и пошёл прочь, задрвав облезлый хвост. Обернулся и бросил на ходу:

— Как доберешься, позвони! Или тебе такси вызвать?

Он хихикнул и исчез в кустах, а Макс с ужасом понял, что потерялся. Ни одного знакомого запаха вокруг, неизвестные дома и люди! Оставалось только заскулить и спрятаться под скамейку. Там валялись фантики, обертки от мороженого, пакет из-под чипсов. Ничего съедобного, а есть так хотелось! От усталости лапы не держали — подгибались. Хвост поджался под брюхо и ничего посоветовать не мог.

На скамейке расселась компания подростков — хвастаться новыми телефонами. Их сменили две мамы с колясками. Потом какие-то старушки судачили о детях и внуках... Макс лежал на пыльном асфальте и пытался взять себя в лапы. Наконец решился и вылез наружу.

— Ой, девочки, гляньте, какой лапусик!

Никаких девочек вокруг не было видно, и Макс не сразу сообразил, что это старушка в темных очках обратилась к двум другим.

— Сбежал, наверно. Или потерялся. Ну, значит, я ей и говорю: «Не забываетесь, милочка! Вы здесь няня, а я — бабушка!»

— А она что?

Макс побрёл прочь в быстро густеющих сумерках и оказался на улице, где все дома были маленькие, одноэтажные — таких он никогда не видел.

— Эй, ты чё здесь шляешься?

Перед Максом стоял лохматый пёс немногим больше его и ухмылялся во всю пасть.

— Потерялся я, — угрюмо ответил Макс и почувствовал, что добром дело не кончится. Хвост был того же мнения: напрягся как стальной прут.

— Ах, бедняжка! Дома небось все глаза проглядели...

Лохматый толкнул Макса в плечо — так, что едва не сбил его на асфальт. Макс зарычал и оскалился.

— А чё так дерзко? — процедил задира.

Из-за угла появились ещё три пса, все куда крупнее. Они теснили Макса к забору. Оставалось только драться.

В подворотню изнутри с трудом просунулся чёрный нос. Поелозил немного, оценил обстановку и убрался обратно. Из-за ворот раздалось:

— Р-Р-Р-Р-ГАВ!!!

Сказано это было так, что стая мгновенно развернулась и бросилась прочь. У Лохматого задние лапы занесло на повороте, он едва не упал, но удержался и рванул так, что обогнал всех остальных.

Макс так устал и проголодался, что не поверил ушам, когда из-за ворот сказали:

— Ну, что стал? Заходи, гостем будешь!

Подворотня пришлась как раз по Максому росту в холке.

Хозяина толком рассмотреть не получилось. Он был так огромен, что в поле зрения не помещался. Хвост сам собой поджался под брюхо, но Макс собрал всю таксичью храбрость и вежливо обнюхался с незнакомцем. Нос говорил, что тот не молод, здоров, и что его недавно выкупали с шампунем от блох.

— Ты кто такой? Рассказывай!

— Я такс по имени Макс. Гулял и потерялся.

— Гулял? Везёт же некоторым. А я вот на цепи сижу. Алабай я. Зовут — Абрек. Сторожу здесь.

— Рад познакомиться.

— Да ладно тебе. Если потерялся, то радоваться или печалиться некогда: думать надо. А думать лучше всего после еды. Сейчас...

Абрек подошёл к вольеру, вытащил оттуда блестящую миску, где могло бы поместиться четверо таких, как Макс, и со страшным грохотом уронил её на асфальт.

— Оглохла она там, что ли?

«От такого и оглохнуть можно» — подумал Макс, но благоразумно промолчал.

Абрек перехватил миску поудобнее и подкинул её вверх. Грохот раздался такой, что у Макса заложило уши, а в соседнем дворе кто-то залился отчаянным лаем. В доме открылось окно, из него высунулась пожилая женщина и крикнула:

— Не шуми! Сейчас принесу!

— Ага, слышала... Пока не напомнишь, никто не пошевелится, — проворчал Абрек. — Сейчас ужинать будем. Только ты спрячься пока в вольере, а то Петровна как раскритичится — еда в горло не полезет.

В вольере пахло взрослым псом и валялась кость, которую Макс даже и укусить толком не смог бы: так широко пасть не разинуть — челюсть вывихнется.

— Вылезай ужинать!

В миске была каша с мясными обрезками — ничего, вкусная.

— А теперь спать. Утро вечера мудренее, как Петровна говорит.

Макс так устал, что заснул мгновенно и спал без задних лап — до тех пор, пока его не потыкали в бок холодным мокрым носом.

— Подъём! Можешь вылезать, Петровна поесть принесла и ушла на

работу. Я тебе оставил, доедай, а я пойду кость погрызу.

Доедать пришлось долго. Макс почувствовал, что стал похож на сардельку.

— Ну, теперь давай думать, — сказал Абрек, лёжа у вольера. — Стоп, а ну-ка подойди поближе... Это у тебя что такое на ошейнике? Адресник! Тогда всё только от тебя зависит.

— Извини, я ничего не понял.

— Мал ты ещё, вот и не понял. Нормальные хозяева на ошейник всегда адресник цепляют. Там внутри бумажка, на ней написано, как тебя зовут, и телефон хозяина.

— У тебя тоже такой есть?

— У меня табличка на ошейнике. Там всё написано, крупными буквами. Понимаешь, адресник отцепить нужно, чтобы прочесть, а ко мне чужие люди не подходят. Боятся, по запаху чувствую. А чего меня бояться? Не уноси ничего отсюда и не выходи без Петровны, вот и всё.

— А как заходить-то? Я же зашёл.

— Ты свой: собака. И зашёл по моему приглашению. Не люблю, когда маленьких обижают. А людей хороший сторож впускает всех и не выпускает никого, если хозяева до ворот не проводят.

— Всех — всех?

— Да, только почему-то никто сам не заходит. Я же никого не прогоняю. Не лаю, не рычу. Лежу себе у ворот на солнышке. А люди Петровне звонят, если нужно войти. Они вообще странные, я давно заметил.

— Точно, странные. Безнюхие какие-то. Но интересные. А Хозяев я просто люблю, вот.

— И я Петровну люблю, хоть она и крикливая. Зато готовит вкусно, в жару меня из шланга поливает, от блох обрабатывает. И внук у неё есть, Славка. Когда он приходит, с ним поиграть можно. Славка на мне верхом ездит и воображает, будто я — конь, а он — рыцарь. Ты не знаешь, это что такое?

— Не знаю. Надо у Сашки спросить, он всё на свете знает — ну, почти всё...

Тут Макс вспомнил, что потерялся, и замолчал.

— Значит, так. Слушай сюда: сейчас идёшь на улицу, высматриваешь человека с собакой. Подходишь к нему, даёшь посмотреть адресник. А остальное он сам сделает. Настоящий собачник всегда собаке поможет. Если с первого раза не получится, пробуй ещё и ещё. Сейчас утро, как раз всех выгуливают. Давай, удачи!

— Спасибо! — сказал Макс и лизнул Абрека в морду — так, как вежливому щенку полагается благодарить взрослого пса.

Это была Трасса Утренней Прогулки — аллея, по которой шли и шли люди с собаками. Макс сидел у самого бордюра и изо всех сил старался не падать духом. Но время шло, а ничего не менялось. Старушка с кем-то пучеглазым на поводке не обратила на Макса никакого внимания. Здоровенный парень, похожий на своего ротвейлера, только без намордника — тоже. И девчонка, чуть повыше своей собаки, прошла мимо...

— Кузя, по-моему, он потерялся... А ты как думаешь?

Рыжий Кузя хвостом выразил согласие.

— Так это вы, юноша, носитесь по двору как угорелый? И это вы вчера чуть не сбили меня с ног?

Макс принялся и узнал того самого старика с палочкой. От него пахло книгами, кофе и аптекой. Стало так стыдно, что хвост поджался, а уши опустились... Залезть бы под диван, отсидеться, да где тот диван.

— Ну, и что с вами прикажете делать?

Старик с трудом наклонился и потрепал Макса по холке. Повернул ошейник, начал отцеплять адресник...

— Смотри, Кузьма, вроде всё не так плохо... А ну, где мои очки? Что тут пишут... Ага, значит, ты Макс? Ну-ка...

Старика уже говорил по телефону, но Макс не понимал ни единого слова. Сердце у него колотилось так, словно хотело выскочить вон.

— Ты, это, того... Не трясись. Если Андрейлексеич взялся, всё будет нормуль, — поддержал Кузя.

— Извини, я не поздоровался. Привет!

— Привет!

Вежливое обнюхивание кончилось как раз вовремя: старик сказал: «Всё, ждём здесь!» и сунул телефон в карман.

Макс улегся на пыльную траву и приготовился ждать, сколько потребуется. Кузя пристроился рядом — за компанию.

— Ну что, дело идёт на лад. — подытожил Андрейлексеич. — Макс, только не убегай никуда, хорошо? А то мы с Кузей тебя не догоним. Старые мы уже бегать...

— Ну, я-то не очень старый — шесть лет всего, — уточнил Кузя. — А Хозяину скоро восемьдесят.

— Ничего себе... А ты у него компаньон, да?

— Я у него друг. Собеседник. Семья. На все лапы, короче. Одинокий он был, пока меня не подобрал — там, где баки мусорные. Так вот с тех пор вместе и живём. Я его гулять вожу, а то он в магазин выбирался раз в неделю, и всё. А ему свежий воздух нужен — для здоровья и чтобы в четырёх стенах не засиживаться. Знакомых мы с ним завели, гуляем вместе, за жизнь разговариваем... Смотри, смотри! Бегут!

По аллее мчались Дашка с Сашкой, и Макс понёсся навстречу, заливаясь торжествующим лаем.

— Максик! Живой, здоровый! Ура-а-а!

— А мы объявления расклеивали... — и Сашка с силой запустил вверх стопку бумажных листов. Они взлетели, словно вспугнутые голуби, и, кружась, разлетелись по аллее. Один упал прямо к ногам Андрейлексеича, тот поднял его и прочёл:

— «Верните друга! Макс, чёрно-подпалый...» Так-так. «Мы его очень

любим!...» А сорить всё равно не надо, молодой человек.

— Это я от радости. Сейчас подберём, — пристыженно сказал Сашка.

— Обязательно! — поддержала его Дашка, беря Макса на поводок. — Подержите его минутку, пожалуйста. Мы быстро.

Пока они собирали листы и засовывали их в урну, Макс чуть не лопнул от нетерпения и счастья.

— Вот, папа просил передать, — Дашка протянула старику несколько бумажек. — Там, в объявлении написано: «вознаграждение»...

— Не надо. У нас с Кузей всё есть — правда, Кузьма? Вот видите, и он согласен. Лучше приходите, погуляем все вместе.

— Спасибо вам! — хором сказали Дашка-Сашка.

— Ну, мы пойдём. Пошли, Кузя.

— Он у вас такой красивый, — сказал вежливый Сашка и почесал Кузе за ухом. — Какая это порода?

— Дворянин, — ответил Андрейлексеич и улыбнулся.

— Столбовой, наверно?

— Точно, столбовой. Ты, я смотрю, историю любишь?

— Ну да. И у Пушкина написано — в сказке про золотую рыбку.

— Слушай, а что это за порода такая? — шепнул Кузе Макс.

— Шутят они. Это значит — дворняга, беспородный. Так оно и есть, да я не заморачиваюсь. Мне и так хорошо. Ну, бывай!

— Будь здоров!

— Ты это лучше Андрейлексеичу пожелай. Что-то он у меня прихварывать стал. К ветеринарам... тьфу, к докторам всё время ходит.

Макс сел перед стариком и подал ему лапу.

— Рад был познакомиться, Макс! — серьёзно сказал Андрейлексеич и пожал протянутую лапу.

Когда открылась дверь, в прихожей мгновенно оказались все, кроме Мавры. Ничего хорошего это не предвещало. Хвост был того же мнения.

Хозяева принялись гладить Макса, чесать ему за ушами и говорить, перебивая друг друга:

— Фу, прямо камень с души свалился...

— Я уже хотела с пэпээсниками связываться, пусть смотрят на маршрутах...

— Дашка-Сашка, вам благодарность в приказе...

— Ну, да, а от кого он сбежал?

— Кто старое помянет, тому глаз вон!

— А кто забудет, тому — хвост! Бежим, я уже опаздываю. Шампунь от блох купить надо, наверняка он их набрался, пока бомжевал...

Дверь за хозяевами закрылась. Дашка метнулась на кухню, наполнила миску и убежала следом — вместе с Сашкой.

— Ну, дер-р-ржись, пар-р-рень! — негромко сказал Рома сверху.

Макс и сам понимал, что главное впереди.

Тут вошла Мавра, и стало ясно: на улице были цветочки. Сейчас будут ягодки.

— Явился не запылится! Где тебя черти носили? Тут все с ума сходят, а он где-то шляется! У меня от переживаний внеплановая линька началась на нервной почве! Дашка ревет в три ручья, Сашка с ней не разговаривает, у хозяйки глаза на мокром месте! Хозяин три года не курил, а сейчас полпачки выкурил! Маврик чуть не сбежал тебя искать, уже на лестнице поймали! Тоже мне, путешественник! Фёдор Конюхов гладкошерстный! Тур Хейердал лопухий! Ну, я тебя...

— Мам, да ладно, он и так натерпелся... — вступился было Маврик.

— Брысь! Не лезь под горячую лапу!

Макс заскулил и тут же получил несколько оплеух. Маврику тоже перепало.

Мавра удалилась, гневно подергивая хвостом, а Макс прислушался к себе и понял: совсем не больно! Лапы у Мавры были бархатные, и когтей она не выпускала.

— Что, схлопотал? — хихикнул Маврик.

— А сам-то... Слушай, а что она так бранится? Конюховым обзывается... Какой я ей Конюхов? Кузнецов я! У меня и в паспорте записано, Дашка-Сашка вписали. И каким-то хередалом назвала... Обидно!

— На обиженных воду возят. А тут и обижаться нечего. Это путешественники такие, весь мир объехали. Пока ты пропадал, мы тут с матушкой телевизор смотрели — ну, чтобы отвлечься. Конюхов по морю плывёт, а она шипит: «Ну, пусть только явится, путешественник криволапый!»

— А с чего это ты вдруг решил меня искать?

— Ну-у-у... Друг ты мне или нет?

— Друг, конечно!

Хвост сам собой завилял изо всех сил, а Маврик добавил:

— Вот, смотри! — и тоже помахал хвостом.

— Ух ты! Любая собака поймёт, что ты радуешься!

— Да, без знания языков сейчас никуда! А что это по-кошачьи значит, помнишь?

— «Я очень зол» — так?

— Так! Только я очень рад, что ты нашёлся.

— Правда?

— Правда. Пошли на кухню. Я тоже перекушу за компанию.

— Всё хор-р-рошо, что хор-р-рошо кончается! — заявил сверху Рома.

И, как всегда, был совершенно прав.

Битва в прихожей

С утра было скучно. Хозяева на работе, Дашка-Сашка в школе, с подоконника видна мокрая от дождя улица... Со скуки Маврик с Максом подрались — из-за резинового цыпленка, уже порядком погрызенного. На лай, визг и фырчанье примчалась с кухни Мавра и всыпала обоим.

— Ещё раз услышу — хвосты поотрываю! Тоже мне, бойцовые кот и пес! Что, заняться нечем?

— Нечем! — сказали бойцы хором.

— Это что еще за речи? Маврик! Что настоящий кот готов делать в любое время?

— Спать и умываться!

— Вот и займись! А то на тебя смотреть страшно. Можно подумать, не порядочный кот из приличной семьи, а дворовый уркаган с помойки. И чтоб тихо было, понятно? У меня сеанс мяудитации! Не мешать!

— А это что такое — мяудитация? — спросил слегка обалдевший Макс.

— Это когда сидят и погружаются в себя! Понятно? И Роме скажите, чтобы не шумел.

— Пошли в детскую, — шепнул Маврик.

— Пошли. А откуда она узнала про эту мяудитацию?

— Хозяйка с кем-то по телефону разговаривала, а матушка у неё на коленях лежала. Это у них новое хобби такое. Работа у хозяйки нервная, вот она и учится это... мяудитировать. Говорят, успокаивает.

— Что, пр-р-рогнали? — хихикнул сверху Рома-попугай.

— Тихо ты! — зашипел Маврик. — Матушка сегодня не с той лапы встала. Мяудитирует в кухне.

— Джентльмены, я пас! — Рома засунул голову под крыло и

притворился чучелом.

— У-у, Железная Лапа, — ворчал Маврик, — чуть что, так сразу драться...

— Ничего не железная. Мягкая, прямо бархатная. И когти не выпускала: шлёпнула раз-другой, и только, — возразил Макс, устраиваясь на подстилке.

— Не понимаешь ты ничего. Это мультик такой. Там пантера один в один на матушку похожа, только чёрная, как я, — Маврик гордо огляделся. — Она почему зря пацана лупит, а медведь её за это Железной Лапой обзывает...

Маврик принялся умываться, а Макс попытался погрызть давно негрызенную чурку, но ничего не получалось. Ушки-пельмешки сами собой настораживались. Что-то было не так... И хвост не давал заниматься обычными делами: напрягся как стальной прут и завис параллельно полу. Кто там скребется за дверью?

— Маврик, слышишь?

— Не-а...

— Там словно мышь в прихожей...

— Это не мышь. Это воры-домушники квартиру вскрывают.

Голос у Мавры звучал бесцветно и сухо, хвост бил по бокам, а глаза горели так, что Макс стало страшно.

— Выходим на тропу войны! Принимаю командование на себя. Макс, ты — наземные силы. Маврик, мы с тобой — воздушно-десантные войска, основная ударная группировка. Рома, ты обеспечиваешь господство в воздухе.

— Слушаюсь, мой генер-р-рал!

— Атакуем, как только дверь откроется, по моему сигналу! Маврик, делай как я. Рома, ты налетаешь, кричи благим матом, клюй в лицо. Макс, хватай за ноги, кусай, рви им брюки. Слушай мою команду! По местам! И... Маврик, если что... я тебя очень люблю.

— И я тебя, мам...

Дверь заскрипела и приоткрылась.

Кошки взмыли на шкаф и затаились. Рома прицепился к проводу светильника. Макс замешкался и, когда дверь открылась, впуская двух крепких парней, оказался на коврик прямо перед ними.

— Гля, Толян, какой прикольный...

— Тихо ты... Сумки давай.

Макс почувствовал, как шерсть у него на загривке встала дыбом.

— Мр-р-ряу-у-у! Мр-рмяу-у-у-у!

— Ур-р-ра-а-а! Иду на тар-р-ран!

— Уйййй, зараза-а-а!

Со шкафа метнулись две мохнатых комка и вцепились непрошеным гостям прямо в рожи. Рома носился в воздухе, как голубая молния, и яростно клевал, куда мог попасть. Макс вцепился в толстую щиколотку, его лягнули и отбросили в сторону, он вскочил, кинулся, укусил, отскочил, ещё раз укусил... Мавру тоже оторвали, швырнули прочь, пнули в брюхо. Она упала и осталась лежать...

— Ма-а-ам! — взвыл Маврик, — Р-р-раздер-р-ру-у-у!

— Рви их! Когтями работай! — прошипела Мавра, пытаясь встать.

— Загрызу! — рывкнул Макс и прыгнул свечкой вверх, целясь Коляну в глотку.

По лестнице кто-то бежал, грохоча тяжелыми ботинками.

— Толян, сматываемся!

— Всё, ребята, приплыли! Лицом к стене, руки за голову, быстро!

Это сказал кто-то высокий, в чёрной одежде, незнакомо пахнущий железом и смазкой, с пистолетом в руках. За ним виднелись ещё двое таких же. И тут в дверь вломился Папа-Костя — оскаленный, словно питбуль Хук из второго подъезда, и тоже с пистолетом.

— Уйййй, — выл на одной ноте Толян, — уйййййй, глаза-а-а-а! Глаза выдрали! Посажу! Развели дома зверьё, на людей кидается!

— Ты сам сначала выйди, — посоветовал самый высокий из чёрных. — Взлом, группой, по предварительному сговору... Тебе статьи напомнить или сам знаешь?

— Не знает, — хмыкнул другой. — Он у нас начинающий. А то бы увидел, что квартира на сигнализации.

— И знал бы, что к шефу тревожная группа сразу приедет. Охранная компания «Бастион» — обращайтесь! — подытожил третий. — Здорово получилось, Константин Николаич.

— Да уж... Вызываем полицию и «скорую». Заткнись ты, ушлёпок!

Вбежала Мама-Таня, оглядела поле боя, побледнела и спросила — таким же бесцветным голосом, как Мавра:

— Дети где?

— В школе! — отрезал Папа-Костя.

Мама-Таня осела на банкетку и тихо заплакала.

— Ты чего реवेशь? — прошипел Папа-Костя. — Перестань, перед ребятами неудобно!

— Плащ перепачкала. Знаешь, какая химчистка дорогая? Ой, что я несу...

— Это ты со страху. Ничего, бывает. Успокойся, всё хорошо.

— Сейчас Кате позвоню, пусть она Сашку с Дашкой на сегодня к себе заберёт, пока мы тут всё уберем.

— Зверьё дома держите, — завел опять Толян, — ваша рысь нас чуть не задрала! Скажи, Колян?

— И пса такого держать нельзя! — поддержал Колян. — Лает, кидается — зверюга, в натуре! Чуть ногу не отгрыз!

— Рысь, говоришь? — Папа-Костя ядовито улыбнулся.

— Не, две рыси!

— Точно, две. Только не рыси, а кошки.

Толян только икнул в ответ.

— Ой, Мавруша! Маврик! — всполошилась Мама-Таня. — Вы ж мои хорошие! Герои! И Максик молодец!

— Константин Николаич, там «скорая» приехала!

— Я уколов боюсь! И йодом мазаться не дамся, — мрачно сказал Колян.

— Что так? — спросил чёрный с высоты своего роста. На плече у него сидел Рома-попугай и ласково тербил его за ухо.

— Йод щиплетя!

— Привыкай! — посоветовал чёрный.

Тут в прихожую ворвались люди в серой форме, потом двое в синих комбинезонах с красными крестами...

Под шумок все убрались в детскую.

— «Тогда считать мы стали раны...» — сказала Мавра. — Живы все,

вижу. Раненые есть? Макс, ты цел? Маврик..?

— Мам, а ты как?

— Я в норме.

— А почему стихами говоришь?

— Потому что стихи хорошие и к месту. Рома, что с тобой?

— Хвост выр-р-рвал, ур-р-род! Ну, я его так клюнул, будет знать!

— Ничего, хвост отрастет. А сейчас будет парад в честь победы!

Командовать парадом буду я! Р-р-равняйся!

Голос у Мавры был такой, что Макс с Мавриком мгновенно встали рядом и приосанились. Рома взлетел на спинку стула и распушил все оставшиеся перья.

— Вы героически отстояли наш общий дом! Молодцы! Объявляю вам благодарность! Ура!

— Ура! Ур-р-а-а-а! Ура-а-а-а! — заорали все.

— К торжественному маршу приготовиться! Рома, запевай!

Рома распушился так, что стал почти круглым, и грянул:

— Багр-р-ровым зар-р-ревом затянут гор-р-ризонт!

— И гул разрывов слышится вдали! — подхватил Маврик.

— Тропой войны идет Бойцовый Кот... — Мавра пела вместе со всеми.

— И он в любой беде не пр-р-р-ропадет!

Макс не знал слов, но мелодия брала за самую душу. Он чеканил шаг и совсем не путался в лапах.

— Гор-р-рит земля, как спичка на ветр-р-ру.

И зар-р-ревом пылают гор-р-рода!

— Бойцовый Кот идёт, как на смотрю... — выводил Маврик.

— И не свернет с дороги никогда... — Мавра внезапно умолкла и осела на пол.

— Ма-а-ам! — взвыл Маврик.

Макс залился лаем, и тут же в детскую вбежала Мама-Таня.

— Что случилось? Мавруша, солнышко, что с тобой? Где болит?

Мавра не отзывалась, не открывала глаза. Лежала плоская, как меховой коврик.

— Убью! — выдохнула Мама-Таня и бросилась к телефону. — Ветеринарная «скорая»? Строительная, двенадцать, квартира сорок семь! Ждём!

Маврик сидел рядом с матерью и трогал её лапой.

Мама-Таня повернулась на каблуках и выскочила в прихожую. Сейчас она как две капли воды походила на разъяренную Мавру, только без хвоста.

— Что вы с кошкой сделали, гады? Убью!

— Спасите! — хором прошептали Колян и Толян, прячась за людей в серой форме.

— От меня никто вас не спасет, и не надейтесь! Да вы оба одного её когтя не стоите!

— Таня... — ошарашенно пробормотал Папа-Костя.

— На дне моря сыщу, так и знайте!

— Где животное? — спросил человек с большой сумкой, вышедший из лифта.

— Ой, как вы быстро! Пойдёмте сюда...

— В соседнем подъезде вызов был. Так что случилось?

— К нам воры пытались залезть, а кошка им чуть глаза не выцарапала.

— Ага-а-а., — гундел Толян из-под бинтов, — все лицо мне изодрала, зверюга...

— А ты бы не лазил по чужим домам, глядишь, цел бы остался, — сказал человек в серой форме. — Давай, пошли в машину!

Все это Макс слышал краем уха-пельмешка. Куда важнее было то, что говорил человек, склонившийся над Маврой.

— Плохо дело. Её, видно, в живот пнули со всей дури. Похоже на разрыв кишечника. Надо оперировать. Есть что-нибудь твердое? Ну, картонка, доска какая-нибудь?

Мама-Таня бросилась на кухню и вернулась с большой разделочной доской, разрисованной апельсинами. Мавру осторожно уложили на доску и понесли к выходу.

После битвы

Вечером Макс сидел в начисто вымытой прихожей и пытался разговорить Маврика.

— Ну что ты надулся как мышь на крупу? Пойдем ужинать!

— Мя.

— Не понял!

— Мя.

— Ты что, говорить разучился?

— Отстань, Макс. Я мяудитирую.

— Что-что делаешь?

— Мяудитирую. Пытаюсь маме помочь.

— Это как?

— Думаю о ней. Представляю, что с ней разговариваю.

— И что ты ей говоришь?

— Что всё будет хорошо. Отстань, сказано тебе! Тут настроиться надо.

Макс тихонько вышел на кухню. Там Хозяева пили кофе с коньяком и тихо переговаривались. Рома-попугай сидел на плече у Папы-Кости и перебирал ему волосы клювом. Мама-Таня погладила Макса, положила в миску овсянки с мясом и добавила косточку:

— Это тебе за храбрость, Максик!

Миску Макс вылизал начисто, а косточку прихватил в прихожую. Маврик сидел с закрытыми глазами, поставив шерсть дыбом — так, что походил на меховой шар. Мяудитировал, наверно...

— Ты это... есть будешь?

Маврик не отозвался.

Прошуршали крылья, и Рома тяжело шлепнулся на банкетку.

— Плохо без хвоста летать, р-р-рулить нечем! Знаешь, что Хозяева

Дни тянулись, похожие один на другой. Без Мавры всё было не так. И с Мавриком говорили только про неё.

— Матушка как-то сказала: я за своих Кузнецовых кого угодно в ключья порву. Они меня от улицы спасли, в кошки вывели...

— Постой, причем здесь улица? Вы же из какого-то там питомника.

— Ой... Проговорился. Сибиряки мы — это правда. А про питомник матушка сама придумала, если честно. Я ещё маленький был, она боялась, что комплексовать буду. Как же, кругом все породистые-распородистые, а мы... Сначала верил, а потом услышал, как Мама-Таня подруге рассказывала про матушку. Оказывается, она сама к ним пришла, через окно. Тогда они на первом этаже жили. Стали думать: оставлять или нет? Папа-Костя говорит: вся с варежку, а характер уже виден. Мама-Таня отвечает: хорошая кошка сама приходит, это наш домовой будет...

— А Дашка-Сашка?

— А они подрались из-за того, как её назвать.

— Подумаешь, с улицы! В Сибири, небось, по улицам такие породистые бегают, каких ни в одном питомнике нет. А вообще порода — пустяки. Главное — душа, характер.

— Ты правда так думаешь?

— Ну да.

— А я боялся, что ты со мной теперь дружить не будешь. Вдруг я беспородный? Ты-то вон какой: документы, родословная, татуха на пузе...

— Дурак ты, Маврик, вот и всё.

— Правда?

— Правда.

— Ну, тогда хорошо... Я знаешь ещё о чем думаю: вот нас все хвалят, чешут за ушами, героями называют. А что мы такого сделали? Тревожная группа тут же появилась. Хозяин как раз на работе был, вместе с ними и поехал. Мы же всего несколько минут продержались...

— А мы разве знали, что сейчас охрана приедет?

— Ну, не знали...

— Вот тебе и ну. Мы просто сделали всё, что смогли. А как нас там называют, это дело десятое.

— Слушай, ты у нас такой мудрый — прям как Сашка. Интересно, таксы все такие?

— Да ладно тебе., — Макс застеснялся. — Какой есть. Давай лучше в футбол погоняем, пока дома никого.

— Давай. Рома, айда в футбол играть?

— Только чур-р-р, я р-р-рефер-р-ри!

— Замётано!

И вот, наконец, настал день, когда дверь открылась, вошел Папа-Костя, поставил катаноску на пол и осторожно вынул оттуда Мавру — худую, клочкастую, пахнущую лекарством, в попонке с пестрыми бабочками.

В прихожей мгновенно оказались все, кто был дома. Рома повис в воздухе, словно орел над степью. Макс с Мавриком едва не сбили друг друга с лап.

— Ма-а-ам!

— Ну, как вы тут?

Голос у Мавры был тихий, как жужжание комара. Она отправилась на кухню, с трудом переставляя лапы. У окна села, подобралась — и не смогла вспрыгнуть на подоконник, к миске: только тихо мявкнула и оглянулась. Мама-Таня поставила миску на пол и прошипела:

— А ну, кыш отсюда! Чего уставились? Дайте Мавруше поесть спокойно!

Рома улетел в детскую, Маврик и Макс убрались под диван — перешептываться:

— Матушка сама на себя не похожа... И не ругается...

— Ну, так она еще не поправилась толком. Дашка-Сашка её вычешут, и опять красавица будет. А что ты к ней не идешь?

— Боюсь. Она не любит, когда её такой видят.

— Какой?

— Когда она не в форме.

Тут вошла Мама-Таня с Маврой на руках и уселась на диван — гладить.

— Мавруша, красавица ты наша! Защитница! Что бы мы без тебя делали! Ты только поправляйся, ладно?

— Мр-р-р-р, мр-р-р-р, мр-р-р-р...

— Я пошел! — Маврик вылез из-под дивана и принялся тереться об Мама-Танины ноги.

— Кс-кс-кс! Иди сюда! Соскучился по матери, герой?

Маврик мгновенно запрыгнул на диван и замурлыкал басом.

В дверь позвонили. Мама-Таня осторожно положила Мавру на подушку и выскочила из комнаты.

— Тихо вы! — донеслось из прихожей. — Да, папа её уже привёз. Говорить шепотом, ходить на цыпочках! Все меня слышали? Ветеринар сказал: покой, покой и ещё раз покой! Понятно?

Когда в дверь просунули носы Дашка с Сашкой, на диване лежали все трое: Мавра посередине, Макс и Маврик по сторонам. Они спали, и снился

им бесхвостый Рома, распеваящий во весь голос: «Бойцовый Кот нигде не пр-р-ропадёт!»

Дни шли за днями, а Мавра никак не становилась прежней. Она мало ела и много спала. А когда не спала, сидела и смотрела в пространство, не обращая внимания на окружающее.

— Слушай, может она опять это... мяудитирует? — шептал Макс на ухо Маврику.

— Не похоже. Она вообще какая-то другая стала. Я её не узнаю, если честно... И такую люблю, но не узнаю.

— Р-р-ребята, есть одна идея! — Рома спорхнул с подоконника. — Чёр-р-рт, опять чуть не шлёпнулся... Хоть бы хвост скор-р-рей отр-р-рос!

— Выкладывай! — хором сказали Макс и Маврик.

— Сначала посчитаемся, кто останется, тому и скажу!

— Ой, тоже мне, «Секретные материалы»...

— Мавр-р-рик! Не дер-р-рзи! Это стр-р-ратегия такая лечебная, понял?

— Ничего не понял. Ладно, извини.

— Всё, пр-р-роехали! Давайте считаться. На золотом кр-р-рыльце сидели: цар-р-рь, цар-р-ревич...

Остался Маврик. Макс поплелся из кухни в детскую, надувшись на весь белый свет.

Мавра свернулась клубком на Дашкиной кровати и не обратила на Макса никакого внимания: смотрела куда-то, не моргая — сквозь него.

С горя Макс взялся грызть давно надоевшую игрушку, но тут явились заговорщики — Рома с Мавриком. Рома устроился на верху клетки, Маврик взялся было вылизываться, но вдруг подошел к Максусу и ни с того ни с сего вмазал ему прямо по носу — мокрому, чёрному носу!

— Ты что, очумел?

Маврик добавил Максусу другой лапой, получил сдачи — и на полу покатился клубок, который фыркал, рычал и завывал, словно пылесос. Макса душила обида на Рому с его дурацкими тайнами, на вероломного Маврика — а ещё друг называется! — на весь мир...

— Эт-т-то ещё что такое?! А ну прекратить немедленно!

Это был голос Мавры — той, прежней Мавры. И оплеуху каждому из бойцов вlepила прежняя Мавра — худая, облезлая, но с горящими зеленым огнём глазами.

— Распустились! Стоит заболеть, и сразу все от лап отбиваются! Живо миритесь!

Клубок распался на Макса и Маврика. Рома снялся и полетел на кухню — от греха подальше.

— Ты это... извини... — буркнул Маврик и подмигнул желтым глазом.

— Ладно... — пробормотал Макс, начиная понимать, в чем дело.

— А теперь кыш на кухню! Ни минуты покоя в этом доме!

На подоконнике в кухне Рома откалывал такой залихватский рок-н-ролл, что не сразу увидел друзей-приятелей.

— Получилось! Ур-р-ра-а-а! Получилось! — выкрикивал он страшным шепотом.

— Ну, Рома, ты мудрец!

— Мавр-р-рик, ты видел? Видел?

— Видел и... в общем, получил. — Маврик потер загривок, по которому пришлась материнская оплеуха. — Макс, ты на нас не сердись. Надо было, чтобы матушка ни о чем не догадалась. А когти я не выпускал.

— Это точно. Да я и не сержусь. Лишь бы Мавра поправилась. Здорово ты придумал, Рома.

— Что здесь происходит?

На пороге кухни стояла Мавра, и хвост у неё гневно подрагивал.

— Да так, мам, ничего особенного...

Мавра прошла к миске, немного поела. Села, обернулась хвостом и

сказала:

— Ну, рассказывайте, как вы тут без меня?

Гость из темноты

Сашка стал какой-то странный. Всё о чем-то задумывался, отвечал невпопад. А сегодня утащил Дашкин гель для укладки и превратил свою рыжую шевелюру в такое, что Мама-Таня погнала его мыть голову.

— Чтоб я этого больше не видела! Посмотри, на кого ты похож!

— Весь гель угро-о-о-бил! — рыдала Дашка. — А завтра конку-у-урс!

— Нашла из-за чего реветь! Бери деньги и дуй в магазин!

— А там такого не-е-ет!

— Дарья! Не испытывай моё терпенье! Купи то, что есть — живо, одна нога здесь, другая там!

— Не пойду-у-у, я зарёванная!

Мама-Таня испепелила взглядом хлюпающую носом Дашку, замотанного полотенцем Сашку, рванула куртку с вешалки и хлопнула дверь.

— Ну погоди, Яндекс... — прошипела Дашка и бросилась в атаку.

— Я тебе новый гель куплю! — кричал Сашка, убегая. — Такой же! Честное слово!

— Сначала я тебе все лохмы выдеру! — Дашка почти настигла брата. — Такой только у нас в клубном магазине продаётся, понял?

Макс с Мавриком сидели под диваном и ждали, пока младшие Кузнецовы додерутся. Вылезать опасно: отдавят лапу или хвост и не заметят. Мавра разлеглась наверху, на спинке дивана и гневно топорщила усы.

— Да съезжу я в этот ваш «Степ», съезжу!

— Куда ты денешься, Ромео несчастный! Думаешь, не знаю, что ты влюбился?

Топот и грохот прекратились.

— Откуда ты взяла? — пробормотал ошарашенно Сашка.

— От верблюда! На себя посмотри — красный, как помидор! Что, попался? Тили-тили тесто, жених и невеста!

— Ну, влюбился... И что такого?

— Не фиг чужую косметику таскать, вот что! И так всё через пень-колоду: джайв не получается, Димка на ноги наступает, стандартные туфли жмут...

— Я же сказал, что куплю!

— Ладно тебе, Яндекс. Лучше скажи, а ты ей нравишься? Вы где познакомились?

— Она недавно к нам в класс перешла, из другой школы. А нравлюсь или нет — не знаю. Она не говорит. Только сказала раз, что у меня волосы такие... необычные, вот.

— И ты решил гелем с блёстками намазаться?

— А там ещё и блёстки были? Я не заметил...

— Конечно, были, это ж не простой гель, конкурсный... Ой, мама пришла!

Хлопнула дверь. Дашка бросилась в прихожую. Расстроенный Сашка убрался в детскую — сохнуть. Макс с Мавриком вылезли из-под дивана и переглянулись.

— Что с Сашкой случилось? Как это — влюбиться?

— Заболел, наверное, — предположил Маврик.

— Так к ветеринару надо! Ну, к человеческому...

— Нет, мальчики, — Мавра мягко спрыгнула с дивана, — тут ни врач, ни ветеринар не помогут. Растёт Сашка, вот и всё.

— Макс, гулять!

Дашка стояла в дверях с поводком в руках, и Макс бросился на зов.

Вечером брат с сестрой шептались в темноте:

— Коза, помоги, а? Я не знаю, как с ней себя вести. Она такая... такая...

— Эх ты, Яндекс... Ну, какая?

— Необыкновенная! Понимаешь, я таких никогда не видел!

— Каких?

— Она на принцессу похожа.

— Ладно хоть не на Шрека, — хихикнула Дашка. — Хорошо. Какие у неё интересы? Ну, чем она увлекается? Танцами там, рисованием, бисероплетением...

— Не знаю, — растерянно сказал Сашка.

— Ну так узнай! Всё, давай спать. Завтра конкурс, вставать рано,

добираться... Мавруша, кс-кс-кс! Иди сюда!

— Мр-р-р-р, мр-р-р-р, мр-р-р-р...

Макс свернулся калачиком на подстилке и уснул.

— У неё собачка есть, вот! — рапортовал сияющий Сашка через несколько дней.

— Вот и замечательно! Уже есть, о чем поговорить.

— А мы уже поговорили! Ну, эсэмэсками обменивались. Ей родители запрещают в соцсетях регистрироваться. Говорят, это для сырковой массы.

— Сырковая масса-то здесь при чем?

— Это у них так в семье говорят. Значит, для всех прочих — отсталых всяких.

— Ничего себе, — протянула Дашка, — это типа как для лохов?

— Ну-у-у... да.

— Ага, а они, значит, такие продвинутые-задвинутые? Нет, Профессор, как хочешь, но мне это не нравится.

— Мне тоже... Но она мне нравится, вот и всё!

— А как её зовут?

— Алина! — сказал Сашка и улыбнулся до ушей.

Максу с Мавриком вся эта история категорически не нравилась. Сашка ходил как шальной, ничего не видя вокруг, и не выпускал из рук телефона.

— Наступил на меня, — жаловался Маврик, — и хоть бы хны! Пошел себе дальше: уставился в телефон и улыбается, как дурачок! Нет чтобы

извиниться, погладить, за ухом почесать... Всю лапу отдал — вот, смотри!

— И на прогулке от него никакого толку. Я уже сам найду какую-нибудь палочку, принесу: ну, отними, давай поиграем! Или брось, а я принесу! Нет! Совсем парень от лап отбился...

— Девчонки, они до добра не доведут! — глубокомысленно заключил Маврик.

Мавра только улыбалась в усы.

Дашка с Максом гуляли во дворе, когда из подъезда пулей вылетел Сашка.

— Слушай, Алина просила взять пёсика на передержку! Они сегодня улетают — в Прагу, на десять дней! Я согласился. Сейчас поеду, заберу Лордика — это собачку так зовут.

— С ума сошел! А что папа с мамой скажут? С ними надо было договариваться.

— Некогда, там горящий тур подвернулся. Алина мне позвонила, просила выручить.

— И ты решил рыцаря из себя корчить?

— Понимаешь, у Алины скоро день рождения... Она сказала, что меня пригласит!

— Эх ты... Ладно, с мамой я переговорю.

— Спасибо, Коза!

Сашка помчался прочь, а Макса стало грызть таксичье любопытство. Какой-такой Лордик? С кем придётся уживаться под одной крышей? С ним можно будет играть?

А ведь кошки ещё ничего не знают!

Макс твякнул и потянул поводок.

— Что, Максик, уже домой? Ну пошли, раз так.

Взрослых Хозяев дома еще не было. Макс едва вытерпел мытьё лап и рванул в детскую.

— Полундр-р-ра! — заорал Рома из клетки. — Ты чего мчишься как угор-р-рельный?

— В самом деле, — заметила Мавра с подоконника, — что за манеры?

— А что я вам скажу — упадёте!

— Кошки если и падают, то на все четыре лапы! Запомни, Макс! Ну, так что там у тебя за новости?

— У нас гости будут! Собачка, зовут Лордик!

— Ну и дела! — сверху, с Сашкиной кровати спрыгнул Маврик. — А он драться не будет?

— Я бы ему не советовала... — в глазах у Мавры загорелся огонёк.
На кухне заиграла мелодия, от которой Макс всегда хотелось лаять во всю мочь — Дашке кто-то звонил.

— Алло! Ага... Хорошо, сейчас. Макс, ко мне! Гулять!

— Всё, я пошел! Потом доскажу!

Дашка с Максом вышли из подъезда и отправились в густеющие сумерки, петляя по дворам. Время от времени Дашка кому-то звонила, поглядывала на номера домов и прибавляла шаг.

Когда они добрались, уже совсем стемнело.

В этом дворе Макс никогда не был. На скамейке у подъезда сидел Сашка, и вид у него был... Как у серого пуделя Маркиза, когда он попал под дождь.

— Ты чего тут сидишь? А собачка где?

— Боюсь домой идти. — мрачно сказал Сашка. — А собачка... Собачка вот.

Сашка потянул уходящий в темноту поводок. От темноты отделился огромный кусок и добродушно сказал:

— Вуф!

— Это что — собачка? — пролепетала Дашка.

— Ага... Лордик. По-настоящему — Лорд. Ньюф он. Ньюфаундленд, короче.

— Да на нем верхом ездить можно!

— Можно, но не нужно.

— А кормить его чем?

— Сухим кормом. На сегодня есть, а потом надо заказать по телефону, привезут.

— Ну и влип ты, Профессор... то есть мы влипли.

— А почему «мы»?

— Потому что мы — команда!

— Коза, ты настоящий друг!

— Ладно тебе, — Дашка засмушалась, — пошли скорей, пока дома не всполошились.

— Пойдём, — вздохнул Сашка.

— А это что у тебя в пакете?

— Это приданое: миски, подстилка, игрушки... Еще номер телефона дали — корм заказывать. И деньги.

Макс тем временем успел обнюхаться с Лордом и перекинуться парой слов.

— Ты не робей. У нас никто не кусается. Кошки вот только...

— Да я и не робею...

— Совсем?

— Чуть-чуть, — признался мохнатый гигант. — Наступить на кого-нибудь боюсь. Раз наступил на одного, так визгу было! Той-терьеры, они такие...

— Рядом! — сказал Сашка.

Голос у него был неуверенный, но Лорд охотно выполнил команду.

Домой решили заходить по очереди. Сначала пошли Дашка с Максом. Сашка остался на площадке. Они с Лордом там еле помещались.

— Наконец-то! Где вы бродите? Макс, лапы мыть! А Сашка где?

— Мам, Сашка поднимается! Ты только не сердись, он... ну, в общем, он не один.

— Как не один? — голос Мама-Тани ничего хорошего не предвещал.

— Мам, так получилось, его попросили собачку взять на передержку... Ненадолго, мам, на неделю всего! Хорошая такая собачка, зовут Лордик. Он послушный такой, воспитанный, ты сама увидишь!

— Та-а-ак... — зловеще протянула Мама-Таня. — А нас, значит, ставят перед фактом, да?

— Мам, ну так вышло! Люди улетали, очень просили выручить! Сашка не смог отказать.

— Где они там?

— Кто?

— Воспитанный Лордик и добрый, отзывчивый Саша. Я с ним сама поговорю.

— Сейчас!

Дашка высунулась за дверь, и в прихожую протиснулся понурый Сашка.

Он не успел ничего сказать. Дверь снаружи толкнули лапой, она распахнулась, и в прихожую вошел Лорд: огромный, величественный и лохматый.

Мама-Таня ойкнула и прижала к груди поварешку.

Лорд сел, улыбнулся во всю пасть и постучал хвостом по полу.

— Это кто? Собачка Лордик? — Мама-Таня всегда могла парой слов выразить то, на что другому понадобилась бы длинная речь.

— Угу...

— Мам, он у нас в комнате будет жить! — бросилась на выручку Дашка. — Ты его и видеть не будешь, правда! Ест он сухой корм, еду готовить ему не надо, гулять с ним будем тоже мы!

— А про кошек вы подумали?

— С Максом ведь они уживаются... — пробормотал Сашка, глядя в пол.

— А как Макс с ним уживётся?

— Мам, мы всё решим, не беспокойся! — хором сказали Дашка с Сашкой.

«Дашка-Сашка вдвоём — это сила!» — в очередной раз подумал Макс.

На плите засвистел чайник. Мама-Таня бросилась на кухню, и тут в замке зацарапался ключ. Дашка с Сашкой переглянулись, Сашкины очки блеснули боевым огнём...

Дверь открылась, и на пороге застыл Папа-Костя.

Шагнуть ему было некуда: Лорд занимал почти всю прихожую.

— Ё-моё! — только и сказал Папа-Костя. — Это ещё что за зверь?

— Папа, это Лордик., то есть Лорд.

— Он у нас поживёт несколько дней! — поторопилась объяснить Дашка.

— Интересно получается... — протянул Папа-Костя. — А моего мнения кто-нибудь спрашивал?

— Меня тоже не спросили! — Мама-Таня вышла из кухни с миской в руках. — Они тебе пусть всё сами объясняют. Ужин на столе. Сюда ему воды налейте — слышите, вы двое? Собака ни при чем, в конце концов, если с ней так поступают.

— Спасибо, мам!

— Мам, у него с собой целое приданое: миски, подстилка, игрушки...

— Можно, я пройду? — осведомился Папа-Костя.

Лорд вежливо посторонился и подал ему лапу.

Папа-Костя ошарашенно пожал протянутую лапу и протиснулся между мохнатым боком Лорда и стеной.

— Айда за мной, — шепнул Макс, — тут без нас разберутся. Пока не позвали ужинать, я тебя со всеми познакомлю.

— Айда, — согласился покладистый Лорд и шумно вздохнул.

Первым их увидел Рома и заорал:

— Смотр-р-рите, кто пр-р-ришел!

Маврик выгнул спину, зашипел и двинулся навстречу боковым галопом. Лорд приветливо помахал хвостом...

— Маврик! Успокойся! Всё хорошо! — Голос Мавры прозвучал мягко, но послушаться было невозможно. — Добро пожаловать! Надолго к нам?

— Сударыня! В таком приятном обществе я готов остаться навсегда! — Лорд запыхтел от вежливости.

— Сразу видно настоящего джентльмена... — проворковала Мавра,

спрыгивая с Дашкиной кровати.

— Слушай, чё он нарывается? — шептал Маврик на ухо Максу.

— И ничего не нарывается!

— А чё хвостом машет? По-кошачьи это «Выходи на одну левую лапу!» Знаешь, что за такие слова бывает?

— Ты же по-собачьи понимаешь! Это по-нашему совсем другое! Вспоминай, живо!

— Ну-у-у... «Всё хорошо», да?

— Правильно! А ещё «Привет!», «Давай поиграем!». Хвостом много чего можно сказать. Тихо ты! Они вроде уже познакомиться успели...

— Лорд, это Рома, попугай.

— Пр-р-ривет, Лор-р-рд!

— Привет, Рома!

— Это Маврик, мой сын.

Макс пихнул приятеля в бок.

— Добрый вечер... — пробурчал Маврик.

— Добрый вечер! — вежливо ответил Лорд.

— Мы рады вас приветствовать в нашем доме! — продолжала Мавра. — Располагайтесь поудобнее.

— Надеюсь, что никого не стесню, — Лорд попытался устроиться под Сашкиным столом, но не поместился и вылез обратно.

Тут вошла Дашка и объявила:

— Есть! Всем есть!

— А вы на рыбалке когда-нибудь были?

Лорд устроился на своей подстилке и поблескивал глазами из шерстяных зарослей.

— Нет! — хором ответили Макс с Мавриком. Мавра дернула хвостом и прищурилась.

— Так вы, наверно, и плавать не умеете?

— Пф! — только и сказала Мавра.

— Не кошачье это дело! — поддержал Маврик.

— Ну, кошки разные бывают, — рассудительно сказал Лорд. — Вот мы с хозяином как приедем в Карасево на рыбалку, так нас два кота встречают: Рябой и Рыжий. Всю мелочь, которая на уху не пойдёт, им отдаём. Оба от нас ни на шаг. Они и сами рыбаки — куда там некоторым людям. Так лапами орудуют, никаких спиннингов не надо...

— А ты тоже рыбачишь? — не выдержал любопытный Макс.

— Не, я за всеми приглядываю.

— За котами?

— И за хозяином тоже. Чтобы никто в воду не свалился, а то мало ли что... Мы, ньюфаундленды, все такие.

— Ух, ты-ы-ы... — протянул восхищенно Макс. — Так никто ни разу и не свалился?

— Не-а. Только лодка однажды отвязалась и уплыла.

— И что?

— Ничего. Сплавал за ней, притащил обратно за веревку.

— Ну, ты даёшь! А хозяин что?

— А хозяин спохватился, когда я уже обратно плыл — с лодкой. У него как раз окунь клюнул. Когда у рыбака поклевка, он ничего вокруг не видит, я давно понял. Да хозяин всё равно плавать не умеет, а у меня вон какие перепонки между пальцами. Люди нам завидуют, ласты какие-то надевают... Подражать пытаются, да где им.

— А что еще ты делаешь?

— Да так, разное. За хлебом хожу, за газетами для Дедушки — это отец хозяйкин. Маленькую Кристинку нянчу. На санках её катаю, на роликах. Старшую, Алину, в музыкалку провожаю... К вечеру устанешь, лапы не держат.

— Тр-р-рудяга, в общем! — подвел итог Рома. — Ну, давайте спать, р-р-ребята!

— Спокойной ночи! — отозвался Лорд, уминаясь на подстилке.

— Спокойной ночи! — промурлыкала Мавра.

С Лордом подружились все. Только Маврик продолжал ворчать:

— И откуда он взялся на нашу голову? Совсем житья не стало. Матушка весь мозг вынесла. Только и слышно: «Посмотри на Лорда! Учись, как надо себя вести! Вот это воспитание! Настоящий лорд!» Тьфу!

— Что ты злишься? Разве лучше было бы, если б он грубил и дрался?

— Еще чего! Я бы ему знаешь как всыпал! Ты чего смеёшься, Макс?

— Ой, не могу... Ты в самом деле так думаешь?

— Ну, я тебя...

— Мальчики, не ссорьтесь! — вмешалась Мавра.

Когда зазвонил Сашкин телефон, и началась суета с упаковкой мисок, игрушек и подстилки, Максу стало грустно. Рома сидел у Лорда на спине и разбирал чёрную блестящую шерсть. Мавра вылизывалась на подоконнике. Только Маврик засел наверху, на Сашкиной кровати, и не подавал признаков жизни.

— Счастливо оставаться! Очень рад, что с вами познакомился!

— Увидимся! — сказал Макс, и почувствовал, как хвост у него вильнул — не размашисто, но с большим уважением.

— До скор-р-рого! — Рома взлетел с широкой Лордовой спины и повис на занавеске.

— Счастливого пути! — сказала Мавра грустно.

— Сударыня, я рад был бы остаться, но... сами понимаете... А где Маврик? Передайте ему привет.

— Здесь я, — Маврик спрыгнул сверху, как десантник из любимого Папы-Костиного фильма. — Ну, ты заходи... если что...

— Непременно. Сударыня, у вас замечательный сын: образованный и воспитанный. Мультик про пса — это шедевр!

— Спасибо, Лорд! — голос у Мавры слегка дрогнул.

— Лорд, ко мне! — позвал Сашка из прихожей, и огромный ньюфаундленд направился к двери — бесшумно и плавно, как парусник в океане.

Вернулся Сашка скоро — взъерошенный и сердитый.

— Ну что? — спросила любопытная Дашка.

— Ничего! — огрызнулся братец.

— Когда идешь на день рожденья?

— Никогда!

— Что случилось, Профессор?

— Потом расскажу... Мавра, что тебе надо? Брысь!

— Мр-р-р, мр-р-р, мр-р-р...

— Не смей Маврушу обижать! Лучше расскажи сейчас, легче станет.

— Короче, был уже этот день рожденья — там, в Праге. Это Алине подарок такой сделали. Там и праздновали. А меня на будущий год пригласят... может быть.

Дашка прищурилась и стала похожа на разъяренную Мавру.

— Знаешь, это просто свинство. Тебя использовали, и всё. Я бы ни на какой день рождения к этой твоей Алине уже не пошла.

— Я и не пойду, — мрачно сказал Сашка.

— Зато с Лордом познакомились! Он такой классный!

— Угу. Спасибо, Коза. Ты на меня не сердись, ладно?

— Ладно. Понимаешь, принцессы, они всегда капризные. Им так положено...

— Не всегда. Они еще и умные бывают. Я лучше такую поищу. Всё, закрыли тему.

— Закрыли. А знаешь, ты очень вырос. Вот.

Рыжее лето и зелёная игуана

— Вот придет Лето... — говорил Папа-Костя и задумывался.

— Скоро Лето наступит, а я никак в бассейн не соберусь! — сердилась Мама-Таня.

— Скорей бы Лето пришло! — вздыхала Дашка.

Один Сашка о Лете помалкивал. Только иногда смотрел на календарь.

Макс настораживал уши-пельмешки и пытался разобраться, что к чему.

Кто это — Лето? Как оно пахнет? Оно в перьях, джинсах или в шерсти? Если оно должно прийти, то когда? С ним можно подружиться? Если оно может наступить, то будет ли оно наступать на лапы и хвост?

Однажды Лето ему приснилось. Оно было рыжее — как Сашка, лохматое — как Лорд и веселое — как Рома-попугай. Пахло оно просто замечательно: горячим асфальтом и свежескошенной травой...

Тут Макс проснулся.

Таксичье любопытство не давало ни есть, ни гулять, ни грызть спокойно. У кого бы спросить про Лето?

— Маврик, а Маврик...

— Мря?

— Ты только не смейся, ладно?

— Хорошо, не буду... — Маврик растопырил усы для солидности.

— А что такое Лето?

Желтые глаза Маврика вылезли на лоб — как у резинового, порядком погрызенного Максом крокодила.

— Ну, ты даёшь! Правда не знаешь, что ли?

— Маврик! Укушу!

— Подумаешь, испугал! Просто ты мелкий, лета еще не видел. Ладно,

слушай. Короче, лето — это время года такое. Жара, спасу нет. Линять приходится. Вот видел, на улице белый пух клочьями летает?

— Ну да. В глаза лезет, в нос... Чихаю всё время.

— Это деревья линяют. Тополя называются. Когда у них линька начинается — значит, лето вот-вот придет.

— Вот оно что... А ты откуда это всё знаешь?

— Так я старше тебя, мне уже два года.

— А потом что будет?

— Потом будет суп с котом!

— Маврик! Что за выражения! — Мавра неслышно вошла на бархатных лапах.

— А чё такого?

— Макс, ко мне! — позвала из кухни Дашка.

Звякнула миска, запахло овсянкой. Макс понесся завтракать, только уши-пельмешки захлопали на бегу.

Через пару дней начались чудеса.

Сашка-Дашка пришли домой с хитрыми и веселыми физиономиями. Вечером все собрались на кухне, ели что-то холодное, очень вкусное — Максу дали немного попробовать — и разговаривали.

— Какие планы на каникулы? — спросил Папа-Костя.

— Для начала поработать, — ответила Дашка, переглянувшись с братом.

— Поработать так поработать. А где и кем?

— Промоутером, листовки раздавать на улице.

— Меня не берут, — сердито сказал Сашка. — Мал, говорят, подрасти немного.

— Он мне помогать будет! — поторопилась вмешаться Дашка. — Обед привозить, да мало ли что...

— А велик на ходу?

— Конечно! — удивился Сашка.

— Вообще-то нормальные родители сначала детей про оценки спрашивают... — ядовито протянула Дашка.

— А мы — ненормальные! — безмятежно сказал Папа-Костя. — Правда, Таня?

— Конечно! Зачем спрашивать? Оценки ваши — вот вы сами и рассказывайте.

Младшие Кузнецовы опять переглянулись.

— Давай ты первый...

— Давай. Значит, у меня две четверки и одна тройка. Четверки — по

рисованию и пению. А тройка — по физкультуре. Остальные пятерки. Вот.

— Та-а-ак. Молодец. А с физкультурой что?

— Бегаю плохо, — мрачно ответил Сашка.

— Говоришь, что плохо — значит, сможешь лучше. А у тебя что, Дарья?

— А меня по английскому трояк... И по истории. Остальные нормально.

— А подробнее? — голос Мамаы-Тани стал медовым, точно как у Мавры перед тем, как она устраивала сыну выволочку.

Дашка фыркнула и метнулась в детскую. Через минуту вернулась и шмякнула на стол тонкую книжку в ярком переплете.

— Вот, пожалуйста! Заодно распишитесь, как все нормальные родители!

— Так мы же ненормальные! — ответил Папа-Костя. — Тогда уж и ручку тащи. А ты молодец — смотри, Таня.

— Конечно, молодец.

— И когда на работу?

— Послезавтра! — хором ответили Дашка с Сашкой.

Тополя всю линию линяли. Лето пришло окончательно. Навалилась жара, и Сашка выгуливал Макса рано утром. Все знакомые разъехались: и Хрюня — француз, и хаски Оскар... Остался только Арчи — йорк, и с тем не поиграешь. Из-за жары его остригли чуть не наголо. Арчи стал сам на себя не похож, стеснялся и торопился домой.

Дашка целый день пропадала на работе. Сашка отвозил ей обед на велосипеде, а Макс оставался дома — скучать. Рома-попугай переселился на лоджию, где теперь висела его клетка. Мавра лежала на подоконнике, жмурилась и на все приставания отвечала: «У меня солярий!» Маврик просто валялся на солнце кверху брюхом...

Поэтому, когда Сашка в очередной раз собрал пластиковую коробку с едой для Дашки, Макс принёс поводок и сел на задние лапы.

— И не думай! — строго сказал Сашка. — Гулять только вечером, понял?

Макс, конечно, понял. Но отступить не собирался.

— И что с тобой делать?

«С собой взять, вот что!» — сказал Макс хвостом, заколотив им по коврику у двери.

— Эх, ладно уж... — Сашка пристегнул карабин к ошейнику. — Тогда на автобусе поедем.

Макс был и на это согласен.

В автобусе было шумно и тряско, а запахов столько, что Максов никак не мог в них разобраться. Только принялся как следует, а Сашка уже протиснулся к выходу и потянул поводок.

Поспевая за Сашкой со всех коротких лап, Макс продолжал принячиваться. Люди, люди, люди... собаки, голуби, кошки... свежая вода в фонтане... пирожки... а вот и Дашка где-то неподалеку... всё ближе и ближе...

Макс тьякнул от восторга и бросился вперед — так, что Сашке пришлось бежать следом.

— Явился наконец! У меня давно в животе бурчит! А Макса зачем с собой поволок? Фу, негодная собака! Отстань! Лапы грязные!

— Он так просил, я не удержался. Давай сюда листовки. Иди поешь, я тебя подменю.

— Макс, ко мне!

Дашка устроилась на скамейке в сквере и принялась уплетать за обе щеки. Макс тоже кое-что перепало: кусок сосиски и сырная корочка.

— Пошли! Сашка там заждался.

Макс облизнулся и затрусил следом за Дашкой.

Сашка работал не покладая рук. Никто из прохожих без листовки от него не уходил. Дашка подкралась к брату сзади, он тут же повернулся и затараторил:

— Сегодня в магазине «Трио» скидки... Да ну тебя, Коза!

— Ага, понял теперь, какво промоутером работать?

— Я что, виноват, если меня не берут? — оцетинился Сашка.

— Нет, конечно. Вот только поскорее бы её заработать, эту тысячу.

— Угу...

Вечером Макс лежал на кухне, дремал и слушал тихий разговор Хозяев.

— Костя, может, плюнем? Жалко, дети совсем заработались.

— Уговор есть уговор. Взрослые люди за свои слова отвечают, правда?

— Правда. Так то взрослые!

— А взрослым можно быть и в десять лет. И болтуном безответственным — в сорок.

— Ты у меня такой умный, прямо как Сашка... — в Мамы-Танином голосе была улыбка.

— Пусть поработают. Лето едва началось. Всё ещё успеют: и отдохнуть, и погулять. Кто сегодня посуду моет?

— Ты!

Папа-Костя вздохнул и надел фартук.

Зря Макс боялся, что его больше не возьмут к Дашке на работу: на завтра даже поводок приносить не понадобилось. Всё-таки люди хорошо дрессируются, главное — найти нужный подход... Интересно, что сегодня в коробке с Дашкиным обедом? Пахнет вкусно. И там, в сквере было много интересного: нос не ошибается.

Обедать Дашка отказалась: её распирало от новостей.

— Слушай, Профессор, тут такие дела творятся! Нужны промоутеры с животными — новый корм рекламировать! Заплатят вдвое больше, чем я сейчас получаю — если не врут, конечно!

— Здорово!

— Здесь недалеко, сходите с Максом, узнайте что к чему. Магазин «Зелёная игуана»: два квартала прямо, потом направо. А там увидишь.

— А обедать когда будешь?

— Потом! Вернёшься, расскажешь.

— Идёт!

Магазин и вправду оказался недалеко. Там было прохладно и темновато.

— Сидеть! — сказал Сашка, и Макс устроился прямо перед большим прозрачным ящиком, в котором лежала, аппетитная на вид коряга. Вот бы её разгрызть... На коряге сидел динозавр, очень похожий на тех, из Сашкиной коллекции. Такой же страхолюдный, только куда крупнее. И его заодно можно погрызть, хотя коряга наверняка вкусней...

Кто-то подошел, заговорил с Сашкой, но Макс не мог глаз отвести от динозавра на коряге.

Тут динозавр моргнул. Потом залез повыше, к горячей в углу ящика лампочке, растопырил шипастый гребень на спине и облизнулся. Язык у него был почти такой же, как у Макса: длинный и розовый.

Динозавр оказался живой!

Максу стало страшновато. А вдруг этот, с шипастым гребнем, возьмёт да и выскочит из ящика? Где Сашка? Что бы там ни было, а Макс его в обиду не даст: ни динозавру, ни огромному псу вроде того, что попался навстречу — никому на свете.

Тут его потрепали по холке и сказали:

— Чего ворчишь? Фрося понравилась? Ещё бы, она у нас красавица!

Это оказался высокий человек в майке с портретом того самого динозавра. Сашка стоял рядом, и очки у него победно блестели.

— Её Фросей зовут, да?

— Да! А магазин в её честь называется: «Зелёная игуана». Завтра можно начинать, так сестре и передай.

- Спасибо, вечером она вам обязательно позвонит.
- Договорились! Ну-ка, давай за знакомство...

У Макса перед носом появилось что-то непонятное, умопомрачительно пахнущее. Но Настоящая Собака берёт еду только у Хозяев...

Макс отвернулся от руки чужака и сделал вид, что не почувял вкусного запаха.

— Молодец, правильная собака! На, дай ему сам.

«Что-то» проглотилось мгновенно, и хвост сам собой вильнул.

— Спасибо! — сказал Сашка. — Ну, мы пойдём.

Макс чуть шею себе не свернул, оглядываясь на зелёную Фросю.

Я работаю таксой

— Ну что, пошли на работу! — сказала утром Дашка, пристёгивая поводок.

Макс подпрыгнул и успел лизнуть её в нос.

На работу! Вместе с Дашкой! Туда, где так много новых, незнакомых запахов! Ура!

По дороге Макс разрывался от желания перенюхать всё вокруг. Но Дашка торопилась и держала поводок коротким. Приходилось успевать — со всех четырёх лап.

— Всё, пришли!

Дашка стащила со спины рюкзак и принялась доставать из него странные, пахнущие чем-то чужим вещи. Через голову натянула красную накидку с нарисованной собачьей физиономией. Нахлобучила красную бейсболку с такой же физиономией, но поменьше...

— Сидеть!

Макс послушно сел. Дашка накинула на него красную попонку и долго возилась с длинными тесемками.

— Ну вот на кого это делали? На дога что ли? Не вертись, сиди спокойно! Макс! Кому сказано! Фу-у-у, наконец-то...

Люди шли и шли мимо. Многие улыбались Дашке с Максом, подходили ближе, останавливались. Дашка скороговоркой рассказывала прохожим про замечательный собачий корм, который продаётся в «Зелёной игуане», и раздавала рекламные бумажки. Макс смотрел, слушал и принимался. Люди, воробьи, кошки, собаки, голуби, машины, автобусы... Надо же, сколько всего на свете! Сказать Маврику — не поверит!

— Ой, какой красавчик! — сказала старушка с голубоватыми

волосами.

— Маленький ещё. Вырастет — отличный доберман будет. — авторитетно ответила другая, в очках с толстыми линзами.

«Нашли добермана! — подумал Макс. — У нас только масть похожа. Хорошо, Рой не слышит — лопнул бы со смеху»

Сашку Макс учуял за квартал и стал поскуливать от нетерпения. Дашка не поняла, в чем дело, и достала из рюкзака бутылку-поилку. Пить особо не хотелось, но отказываться Макс не стал...

— Привет, Коза! Как вы тут?

— Нормально. Что там у тебя?

— Сосиски, картошка...

— Опять?!

— Не опять, а снова! Давай сюда свои бумажки и вали на перерыв. Стой, а Макс куда?

— У него тоже перерыв! — Дашка показала братцу язык. — Понял? Устала собака. Все на него пялятся, лезут погладить, с разговорами пристают. Всё, мы пошли!

Сквер был совсем близко. Дашка устроилась на скамейке под раскидистым деревом, спустила Макса с поводка, открыла коробку, оттуда вкусно запахло сосисками...

И тут Макс увидел Её.

Она была прекрасна. Рыжая, с улыбочивыми карими глазами и роскошной шерстью, она шла по аллее рядом с высоким человеком в темных очках. Вот он подошёл к стоящей неподалёку скамейке, сел... Что-то тихо сказал, и Она улеглась рядом на асфальт.

Короткие лапы сами понесли Макса туда — к человеку в темных очках и его рыжей спутнице.

— Привет! — сказал Макс, и хвост повторил то же самое, но гораздо красноречивей.

— Привет! — дружелюбно ответила красавица.

— Я такс по имени Макс. А ты кто?

— Я колли, Джессика.

— Ух ты! Какое имя красивое!

— Спасибо, — сказала Джессика и улыбнулась. — Но это по паспорту. Для друзей — Тюшка. Меня так Хозяин называет. А что ты здесь делаешь? Гуляешь?

— Работаю! — гордо ответил Макс.

— Да? А кем?

— Таксой! Мы тут с Хозяйкой корм рекламируем.

— Значит не таксой, а промоутером.

— Каких только слов люди не придумают. А ты кем работаешь?

— Поводырём. Хозяин не видит.

— Как, совсем не видит?

— Совсем. Я его везде вожу. Он без меня никуда.

Как это — не видеть? Макс зажмурился что есть сил.

Почти ничего не изменилось. Солнце всё равно грело и просвечивало сквозь закрытые веки. Недалеко была Дашка, у неё ещё оставалось что-то вкусное: не то сосиски, не то колбаса... По дорожке ходили голуби. Если Тюшку спустят с поводка, можно их погонять вдвоём.

— Ну, это ничего! — сказал Макс, открыв глаза.

— Ещё как «чего» — сухо ответила Тюшка. — Для людей глаза всё равно, что для нас, собак — нос. Представь, что ты нюх потерял, вот тогда поймёшь.

Макс честно попробовал: задержал дыхание. Запахи стали слабеть и наконец исчезли совсем. Максу стало страшно. Мир куда-то ускользал, оставляя его одного в пустоте. Один глубокий вдох, и запахи вернулись.

Газонная трава, желтые цветы на клумбе, горячие пирожки из киоска неподалеку...

— Понял теперь? — спросила Тюшка.

— Вроде понял. Как же он так живёт?

— Так и живёт. Мы с ним ездим и ходим — везде, куда ему надо. Я целых пятнадцать маршрутов знаю, вот! Надо будет — ещё выучу. Работает Хозяин, студентов учит, с дочкой играет. Иногда они вдвоём с Хозяйкой танцуют в парке, здорово так...

— Ух ты...

— Да, Хозяин у меня молодец. Я им горжусь.

— Ещё бы! Слушай, а почему он тебя Тюшкой называет?

— Это давным-давно жил слепой царь. Собаки у него не было, так его дочь водила за руку. Антигона её звали. Когда меня из школы привезли, Хозяин так и сказал: «Моя Антигона приехала!» Ну, а потом Антигону в Тюшку переделали.

— Он у тебя очень умный, наверно.

— Ещё какой умный!

— Сашка у нас тоже такой. Вот бы им поговорить!

— Ну так приводи его сюда гулять — познакомим.

— Расскажи про школу! Как там учиться? Сложно?

— Сложно, — призналась Тюшка. — Каждый день занятия с утра до обеда. Гена-дрессировщик ни одной твоей ошибки не пропустит. Зато если всё правильно сделаешь, похвалит и что-нибудь вкусное даст, холку почешет. Потом экзамены сдавать надо: человека водить по улицам, лужи и ямы обходить, на лестницы подниматься. Знаешь, сколько всяких препятствий в городе? Поневоле приходится ухо остро держать.

— А таксы там были, в твоей школе?

— Нет, таксы поводьями не работают. Ретриверы, колли, лабры — ну, лабрадоры. У меня подружка была Тюра — лабра, весёлая такая. До сих пор по ней скучаю...

— Макс, ко мне! — позвала Дашка.

— Всё, я пошёл! На работу пора.

— А я и так на работе, — улыбнулась Тюшка. — Давай, удачи. Сашку своего приводи.

Макс наскоро обнюхался с рыжей красоткой и помчался к Дашке.

После обеда работа пошла веселей, и рекламные бумажки скоро кончились. Дашка сняла с себя красную накидку, с Макса — попонку и сказала:

— Рядом!

Макс затрусил вдоль края тротуара, принюхиваясь к тёплому ветру. В воздухе летали клочья белого пуха: линька у тополей была в разгаре. И почему их люди не вычёсывают? Чихают, ругаются, а вычесать деревья не додумались!

В «Зелёной игуане» было тихо. Фрося сидела под лампой, помаргивая желтыми глазами. Рылась в кормушке, хрустела салатным листом и совсем не походила на пластмассовую. А рядом с клеткой стояла высокая девчонка с кем-то пушистым и непонятым на руках. Макс принюхался хорошенько, но чёрный мокрый нос ничего подсказать не смог — запах был незнакомый.

— Привет, а кто это у тебя? — в Дашкином голосе был такой восторг, что Макс недовольно заворчал.

— Это Федя, хорёк. Мне на день рождения подарили.

— А погладить можно?

— Можно. Он всё равно спит.

Федя лежал на хозяйкиной руке словно тряпичный и не пошевелился, когда его осторожно погладила Дашка.

— Ты за листовками на завтра? — осведомилась высокая девчонка, подбирая свисающий Федин хвост — длинный и пушистый, почти как у Мавры.

— Ага. А он у тебя не сбежит?

— Не-а. Он на шлейке. Ну, пошли за листовками.

Федя открыл сонные глаза, похожие на чёрные бусины, и тут же заснул опять.

Дашка с Фединой хозяйкой прошли в соседний зал. Там были полки с всякой интересно пахнущей всячиной. Макс учуял незнакомого пса, принюхался как следует и попятился. Это существо пахло как собака, но выглядело как... как непонятно что!

— Привет! — сказал Макс.

Существо молча вильнуло хвостом. Вид у существа был злой и несчастный.

— Бусик, иди сюда! — позвали неподалеку.

Существо оскалило мелкие зубки и залезло под прилавок.

— Я такс по имени Макс. А ты кто?

— Сам не знаю, — мрачно ответили из-под прилавка. — Да ты лезь сюда, так разговаривать удобней. Хоть поговорить, душу отвести...

Дважды Макса приглашать не потребовалось — благо, поводок длинный.

— Ты что, правда не знаешь, кто ты такой?

— Не знаю, — призналось существо. — Хозяйка то Бусиком называет, то Арнольдом, то Няшечкой.

— А какой ты породы?

— Забыл. Длинное такое слово, у меня в голове не помещается.

Голова у Арнольда и впрямь была крохотная. Удивительно, как на ней уместились большие, слегка выпученные глаза.

— А кем ты работаешь?

— Ик... икс... иксисуаром — нет, аксессуаром. Ненавижу эту работу!

— Как это — аксессуаром? — спросил обалдевший Макс.

— А вот так. Куда хозяйка, туда и я.

— Так это компаньон! Я вот тоже компаньоном работаю. Ну, сейчас ещё промоутером...

— Не так. Ты посмотри на меня хорошенько.

Арнольд был одет в кружевной костюмчик — весь в рюшечках, оборках и бантиках.

— Ну и шмотки у тебя, однако...

— У меня таких целый шкаф. Хозяйка сама наряжается, и меня наряжает. Она в белом — и я в белом. Она в красном — и я в красном. И сейчас вот за очередной тряпкой пришли. Тьфу! Ты на когти, на когти мои посмотри!

Когти у Арнольда были выкрашены в такой яркий цвет, что у Макса зарябило в глазах.

— Видал? Это маникюр называется. Вместе с хозяйкой к мастеру ходим. Она себе какие-то накладные когти делает, а меня лаком мажут. Вечером в клуб потащится, аксессуары прихватит: меня и сумку. Так и торчим там всю ночь. Шум, грохот, дым, запахи такие, что у меня сразу нос закладывает. Ещё бы и уши заложило, а то оглохну скоро, чес-слово...

— Тяжело тебе приходится, Арнольд.

— Не то слово... Да можно просто Арни. Так меня тоже иногда называют и смеются, противно так — не знаешь, почему?

— Не знаю.

— Сбегу я от неё, — сказал Арни и горько вздохнул. — Никаких моих собачьих сил нету. Гулять не выводят. Обнюхаться, поговорить не с кем. Лоток поставила, как для кошки — представляешь?

— С ума сойти...

— Вот ты где, Бусик!

Арнольда подхватили под брюхо и выволокли из-под прилавка — только бантики мелькнули. Макс вылез следом — как раз вовремя, пока Дашка не спохватилась.

— Ты чего такой грустный? Устал? Ничего, сейчас домой пойдём! — Дашка почесала Максу холку, и хвост сам собой благодарно вильнул.

Вечером Макс рассказывал кошкам и Роме про Тюшку:

— Она такая красивая! Рыжая-рыжая, а глаза карие! А умница какая! Образованная, поводырём работает!

— Поводыр-р-рём — это кр-р-руто! — сказал задумчиво Рома. — Это тебе не хухр-р-ры — мухр-р-ры!

— Это высший класс! — подтвердила Мавра.

— Да ты просто влюбился, вот и всё! — хихикнул Маврик. — Подумаешь, рыжая-бесстыжая!

Макс не нашелся, что сказать, но тут пришёл на помощь Рома.

— Дур-р-рак ты, Мавр-р-рик. Слушать пр-р-ротивно, пр-р-равда.

Мавра молча двинулась к сыну, но Маврик её опередил — залез под диван, а там его даже шваброй не достать.

— Извини, Макс, — тихо сказала Мавра. — Мне за него очень стыдно.

— Ничего, — ответил Макс. — Он подумает и поймёт, что неправ.

Маврик просидел под диваном целый день. Вылез, весь в пыли и паутине, подошёл к Максиму и сказал, глядя в пол:

— Извини, пожалуйста. Это я сдуру сболтнул. Больше не буду. Расскажешь ещё про работу, хорошо?

Человек с фотоаппаратом

— Чего он на меня уставился? — пробормотала Дашка себе под нос. Макс тоже заметил человека в синей майке, но ответить Дашке не мог. Человек прошёл мимо уже несколько раз. Потом встал на другой стороне улицы и принялся откровенно глазеть на них обоих.

— Сегодня в магазине «Зелёная игуана» вы сможете купить... Да что он на меня вылупился?

— Девушка, вы хотите сниматься в рекламе?

Дашка замолчала на полуслове. Макс тихо заворчал.

— Вот вам моя визитка. Фотоателье называется «Имидж». Приходите, когда соберетесь. Да, и собачку обязательно приводите!

Синяя майка давно растаяла среди прохожих, когда, наконец, Дашка пришла в себя и принялась раздавать листовки с такой скоростью, что пачка закончилась куда раньше, чем обычно.

Дальше Дашка перемещалась только бегом. Макс еле за ней успевал, сердясь на свои короткие лапы.

В прихожую Дашка ворвалась, как буря. Маврик так и шарахнулся у неё из-под ног.

— Ма-а-ам! Меня приглашают для рекламы фотографироваться! Вот визитка, смотри!

— Ну-ка, покажи... — Мама-Таня вытерла руки о фартук и взяла картонный прямоугольник. — Та-а-ак... Фотостудия «Имидж»... Хорошо, позвоню.

Остальное Макс не слышал: по уши залез в миску с овсянкой.

Потом начался кавардак. Дашка металась по квартире от одного шкафа к другому, рылась на антресолях. Звонил телефон, Мама-Таня с кем-то разговаривала, время от времени перекликаясь с Дашкой.

— Мам, Димка спрашивает: фрак брать или не надо?

— Пусть возьмёт! Ты нашла стандартные туфли?

— Да! Платье уже упаковала!

Макс убрался в детскую и залёг на подстилку. Сердитая Мавра сидела «пистолетом» на подоконнике и вылизывалась. Рома нахохлился в клетке и пытался уснуть среди шума и суеты, Сашка взял в охапку Маврика, подхватил ноутбук и спасся на лоджии...

Тут вбежала Дашка и уволокла Макса в ванную — мыться.

Утром сумасшествие продолжалось. Макса взяли на поводок, Мама-Таня подхватила огромный шуршащий пакет, Дашка вскинула на плечо здоровенную сумку. Все погрузились в чужую, противно пахнущую машину и отправились неведомо куда. Макса опять укачало, он лежал на сиденье, вывалив язык, и дышал часто-часто. Только таксичий характер не давал ему заскулить.

— Всё, приехали! Вот сюда, во двор!

— Мам, смотри, Димка уже тут!

Макс вежливо обнюхал высокого мальчишку с таким же огромным пакетом, как у Мама-Тани. Нос подсказывал, что никогошеньки у Димки нет: ни собаки, ни кота. Вот бедняга!

— Привет, Макс!

Ну вот, даже почесать собаку толком не умеет... Разве так чешут? Сразу чувствуется, что опыта нет.

В огромной комнате почти ничем не пахло. Кругом стояли какие-то непонятные штуки, змеились провода, толстые и тонкие. Вот бы их погрызть! Но что-то подсказывало: этого делать не стоит. Макс улегся в уголке, положил голову на передние лапы и попытался думать о чем-нибудь другом.

И тут мудрая Мама-Таня сунула ему заботливо прихваченную игрушку. Макс принялся её грызть, и ему сразу полегчало. Теперь можно было спокойно жить дальше.

Тем временем на Дашку набросилась девушка с чем-то вроде пылесоса. По крайней мере была эта штука ничем не хуже. Потом в руках у девушки замелькали кисточки, тюбики и баночки. Дашка менялась на глазах. Волосы улеглись в гладкую прическу, украшенную перьями. Губы стали ярче, глаза — больше. А потом, когда она вышла из-за ширмы в длинном голубом платье с блестками, Макс тьякнул и подавился от восторга.

— Мам, а летучки взяли?

— Конечно!

Дашка натянула голубые перчатки выше локтей и стала настоящей принцессой из мультика — почти такой же красавицей, как Тюшка.

Димка тоже был на себя не похож. На нём было надето что-то чёрное, с длинным раздвоенным хвостом. Так бы в этот хвост и вцепиться... Не положен человеку хвост, и нечего примазываться к тем, кто его носит по праву.

— Готовы? Начинаем!

Вспыхнул яркий свет и заиграла музыка.

Димка с Дашкой вдруг словно сделались выше ростом. Димка изящно поклонился и протянул руку. Дашка порхнула к нему, как бабочка. Димка обхватил её за талию, и они закружились в танце. У Дашки вдруг обнаружились крылья — такие же голубые, как платье. Они струились от перчаток к плечам, несли свою хозяйку, плескались, словно под ветром...

От музыки и восторга Макс начал подвывать — сначала тихо, потом всё громче и громче.

— Всё, снято!

— Максик, ты чего воешь?

Дашка присела на корточки и едва увернулась от Макса — Мама-Таня успела схватить его за ошейник. Пришлось выражать восторг только хвостом, а им всего человеку не выскажешь — не поймёт...

— Хм... — сказал человек в синей майке, вынырнув из-за какой-то растопыренной чёрной штуковины. — Интересно. Попробуем.

Димка переоделся и ушёл. Дашке оттёрли лицо ватными дисками, потом снова взялись красить. Голубое платье исчезло в пакете, его сменили обычные джинсы и клетчатая рубашка. Макса отпустили с поводка, и он сновал по углам, обнюхивая всё вокруг.

— Поехали!

Опять вспыхнул яркий свет. Макс с Дашкой играли, боролись, гонялись друг за другом — под неумолкающие щелчки фотоаппаратов. Под конец запыхавшаяся Дашка споткнулась и шлёпнулась на четвереньки. Макс тут же лизнул её в нос, и фотоаппарат щёлкнул в последний раз.

— Всё на сегодня! Спасибо. Я вам потом позвоню.

— Когда? — спросила Мама-Таня.

— Примерно через месяц.

— Договорились. Макс, ко мне!

«Интересно, что из всего этого получится? — раздумывал Макс, поторапливаясь за длинноногой Дашкой. — Чего только люди не выдумают!»

В машине Макс уснул, и приснилась ему Тюшка. Она бежала по аллее, и рыжая шерсть развевалась волнами — точно как Дашкины крылья-летучки.

«Даже если я влюбился — ну и что тут такого? Просто я расту, вот и всё» — подумал Макс во сне и продолжал спать дальше.

Клубная жизнь

Вечером Дашка-Сашка торжественно положили на кухонный стол зеленоватую хрустящую бумажку.

— Вот! — сказали они хором.

— Молодцы! — ответила Мама-Таня.

— В расчете! — добавил Папа-Костя, сунул бумажку в карман и отправился в прихожую.

— Пап, ты куда?

— На кудыкины горы! — ответил Папа-Костя, закрывая за собой дверь.

Брат с сестрой растерянно переглянулись.

— Ещё будете работать? — спросила Мама-Таня и поставила на плиту чайник.

— Если надо — поработаем! — ответила Дашка.

— Пока не надо. Сейчас у нас с папой на вас другие планы.

— Какие? — дуэтом спросили младшие Кузнецовы.

— А вот он сейчас вернётся, и поговорим. Пока доставайте парадный сервиз. Дарья, тебе его перемыть, Сашка, тебе перетирать вымытое.

Папа-Костя вернулся совсем скоро: чайник едва успел закипеть. И вернулся он не с пустыми руками, а с большим тортом и коробкой конфет. Сашка так и застыл с полотенцем в руках.

— В честь чего всё это? — спросил он подозрительно.

— А у нас сегодня праздник — даже целых два праздника. Наши дети заработали первые деньги — это раз. И маме очередное звание присвоили — это два. Теперь она у нас капитан!

— Ура! — гаркнул Сашка.

— Мам, ты рада?

— И ещё кое-что по мелочи... — протянул Папа-Костя.

— Садимся пить чай, всё остальное потом! Капитан я или кто?

— Ты-то капитан, да ведь я майор...

— Зато ты в запасе, а я нет! Нарезай торт.

В кухне появилась Мавра. Запрыгнула на подоконник, похрустела кормом в миске и уселась, обернувшись хвостом.

— Значит так, — сказал Папа-Костя, когда все съели по первому куску торта. — Мелочи вот такие. Будем делать ремонт. Начнём с детской. Поэтому Дашка-Сашка поедут к деду с бабушкой.

— И Макса с собой возьмём! — поспешил добавить Сашка.

— Обязательно! Чем меньше тут народу будет болтаться под ногами, тем лучше.

Макс насторожился под столом. Ехать? Куда? Надолго? Зачем?

Впрочем, с Дашкой-Сашкой — хоть на край света!

— Только до отъезда мы ходим в клуб!

— В какой это клуб вы собрались и когда, позвольте узнать? — голос Мамы-Тани прозвучал так, что хвост у Макса поджался сам собой.

— В «Такси», завтра.

— А фэйс-контроль вас пропустит? — серьёзно спросил Папа-Костя.

— Конечно! Макс нас проведёт, — сказала Дашка и прыснула от смеха. — Ой, не могу, вы такие... такие встревоженные оба... Сашка, расскажи наконец.

— «Такси» — это клуб по интересам. Хозяева такс объединились и создали свой клуб. Завтра у них юбилей — пять лет. Вот мы с Максом и пойдём.

— Интересно... — протянул Папа-Костя с сожалением. — Если бы вы раньше сказали, то пошли бы все вместе. А так мы с мамой завтра едем стройматериалы выбирать. Ну, потом расскажете.

— Дарья, прекрати!

— А что такого, мам?

— Кошкам нельзя сладкого!

— Да ведь совсем чуть-чуть! И это просто взбитые сливки.

Мавра облизнулась, мягко спрыгнула с подоконника и ушла. Макс вылез из-под стола и побежал следом — рассказывать новости Роме с Мавриком.

Конечно, Макс опоздал: лапы короткие. Когда он проскользнул в детскую, Мавра сидела на подоконнике и держала речь:

— Опять! Опять всё разгромят! Только недавно переехали, и всё сначала! Весь дом вверх дном перевернут, поспать толком негде будет! И

чего этим людям спокойно не живётся?!

Мавра фыркнула и принялась яростно умываться.

— А чё, когда переезжали, интересно было, — мечтательно протянул Маврик. — Везде коробки грудками, в прятки играть здорово, зашибись просто...

— В прятки? А кого чуть не забыли на прежней квартире, а? Не помнишь? Кто так хорошо спрятался, что его найти не могли, а самому вылезти не получалось?

— Ну чё ты, ма-а-ам, в натуре! С кем не бывает!

— С умными котами такого не бывает, горюшко ты моё! Ведь пока не заорал, никто и не знал, где тебя искать! Потом Папе-Косте пришлось грудку вещей разбирать, чтобы тебя вытащить... Только попробуй опять в прятки играть — хвост оторву! И брось эти свои словечки! Опять «У нас на раёне» смотрел?

Маврик надулся и полез под Сашкину кровать.

— Значит так! В связи с ремонтом объявляется чрезвычайное положение! Как только начнут привозить ящики и коробки — отсиживаемся здесь. Выходим по одному, перемещаемся осторожно, чтобы никому под ноги не попасть. А то уронят что-нибудь тяжёлое или сами сверху грохнутся — и пожалуйте к ветеринару... Рома, слышишь?

— Слышу, слышу... Надо же, как всё невовр-р-ремя. Только пер-р-р-рья отр-р-росли, новый вир-р-раж пр-р-ридумал. Соби-р-рался его отр-р-рабатывать, а на лоджии не р-р-разлетаешься, места мало. Пр-р-ридётся подождать...

Топоча как стадо мустангов, в детскую вломились Сашка с Дашкой и принялись отплясывать индейский танец.

— К бабушке! В Лукошкино! Ура-а-а-а!

— Ура-а-а-а!

Мавра сидела на подоконнике и сердито вылизывалась.

Наутро младшие Кузнецовы и Макс вылезли из троллейбуса у входа в городской парк. Макс принялся. Чёрный шершавый нос говорил: «Собаки! Много-много собак!»

— Куда теперь, Профессор?

— Прямо, направо и ещё раз направо!

«Зачем спрашивать? Иди за мной, и всё!» — подумал Макс, твякнул и потянул поводок.

— Смотри, смотри! Видишь?

— Ага!

Макс припустил вперед со всех лап — так, что длинноногая Дашка

едва за ним успевала, а Сашка бежал следом.

На скамейке стояла огромная корзина, а рядом старушка в бейсболке держала на поводках двух такс. Макс тут же бросился знакомиться.

— Ребята, вы на юбилей? — спросила старушка.

— Да! — ответил Сашка.

— Ну, тогда берите, — старушка выудила из корзины две бумажные полоски в чёрно-белую клетку.

— Спасибо, — сказал вежливый Сашка, — а что с ними делать?

— Вот! — старушка ловко обернула полоску вокруг рыжей Сашкиной головы и закрепила её скрепкой. — Теперь ты настоящий таксист!

Дашка с лентой справилась сама, Макс тем временем обнюхивался с сородичами: Джиной и Джулей.

— Девочки, вы давно в клубе?

— Всю жизнь! — ответила рыжая Джуля. — Мы с нашей Верпетровной постоянно здесь тусуемся. А ты новенький? Что-то я тебя не помню...

— Ну да, мы тут впервые с Дашкой-Сашкой.

— Ничего, со всеми перезнакомишься. У нас тут никто не кусается — ну, кроме некоторых, конечно. Вот посмотришь, интересно будет!

— Ещё как интересно! — поддержала чёрная Джина. — Конкурсы будут всякие, соревнования, призы. У тебя костюма нет?

— Нет, — ответил удивленный Макс. — А что, надо было?

— Ну, кто хотел, те в костюмах. Да ты не огорчайся, не последний же раз в клубе.

На аллее было не протолкнуться от людей с собаками. Макс и подумать не мог, что на свете столько такс. Большие и маленькие, на поводках и на шлейках, коричневые и чёрные, гладкие и длинношерстные... Так бы и броситься туда, в толпу, со всеми познакомиться и перенюхаться. Но Дашка крепко держала поводок.

— Результаты конкурса на самую длинную таксу! — объявил человек в фуражке с клетчатым околышем. — Первое место среди стандартных такс занимает Арго! Среди миниатюрных — Василиса! Среди кроличьих — Даниэль! Владельцы, подходим за призами! Следующий конкурс — на лучшую кличку для таксы. Записываемся!

— Коза, нам здесь ничего не светит, — шепотом сказал Сашка. — Макс — кличка самая обыкновенная.

— Ну и что! — фыркнула Дашка. — Пойдём лучше посмотрим, какие там призы дают.

Призами оказались сосиски. Рыжая Василиса свою почти съела.

— Поздравляю! — сказал Макс.

— Спасибо! — Василиса доела приз и облизнулась. — Ты новенький? Потом приходи, посмотришь, какой мне костюм сшили.

Макс пригорюнился. В жизни он не носил никаких костюмов, а сейчас почему-то захотелось.

— А сейчас начинаются собачьи... то есть таксячьи бега! Желающих участвовать просим на старт вместе со своими питомцами!

Кузнецовы-младшие переглянулись и рванули на зов — да так, что Макс едва за ними успевал.

— Я им всем покажу! — кровожадно шипела себе под нос Дашка. — Они у меня узнают, что к чему! У кого лучший результат в школе на шестьдесят метров? А?

— У тебя, у тебя! — пыхтел Сашка.

— Интересно, какая там дистанция будет...

— Сейчас узнаем!

У длинной клумбы собралось человек десять — и все с таксами. Хвост у Макса ни на секунду не останавливался.

— Привет всем! Я Макс!

— А я Ричи!

— Привет! Я Диана!

— Я Джинго, кролик.

— Как кролик? — не понял Макс.

Кролика он знал только одного — Хрум Хрумыча. А тут такса как такса.

— Ну кроличий я, понимаешь?

— А-а... А я думал, ты щенок — вот как я.

— Нет, мне уже три года! — гордо сказал Джинго. — Просто мы, кроличьи, вот такие — маленькие.

Не успели обнюхаться и перезнакомиться, а уже пора на старт. Дашка укоротила поводок и пригнулась, упершись рукой в согнутое колено.

— Все готовы? Обязательное условие: пересечь линию финиша вместе со своим питомцем! На старт! Внима-а-ание! Марш!

Дашка рванула с места как ракета. Макс нёсся вперед — только уши развевались. Сначала их обогнал коричневый Арктус с долговязым хозяином на поводке, но Дашка прибавила скорости, и Макс не отставал.

До финиша оставалось совсем немного. Уже было видно, как прыгает и машет руками Сашка.

И тут Дашка споткнулась о камешек и упала. Макс взвизгнул от огорчения.

Не останавливаться! Таксы не сдаются! Макс поволок Дашку за собой, упираясь всеми четырьмя лапами и пыхтя от натуги. Мимо промчался Арктус, потом рыжий Кай — один, без хозяйки...

Дашка поднялась и побежала — с трудом, прихрамывая, но всё быстрее и быстрее.

— Дарья, давай! Давай! — кричал Сашка.

Дашка подхватила Макса на руки и бросилась к финишу.

Арктуса они не догнали, но остальных обошли.

— Победители этого забега — Арктус и Кирилл Соболевы! Второе место у Тайсона и Ольги Громовых! Третье — у Кнопки и Юрия Антоненко! — выкрикивал человек с микрофоном.

— Ты как, Даш?

— Ничего. Коленку ободрала и голень расцарапала.

— Я сейчас в аптеку сбегая за йодом!

— Спасибо, Профессор. Обидно: мы с Максом вторыми прибежали, а результат не засчитан.

— Ну да, нарушение правил...

— Ага... Но финишную линию мы пересекли вместе — правда, Максик?

Макс ответил: «Конечно!» — хвостом.

— Специальный приз за волю к победе и командный дух получают Макс и Дарья Кузнецовы!

— Ух ты... — хором прошептали Сашка с Дашкой.

Вечером младшие Кузнецовы рассказывали Кузнецовым-старшим, перебивая друг друга:

— А ещё там конкурс был на лучшую кличку для таксы! Мам, ты представляешь, какие клички бывают? Кроки, Лимузин, Кнопка!

— А ещё Батон и Трамвайчик! И Тюбик! И Моцарт!

— Моцарт-то почему?

— Музыку любит: как услышит, сразу выть начинает!

— Там была ещё номинация: «Таксо-семья»! Клякса и Вакса, Нюх и Нюшка. А победители — Хина Марковна и Бром Исаевич!

— Правда? Ой, не могу! — Мама-Таня расхохоталась. — Костя, ты слышишь?

— Слышу, слышу. Ну что ж, Чехов был бы рад.

— У него тоже были таксы, — пояснила Мама-Таня, — рыжая Хина и Бром — чёрный, как наш Максик.

— Вот почему Чехов «Каштанку» написал, — задумчиво протянул Сашка. — И как только он такие клички придумал?

— А чего тут придумывать? — ответил Папа-Костя. — Чехов был врачом. А хина и бром — это тогдашние лекарства.

— Мам, а какие там костюмы были у такс! Банан, хот-дог — помнишь, Сашка?

— И крокодил — зелёный, пупырчатый, с хвостом! Это Джоя так нарядили, мы иногда гуляем вместе.

— В следующий раз Макса обязательно нарядим! Я уже придумала, что ему сшить!

— Сама придумала, сама и сошьёшь! — предупредила Мама-Таня. — Мне ещё с твоим платьем для латины возиться и возиться.

— И сошью! Ирка поможет, если понадобится.

— А вы с Максом какой-нибудь приз получили? — спросил Папа-Костя.

— Да! — хором ответили Дашка-Сашка.

— Вот! За командный дух и волю к победе! — на ладони у Дашки лежал маячок-мигалка.

— Это к ошейнику цепляют, чтобы гулять вечером. Он зелёный, как у такси.

— Ну что ж. Воля к победе и командный дух — это очень много. —

серьёзно сказал Папа-Костя. — Молодцы. Очень ценный приз, можно гордиться.

Макс лежал под столом на своей подстилке и гордился, пока не заснул.

Мы едем, едем, едем!

Каждый день привозили всё новые ящики и коробки, складывали их штабелями. Маврик залезал на самый верх и свешивался оттуда то мордой, то лапами, то хвостом.

— Ты что там делаешь? Слезай, давай поиграем!

— Не мешай, Макс! Я и так играю!

— Во что?

— Не во что, а в кого! В кугуара, понял?

— Это ещё кто?

— Эх ты, темнота! Кугуар — это горный лев, пума! Они знаешь как прыгают? Как от пола до потолка!

— Ну, прыгни!

— Сейчас! Ты иди, будто ты олень и пасешься себе потихоньку. А я тебя скрадываю...

— Ты меня — что? И какой я тебе олень?

— Я тебя стерегу из засады, понял? А сейчас ка-а-ак пр-р-рыгну...

Маврик прыгнул и едва увернулся от рухнувших следом коробок.

На грохот прибежала Мавра, но сказать ничего не успела: Маврик молнией метнулся под диван и просидел там до вечера.

Из шкафа в детской вывалили все вещи. Дашка с Сашкой собрали рюкзаки, а остальное Мама-Таня распихала по другим шкафам. Динозавров Сашка аккуратно завернул в старые газеты, сложил в коробку и вынес её на лоджию. Папа-Костя разобрал компьютер...

Дом делался совсем незнакомым. Только запахи оставались прежними.

Мама-Таня привезла растение в горшке — здоровенное, куда больше Макса. Листья у него были дырявые, словно их кто-то погрыз. Макс решил к растению близко не подходить — на всякий случай, чтобы не подумали

на него. Стоит только разгрызть кое-что по мелочи — тапки там, полотенце —, и репутация уже подмочена...

У растения было имя: Монстера. Поселили её на лоджии, а там они с Ромой быстро подружились. Он сидел на толстой ворсистой палке, к которой была подвязана Монстера, чирикал на своём языке и уверял, что та ему отвечает.

— Мы с ней р-р-разговар-р-риваем! Она мне листьями в ответ шелестит! Наши пр-р-редки в одних джунглях жили, так что мы с ней земляки! Пр-р-равда, Монстер-р-рочка?

Макс верил попугаю, Мавра улыбалась, а Маврик помалкивал и о чём-то размышлял.

— Подъём в пять, выезд в половине седьмого! — объявил Папа-Костя вечером. — Кто гуляет Макса?

— Я! — ответил Сашка.

— Не тяни, сегодня спать ложимся рано.

Сашка доел макароны с сыром и сказал:

— Макс, гулять!

Макс трусил, внюхиваясь в сумерки, и вдруг уловил струйку знакомого запаха. Он потянул поводок, и Сашка свернул вслед за ним вправо.

Там, вместе с пожилой парой, гуляло на рулетке то самое существо из «Зелёной игуаны». Только оно изменилось так, что Макс не поверил своим глазам. А вот носу не поверить было невозможно...

— Привет! — гавкнул Макс, и существо бросилось к нему с радостным тьявканьем, похожим на писк резиновой игрушки.

— Привет! Ты здесь живёшь, да? Вот здорово! Вместе гулять будем!

— Привет, Арни! — сказал Макс, обнюхиваясь со старым знакомым.

— Никакой я не Арни! Я теперь Чип! Сбежал я от хозяйки, вот! Пусть другой себе аксессуар ищет! А я здесь буду жить, с новыми Хозяевами! И работа у меня теперь замечательная — я теперь фитнес-тренер.

— Это как?

— Я Хозяев гулять вывожу. Хозяин сильно болел, у него этот... инфаркт был. Сейчас ему надо ходить и бегать — чуть-чуть, понемножку. Вот мы вместе и ходим, и бегаем! Бегун из меня не очень, но Хозяину как раз такой и нужен. И Хозяйка с нами трусцой бегают. Ни клубов, ни маникюра! Никаких дурацких костюмчиков! Я Хозяевам и такой хорош, какой есть.

— Здорово! — сказал Макс, а хвост выразил уважение. — Ты молодец, что сбежал. Незачем терпеть, если с тобой так обращаются.

— Зато сейчас... Знаешь, я сейчас так счастлив, как никогда в жизни.

И знаю, кто я такой. — И кто же ты?

— Чихуахуа! Хозяйка так сказала, а она очень умная, сразу видно. Не то что я...

— Зря ты это! Сумел жить так, как хочешь — значит, умный.

— Ты так думаешь? А прежняя хозяйка говорила что я дурак, потому что у меня голова маленькая, и там мозгам негде поместиться.

— Знаешь, люди, конечно, умнее собак, но не все, похоже. Глупая у тебя была Хозяйка. Плюнь и забудь.

— Зато теперь у меня Хозяева — супер! Я их никому в обиду не дам.

— И правильно. Молодец, Чип! Настоящая Собака!

— Чип, ко мне! — окликнули из сумерек и потянули за рулетку.

— Всё, я пошёл! До скорого!

— Счастливо!

— Макс, домой!

Сашка потянул поводок, и Макс отправился домой, поблёскивая призовым маячком на ошейнике.

Ранним утром опять началась кутерьма. Папа-Костя таскал в машину сумки, рюкзаки и пакеты. Сонные Сашка с Дашкой успели поцапаться на ровном месте. Мама-Катя силком заставила их поесть и всучила сумку-холодильник с огромным термосом в придачу.

Дашки под ногами. Что ещё нужно для таксичьего счастья?

Дашка спала на заднем сиденье. Рядом с ней шелестела листьями Монстера — кажется, тоже радовалась, что едет в Лукошкино.

За Домом и Мамой-Катей присмотрит Мавра. Рома-попугай не даст ей скучать, с ним всегда можно поговорить о чём угодно. Маврик...

Правда, а как там Маврик?

Макс принюхался. Чёрный мокрый нос что-то такое говорил, но Макс его не понял. Уж слишком много разных запахов смешалось внутри машины, а сквозь открытые окна врывались всё новые и новые запахи — врывались и исчезали.

Это пахла Дорога. Широкая, серая, она уходила далеко-далеко, сколько хватало взгляда. По сторонам от стояли деревья, за ними виднелись поля — аж до самого горизонта. Макс так захотелось побегать там, в полях, что зачесались лапы.

«Ничего, подождём до Лукошкина!» — сказал он сам себе, и хвост с ним согласился.

Макс свернулся у Сашки на коленях и заснул под шелест Монстериных листьев.

Привет, Лукошкино!

Проснулся Макс от того, что хлопнула дверца. Машина стояла у забора, заросшего чем-то зеленым. Папа-Костя успел вылезти и шел навстречу высокому человеку в полосатой майке. Не дойдя нескольких шагов до Полосатого, Папа-Костя остановился, зачем-то приложил ладонь к виску и рявкнул:

— Прибыл в ваше распоряжение, товарищ полковник!

— Вольно! — ответил Полосатый. Потом сделал пару шагов назад, окинул Папу-Костю взглядом и коротко, без замаха ударил правой рукой. Удар попал в воздух. Папа-Костя успел увернуться и застыл, прижав один кулак к подбородку и выставив другой.

Наших бьют! Ни одна такса этого не допустит. Макс залился отчаянным лаем и заскрёб по стеклу передними лапами. Сейчас он выскочит и покажет Полосатому, что бывает с теми, кто покушается на Кузнецовых. Лишь бы Папа-Костя немного продержался...

— Фу! — сказали хором проснувшиеся Дашка с Сашкой.

— Молодец! — сказал Полосатый и обнял Папу-Костю. — В форме!

— Стараемся! Здорово, батя!

Дашка в два прыжка оказалась рядом с Полосатым и повисла у него на шее, болтая ногами в воздухе.

— Де-е-ед! Ура-а-а!

Сашка запутался в пристяжном ремне, и Макс выскочил из машины первым — разобраться в ситуации.

Запах Полосатого был похож на запах Папы-Кости. И от него тоже пахло вожаком. Что, ещё один Кузнецов? И ещё чем-то пахло от Полосатого: незнакомым, но интересным...

— Так это и есть ваш Максик?

Ладонь Полосатого так уверенно легла на холку, что оставалось только завалиться на бок и позволить ему почесать брюхо. Хвост поддержал хозяина: заколотил по траве.

— Ну вот и познакомились!

Подроспел Сашка, с криком «Дед!» бросился обнимать Полосатого...

Как тут удержаться от восторженного лая и прыжков? Да ещё после целого дня в машине?

Полосатый скомандовал:

— К погрузочно-разгрузочным работам приступить! — и взял горшок

с Монстерой.

Дашка с Сашкой надели рюкзаки. Папа-Костя подхватил первую попавшуюся сумку — ту самую, с Максовыми пожитками — и побежал к дому. Макс понёсся рядом, на бегу принохиваясь к сумке.

Дверь открылась прямо в свет, тепло и вкусные запахи — в кухню.

— Мама! — крикнул Папа-Костя, бросил сумку, подхватил на руки маленькую стройную женщину и подбросил её к потолку.

— Костик! — отозвалась женщина.

Её голос, звонкий и высокий, не был похож на голос Мама-Тани, но всё равно напоминал о ней и почему-то о Мавре. «У всех мам есть что-то общее» — в который раз подумал Макс, подождал, пока Папа-Костя поставит мать на пол и пошел знакомиться. Но тут в дверь вломились Сашка с Дашкой, зацепились рюкзаками друг за друга и за косяк, принялись толкаться и браниться. За ними сквозь Монстерины листья маячил Самый Старший Кузнецов, Папы-Костина мать заливалась серебристым смехом, Папа-Костя, шипя сквозь зубы, расцеплял Кузнецовых-младших...

Во всей этой суете никто не обращал внимания на сумку. Она заворочалась и поползла к двери.

Дашка-Сашка обнимались с Папы-Костиной матерью, Самый Старший Кузнецов пристраивал на подоконнике горшок с Монстерой...

Из сумки вылез Маврик, отдышался и скользнул за дверь, в темноту.

Так вот о чем предупреждал своего хозяина безотказный таксичий нос!

— Ну-ка, покажите мне вашего Макса! — прозвенел уже знакомый голос, и хвост сам по себе вежливо завилял.

— Ба, ты посмотри, какой он красивый!

Макса погладили по голове, потрепали уши. От узкой ладони пахло чем-то вкусным — нельзя было её не лизнуть.

— Мама, тебе Таня цветок купила, монстеру. Говорит, ты давно хотела его завести.

— Таша, я её там на подоконнике поставил, — уточнил Самый Старший Кузнецов.

— Танюша всегда знает, чем порадовать! Давайте за стол, пирог остывает. Дашка-Сашка, живо руки мыть!

На плите засвистел чайник, и под этот свист в дверь вошел Маврик — слегка свалывшийся, но всё равно пушистый.

— Ой... — сказала Дашка.

Маврик подошел к Таше и принялся тереться об её ноги, мурлыча так, что у Макса защекотало в ухе.

— Эт-т-то что ещё такое? — спросил Самый Старший Кузнецов.

— Это наш Маврик! — затараторил Сашка. — Он не нарочно! Наверно, заснул в какой-нибудь сумке, а проснулся уже в машине!

— Кот-путешественник... Утром уеду и его прихвачу, — буркнул Папа-Костя.

— Пап, ну пусть он останется, правда! Всё равно дома ремонт! Ты же сам говорил, что чем меньше там будет тех, кто под ногами толчётся и мешает, тем лучше!

— Пусть он останется, ну пожалуйста! — присоединилась к брату Дашка.

— Как хозяйева скажут, так и будет, — отрубил Папа-Костя.

Таша улыбнулась — точно как Мама-Таня.

— Коля, а почему бы и нет? Что мы — кота не прокормим? Кстати, чем его кормить?

— Пёс с ним, с котом! Я не против, — только и сказал Самый Старший Кузнецов.

— Ура-а-а! — грянули хором Дашка-Сашка.

Маврик ходил вокруг стола, бодал Кузнецовых плюшевым лбом, терся об ножки стульев и мурлыкал во весь голос.

— Только чтоб на стол не лазил, а то тапком схлопочет, — уточнил Самый Старший Кузнецов.

— Он не будет! — заверила Дашка. — Маврик знаешь какой воспитанный! Я сейчас маме позвоню, чтобы она не волновалась.

Вечером на кухне состоялся крупный разговор.

— Ты что, Маврик, — взбесился? Представляешь, что дома делается?

— Всё нормально. Рома в курсе и матушке пообещал рассказать.

— Ну, ты даёшь! А задохнуться в сумке не побоялся?

— Так я же не зря именно в эту сумку залез. — Маврик самодовольно прищурился. — Там сбоку сетчатая вставка есть. Дышать можно, внутри твоя подстилка лежит... Только лотка моего не хватает.

— Так ты поэтому из сумки на улицу рванул!

— Ну да... Тебя-то небось выводили по дороге, правда? И нечего хихикать!

— Да я и не хихикаю совсем... А что ты теперь делать будешь?

— Пока здесь буду обживаться, а там посмотрим. Понимаешь, я ведь уже вырос. Взрослый кот своим домом должен жить. А тот дом — матушкин. Вот поэтому мы с ней по мелочам и ссоримся. Она всё вздыхает: «Ну когда же ты повзрослеешь!» Вот я и понял недавно: пока буду там жить, в матушкином доме, так никогда и не повзрослею.

- Ух ты... А не страшно было в сумке сидеть?
- Страшновато. — признался Маврик. — Но это так, мелочи. А вот всё продумать и решиться — вот это страшно было, да.
- Очень страшно?
- Очень. А куда деваться? Вырасти и не повзрослеть — последнее дело.
- Мудрые вы, кошки. Ну, давай спать.
- Давай. Утро вечера мудренее.

Лукошкино и окрестности

Макс проснулся от того, что на дереве за окном кто-то деловито верещал. В кухне никого. На подоконнике растопырилась Монстера — довольная, сразу видно. У плиты на полу сиротливо пристроилась пустая Максова миска.

«Беги и разузнай, разнюхай и разгрызи!» — подсказывал хвост, дрожа от предвкушения.

И вообще, пора погулять!

Макс гавкнул — на всякий случай негромко. Послышались легкие шаги, и вошла Таша.

— Хорошая собака Макс! Умница! Понимает, что все ещё спят.

Но почему-то Таша не взяла Макса на поводок, а просто открыла дверь.

— Гулять! — сказала она и ласково шлёпнула по холке.

Двор порос густой травой, и по этой траве Макс побежал к воротам. Там на столбе отмечались все местные собаки. Нос подсказал, что их куда меньше, чем в городе — три или четыре.

Сзади что-то завыло и затарахтело так, что шерсть на загривке у Макса вздыбилась. Пусть его Дом не здесь, но тут Сашка и Дашка. И Самый Старший Кузнецов, и Таша... Он никому не даст их в обиду.

Это Непонятно-Что оказалось немного похоже на пылесос. Только оно ничего не всасывало, а наоборот — плевалось чем-то зелёным и тряслось, но Самый Старший Кузнецов крепко держал его за рукоятку.

— Посторонись! — раздалось сверху.

С забора спрыгнул Маврик и приземлился, как положено коту — на все четыре лапы.

— Ну ты прямо как этот твой... кугуар, вот!

— Тренируюсь помаленьку... — Маврик сделал вид, будто ему всё равно, — с утра уже знаешь сколько кругов по забору намотал? На во-о-он ту берёзу лазил. Там дупло, а в дупле кто-то живёт.

— Кто?

— Не знаю, его дома не было. Ну-ка, подожди...

Маврик хорошенько подрал забор когтями.

— Вот теперь любой кот поймёт, что здесь место занято. Всё, пошли завтракать! После тренировки знаешь как на еду пробивает?

«Может, похудеешь наконец» — подумал Макс, но вслух ничего не сказал. Зачем обижать товарища? И ссориться ни к чему...

«Ой...» — сказал нос, но было слишком поздно.

Рядом бесшумно возник огромный мощный пёс чепрачного окраса.

Маврик зашипел и выгнул спину, сделавшись вдвое больше обычного.

Нет, так здесь ничего не сделаешь... От незнакомца так и шибало силой и уверенностью. А ещё опытом, да таким, что хвост мгновенно поджимался. Здесь поможет только вежливость.

— Здравствуйте! — сказал Макс, выражая хвостом почтение.

— Здорово! — ответил пёс. — Кто вы такие и что здесь делаете?

— Я такс по имени Макс. Это Маврик, кот. Мы здесь в гостях, нас вечером привезли.

— Что вы здесь с вечера, я ещё вчера почуял. Майора Кузнецова утром проводил. А сейчас оставайтесь здесь, пока не приведу Хозяина.

Он потрусил туда, где виднелась спина Самого Старшего Кузнецова, и продолжало тархтеть Непонятно-Что.

— Ну и натерпелся я страху, — прервал молчание Маврик.

— Да уж... — протянул Макс, вспоминая алабая Абрека и ротвейлера Рекса. Чем-то чепрачный незнакомец на них походил.

Самый Старший Кузнецов пришел почти сразу. Чепрачный шёл рядом с ним, держась у левого колена.

— Свои, Амур! Свои! Молодец...

Он почесал Чепрачному за ушами — большими, стоячими — и ушел.

— Раз свои, то давайте знакомиться. Я — Амур, немец. То есть овчарка немецкая. Живу здесь и работаю. Как вас зовут, я уже запомнил. Вопросы есть?

— А ты кем тут работаешь? — спросил Макс.

— Охранником. Телохранителем, розыскником, если надо.

— А-а-а... У меня знакомый алабай есть, так он сторожем работает. А в чем разница?

— В классе работы. Сторож шум поднимает. Отпугивает чужих либо

ждёт, пока хозяева прибегут. А охранник сам справится. Человек потом, конечно, подтянется, разбираться будет...

— На охранника учиться надо?

— Надо. Потом ещё экзамены сдавать.

— На поводыря тоже...

— Мы, овчарки, теперь поводырями не работаем. Но с тренерами поводырей я пересекался. Крутые ребята. А ты ещё в школу не ходишь?

— Я? Нет... Дашка-Сашка ходят.

— Собака в собачью школу ходит, человек — в человеческую! Ну, ты ещё маловат. А подрастёшь — будь готов учиться. Кузнецовы, они такие, сами учатся и других учат. Полковник с Ташей тоже учатся, хотя и немолодые. Ну, и учат тоже...

От восторга Макс тихонько взвизгнул. Надо же, до чего интересно!

Маврик сидел неподалеку, наострив уши. Вылизывался с таким видом, будто ему нет дела ни до чего, кроме собственной шубы, но ни слова не упускал.

— Пошли завтракать. Видишь, Полковник к дому идёт? Значит, пора.

— Пошли! — Макс вприпрыжку успевал за Амуром. — Слушай, а откуда ты его знаешь?

— Служили вместе. Сейчас он на пенсии, и я тоже.

Маврик навел последний лоск и припустил за собаками. Догнал и чинно пошел рядом — хвост трубой.

На завтрак оказалась каша с мясом — Макс и Амуру, сухой корм — Маврику и омлет с ветчиной — всем остальным.

— Спасибо, Ташенька! Значит так: через пятнадцать минут жду всех на участке. Газонокосилка ходовые испытания прошла, теперь ваша очередь поработать. Грабли за дверью.

— Баб, ты тоже пойдешь? — осведомилась Дашка.

— У меня график, Даша! Я еще вчерашнюю норму не закончила из-за пирогов. Переводчику отвлекаться некогда. Тебе, кстати, посуду помыть.

— Каникулы называется... — пробурчала себе под нос Дашка и стала убирать со стола.

— Каникулы или нет, а такой у нас порядок! — в звонком голосе Таши явственно прозвучали стальные нотки.

Сашка вздохнул и пошел за граблями. Таша с увязавшимся за ней Мавриком ушла, прихватив чашку кофе. Амур бесшумно скользнул за дверь вслед за Самым Старшим Кузнецовым. Макс последний раз вылизал опустошенную миску и задумался.

Таксичье любопытство тянуло вон из дома. В мире столько еще

необнюханного и неразгрызенного! «Пошли!» — подначивал хвост. «Пошли!» — говорил чёрный мокрый нос. Из окна пахло Летом...

Макс сам не понял, как оказался у открытой калитки. Её подпирала тачка, а пролезть между колесами было легче легкого.

Дома в Лукошкине оказались бревенчатые, и было куда меньше, чем в городе — всего одна улица. У соседнего забора бродили пестрые птицы. Таких голубей Макс у гонять ещё не приходилось... Он с лаем врзался в стаю, но почему-то птицы не разлетелись, а кинулись кто куда, кудахтая и резво перебирая длинными лапами. А от их вожака пришлось спастись бегством: он успел больно долбануть Макса клювом по хребту и обругать его на своём языке — очень обидно, хоть и непонятно. Вслед, заливаясь лаем, увязалась пара местных собак, прибежала старушка с веником...

Отдышался Макс только в крайнем доме. Всё-таки хорошо быть такой: иначе Макс не пролез бы в дыру, невесть кем и когда проломленную в стене. Маврик бы точно застрял.

В этом доме не пахло жильём. Окна почти без стекол, протекший потолок, в углу огромное пятно, от которого несет плесенью. Трехногая табуретка, полуразвалившаяся печь...

Под печью кто-то плакал. Хныкал и скулил, замолкал и вновь принимался плакать — тихо и безнадежно.

Уши у Макса сами собой насторожились.

Кто там, под печью? Совсем маленький щенок, голодный, больной и несчастный? Как он туда попал? Что теперь делать?

Позвать Дашку с Сашкой! Они смогут вытащить щенка или вызовут тех, в синей форме, которые сняли Маврика с дерева! Потом щенка отвезут к ветеринару, и всё будет хорошо!

Макс тьякнул: сначала вполголоса, потом громче.

Тот, под печкой, продолжал плакать. Он ничего не услышал, иначе отозвался бы. А нос подсказывал, что собаки там нет. Здесь, в пустом доме, никого не было, кроме Макса.

Хвост поджался и советовал уносить лапы подобру-поздорову. Но таксы никого в беде не бросают! Надо идти за помощью.

На улице было тихо. Макс прокрался вдоль забора и едва успел шархнуть из-под тачки, которую выкатил из калитки взмыленный Сашка.

— Что-то с физподготовкой у тебя слабовато, — сказал ему вслед Самый Старший Кузнецов.

— У меня по физре трояк! — огрызнулся Сашка, сдувая со лба капли пота.

— Почему?
— Бегать не могу. Совсем.
— Тебя бы к нам в разведроту. Через месяц уже трешку бегал бы. Шучу. А серьёзно — мы с Амуром каждый вечер бегаем. Давай с нами. Сашка только головой мотнул, словно от мух отмахивался. На крыльце сидел Маврик и блаженно жмурился от солнца. Зрачки у него были как щелочки.
— Слушай, что расскажу!
— Мр-р-ря?
Но чем больше Маврик слышал, тем серьёзнее становился.
— Где этот дом? Расскажи.
— Пойдём, покажу!

— Тебе бы отсидеться, пока не влетело. Фёдоровна уже приходила скандалить. «Где, — говорит, — это ваш криволапый, который кур гоняет?» Еле-еле её спровадили.
— Вместе пойдём! Там кругом трава такая, что Сашка спрятаться может.
— Идёт! Только я вперед пойду — на разведку.
Маврик скользнул к забору, собрался в тугой комок и взмыл на

верхнюю планку.

— Чисто! Нету Фёдоровны. Давай к воротам и пошли!

К дому подкрались по заросшей высокой травой канаве. Со всех лап перебежали через двор и пролезли в дыру. Как ни странно, Маврик в ней не застрял — успел похудеть, что ли?

Под печкой продолжали скулить — тихо, еле слышно. Маврик прислушался, выгнул спину и зашипел. Шерсть у него стала дыбом.

— Ты чего? — только и мог сказать Макс.

— Не мешай. Сядь вон там в углу и сиди.

Макс забился в угол, глядя на застывшего перед печью Маврика. Вот он тихо замурыкал, потом пискнул, словно резиновая игрушка... Он явно с кем-то разговаривал, но Макс больше ничего не слышал.

— Всё, пошли отсюда! Некогда рассиживаться, времени мало.

— Так кто там сидит, Маврик? Я почему-то никак не унюхаю.

— Домовой это. Собаки их не чувят, люди не видят, а мы, кошки, можем с ними разговаривать.

— А собаки что — не могут? — Максу стало обидно.

— Вообще-то могут. Просто этот совсем ослабел, еле держится. Говорить толком не может, едва шепчет. Еще чуть-чуть, и совсем ему кирдык.

— Хорошо, что тебя Мавра не слышит. Сразу бы начала своё: «Что за выражения!»

— Не начала бы. Я это слово от неё и услышал. Да, его, кстати, Трифоном зовут.

— Домового?

— Ну а кого? Не меня же! Давай, лезь в дыру! Я за тобой.

Всю обратную дорогу Маврик молчал и о чём-то думал, топорща усы. Макс трусил рядом и соображал, что делать дальше.

— Ночью пойдём Трифона выручать! — выпалил Маврик.

Макс чуть не подскочил от неожиданности.

— Как?

— Заберем его оттуда к нам.

— На передержку или насовсем?

— Насовсем, конечно!

— Ты что! Помнишь, что было, когда Сашка Лорда привёл? Я думал, Мама-Таня их обоих выставит.

— Зря ты так думал. Кузнецовы так не поступают. А Трифон там погибнет. Понимаешь, домовой — он как кот. Чтобы жить, ему дом нужен.

— Собаке дом тоже нужен!

— Нужен, да не так, как коту или домовому. Собаке нужен человек, Хозяин. Вот тогда она Настоящей Собакой делается. А кошкам больше нужен Дом. Наш собственный, понимаешь? Люди там живут вместе с нами, мы их любим, да. Но Дом для нас важнее.

— Надо же... Вроде под одной крышей живём, а какие мы с тобой разные.

— Люди тоже все разные — и ничего, живут. Рядом с домовыми, собаками и кошками. А от домового и людям, и дому только польза. Вот сам увидишь. Трифон отдохнёт, отъестся, осмотрится — и за работу.

— А что он делать будет?

— За порядком следить... Смотри, смотри!

Смотреть Максу было не нужно — идущих навстречу собак он уже почувял. Хвост на всякий случай вежливо махнул пару раз вправо-влево.

— Здорово! — процедил белый пёс с чёрным пятном на морде, и нос у него красноречиво сморщился — так, что блеснули зубы.

— Привет! — тявкнул второй: поменьше, весь в клочьях рыжей свалывшейся шерсти.

— Добрый день! — вежливо ответил Макс, но хвост подсказывал, что ничего хорошего не будет.

— Это ты наших кур гонял? — Пятнистый оскалился.

— Я не знал, что они ваши. Думал, это голуби такие...

— Ты чё, тупой? — перебил рыжий. — Никогда курицы не видел?

— Не видел. Я в городе живу, там куры не водятся.

— Фу-ты ну-ты, лапы гнуты... — издевался рыжий. — Курицу не видел, а с котом связался!

Макс оскалил зубы, и тут Пятнистый сильным толчком в плечо сбил его с лап.

— Не тр-р-рож-ж-жь! — зашипел Маврик, выгибая спину.

— Цыц! С тобой потом разберемся! — бросил Пятнистый.

Маврик взвыл не хуже пылесоса и вцепился ему прямо в морду. Макс извернулся, вскочил и тяпнул Рыжего за ухо. Тот с визгом бросился прочь, а Маврик драл своего противника когтями, добираясь до глотки.

— Держись! — гавкнул Макс и ухватил Пятнистого за ляжку.

— Все на одного, да? — Пятнистый извивался, стараясь сбросить с себя осатаневшего Маврика.

— Нет, все за одного!

Пятнистый вырвался и побежал вслед за Рыжим.

— Один за всех! — победно проорал Маврик. — Мр-р-ряу-у-у!

— Ну, ты даёшь! — сказали Макс и Маврик одновременно.

— Пошли домой, — Маврик боднул Макса в бок.

— Попадётесь ещё! — пролаяли сзади.

Макс повернулся хвостом к беглецам, несколько раз кинул землю задними лапами и сказал:

— Ну пошли.

Спасти домашнего Трифона

После ужина Маврик шепнул Максу на ухо:

— Сейчас за Трифоном пойдём! Щель в заборе я уже нашёл.

Хвост сам по себе вильнул в знак согласия. А Маврик сел перед выставленными у двери кроссовками и задумался.

— Вот эти берем, запомни! Те, что с краю.

— Ты что, зачем нам кроссовки?

— Нам и одной хватит. Она со шнурками, видишь? А остальные на липучках.

— Маврик! Объясни, что к чему.

— Трифона будем перевозить — сюда, на новое место. Это тебе придётся, у меня не получится.

— Ты что, меня запрягать собрался? Так ведь я не ездовой пёс, не хаски какой-нибудь.

— Можешь ты не перебивать? — Маврик огляделся по сторонам. — Вон, смотри, деревяшка валяется. Возьми её в пасть, держи крепче и слушай.

Макс хотел обидеться, но понял: Маврик прав. Неугомонная таксичья душа не даёт слушать спокойно, а время не ждёт, солнце давно село...

Деревяшка на вкус оказалась очень даже ничего.

— Понимаешь, домовых раньше из старого дома в новый в лапте перевозили — это обувь такая была. Можно ещё на венике, только я его здесь не нашёл, да нам его и не утащить — тяжело, неудобно. Так что кроссовка сгодится. Берешь её в пасть, и идём туда, к Трифону. Он залезает внутрь. Потом идём обратно. Здесь его выпускаем. Вопросы есть?

«Точно как Самый Старший Кузнецов разговаривает!» — подумал Макс и выплюнул деревяшку.

— Есть! А ты что будешь делать?

— Трифона уговаривать. Он одичал, бедняга, не верит никому. Люди его бросили одного в доме. Ушли и не вернулись. Он их ждал, ждал, а потом усыхать начал.

— Это как — усыхать?

— Ну... уменьшаться, скукоживаться. Да ты не бойся, донесем. Домовые и так не тяжелые, а он теперь лёгонький совсем... наверно. Я бы и сам эту несчастную кроссовку отнес, да у меня пасть куда меньше. Мне её не утащить.

— Понятно. А откуда ты всё это знаешь?

— Матушка рассказывала. Да и мы, кошки, с домовыми родня. Своих бросать нельзя.

— Точно! Кузнецовы так не поступают. Договорились.

Маврик проскользнул в кухню и тут же вернулся.

— Пошли! Все чай пьют. Пока не будут ложиться спать, нас никто не хватится.

Максу стало страшновато. Но он вспомнил тихий плач в заброшенном доме и покрепче ухватил в пасть кроссовку.

— Тс-с-с! — прошипел Маврик. — Не стучи когтями! Давай за мной!

По дороге пришлось несколько раз отдышаться: кроссовка оказалась тяжелой. Маврик крутился рядом, вглядываясь в темноту, и помалкивал. В небе висела полная луна, глядела вниз, на Лукошкино. Так и хотелось всё бросить, сесть и полаять на неё как следует...

Пролезть в дыру с кроссовкой оказалось сложно. Макс пропихивал её мордой. Маврик полз сзади, шипел и бранился в усы.

В доме было тихо. Маврик насторожился, мяукнул и тут же повеселел.

— Живой, отзывается! Успели! Пошли к печке. Только молчи, понял? Я с ним сам поговорю.

Кроссовку запихали под печь, в темноту и паутину, оставив шнурки снаружи. Маврик сел рядом и громко замурлыкал.

Под печкой заворошились.

— Домовой, домовой, пойдём со мной! — сказал Маврик и снова замурлыкал.

В подпечной темноте пискнули. Мышь, что ли?

— Всё, он уже там! Потащили! Ты за один шнурок, а я за другой. Раз, два — взяли!

Кроссовка вся перепачкалась в пыли и старой копоти. С неё спрыгнул паук и метнулся обратно в родное подпечье. Маврик басовито ворковал — наверно, уговаривал домового не бояться.

— Пошли домой! Теперь его поскорее накормить надо.

— А что домовые едят? — Макс приноравливался ухватить кроссовку поудобнее.

— Что и все прочие. Кашу там, хлеб, молоко... Поделимся, короче.

— А я с ним смогу разговаривать?

— Конечно! Это пока он слабый, еле-еле шепчет. Я его и вижу, и слышу, а ты — нет. Поправится, отъестся, вот тогда и наговоритесь. Пошли!

Домовой и правда отоцал: кроссовка ничуть не потяжелела.

На обратном пути отдыхать пришлось чаще.

— Ты что? — шипел Маврик. — Давай шустрой! А то закроют дверь, и будем ночевать на веранде. И Трифона покормить не успеем.

— Ты бы сам попробовал! У меня вся шея болит: голова постоянно задрана, а то кроссовка землю цеплять будет.

— Я что, виноват, что у меня пасть не такая огромная?

— И ничего не огромная! Нормальная, таксичья.

— Ага, как у крокодила! Да шучу я, шучу. Отдохнул? Ну пойдём дальше, Максик. Пожалуйста...

На веранду Маврик прыгнул первым, проскользнул в кухонную дверь и вальяжно раскинулся поперек порога. Макс напрягся из последних сил, втаскивая кроссовку в кухню...

— Кс-кс-кс! — послышался голос Таши. — Где там эти двое? Зову, зову — не идут! Кто видел?

— Макс, ко мне! — позвал Сашка.

— Подай голос, а то искать будут! — шепнул Маврик и побежал на зов.

Макс гавкнул и принялся запикивать кроссовку в угол, под половичок. Потом пробежал к поилке и принялся жадно лакать. Интересно, а домовым вода нужна?

— Молодцы мы с тобой! — это неслышно подошел Маврик. — В самый раз успели. Сейчас все лягут спать, а мы Трифона переселим.

— Ох, дай отлежаться... Лапы не держат.

— Еще чуть-чуть, Максик. Конец — делу венец. Так ещё прадедушка Иннокентий говорил.

— Ты такой мудрый, я смотрю. Весь в Мавру.

— Да ну тебя... — Маврик смутился и стал умываться.

Когда в доме стало тихо и темно, Макс с Мавриком вытащили кроссовку из угла и затолкали её под плиту. Домовой молчал.

— Как он там? — встревожился Макс.

— Нормально. — Маврик прыгнул на стол, вытащил из-под салфетки ломтик хлеба и сбросил его на пол. — Сейчас мы ему поесть дадим. Засовывай хлеб туда же, под плиту, да поглубже... Всё, главное сделано. Пусть теперь Трифон обживается.

Макс доплелся до своей подстилки, рухнул на бок и уснул.

Дом и его обитатели

Утро началось с неприятностей: Самый Старший Кузнецов хватился своей кроссовки. Искали её все. Макс тоже делал вид, что ищет, и бродил по всему дому, суя во все углы длинный таксичий нос.

— Коля, у тебя же другие кроссовки есть! — убеждала Таша.

— Эти у меня рабочие! Кому они вдруг понадобились? И почему одна пропала, а не обе?

— Все, хватит! Время дорого! Вчера редактор звонил, спрашивал, укладываюсь я в срок или нет. Вы как хотите, а я иду работать.

— А я, значит, не иду, потому что не в чем? — Самый Старший Кузнецов нахмурился и стал похож на ротвейлера.

— Мы сейчас другое средство применим, проверенное, — улыбнулась Таша. — Завяжем черту хвост!

Самый Старший Кузнецов только рукой махнул.

— Да ну вас! Всё, я пошел в мастерскую. И чтоб до обеда меня никто не трогал!

— Это как — черту хвост завязывать? — спросил любопытный Сашка.

— Вот так! — Таша принесла косынку и обвязала ей ножку стола. — Черт, черт, поиграй да отдай! Вот и все. Скоро найдется.

Сашка с сомнением покрутил головой.

Таша ушла к себе, а Макс увязался следом, изводясь от любопытства.

В светлой комнате мебели было совсем мало: стол с компьютером, забитые книгами полки, несколько стульев. В углу стоял маленький диван. Над ним висело что-то вроде ящика. Внутри у него, за стеклом, блестело непонятно что — белое и золотое... Чтобы лучше рассмотреть, Макс встал передними лапами на диван...

— Что, Максик, часы понравились? Хорошие часы, вот только не

ходят. Память, и всё... А на диван нельзя!

Макс поспешно убрал лапы. Он успел понять, что Таша два раза не повторяет. Ссориться с ней не хотелось, уж очень она ему нравилась.

У окна обнаружилась какая-то раскоряка — судя по запаху, деревянная. Она была накрыта светлой тканью и ничего занимательного в ней не было. Для грызения есть вещи и поинтереснее...

Вошел Маврик — хвост трубой —, потерся о ножку Ташиного стула и шепнул Максу на ухо:

— В кухне никого! Трифон там под плитой уже гнездо оборудует. Давай, я прикрою!

Он прыгнул Таше на колени, а Макс потрусил на кухню — доставать кроссовку.

Под печкой тихо шуршали и поскрипывали: Трифон обживался. Макс вылез оттуда с кроссовкой в зубах — хвостом вперед, чихая от пыли. Сел и задумался.

Отнести её на место — на веранду? Или Самому Старшему Кузнецову? Вот вопрос! И посоветоваться не с кем. Хвост тоже не знал, как поступить...

Макс решился, поудобнее перехватил кроссовку и потрусил по следам Самого Старшего Кузнецова.

Вниз по ступенькам веранды, мимо недостроенного вольера, где спал Амур, мимо турника, мимо клумбы с пахучими цветами — к домику с приоткрытой дверью, откуда доносилось непонятное жужжание... Вот оно умолкло, но Макс уже стоял на пороге, приглядывался и принимался.

Самый Старший Кузнецов сидел у окна и ковырял железкой лежащую перед ним доску. Они были кругом: доски, дощечки, досочки. Большие и маленькие, тонкие и толстые. Пахнувшие по-разному, но чем-то похожие. В углу кучей лежали обрезки досок и чурбачки, которые так и просились на зуб... А у стены стояли две узкие доски, на которых Макс увидел собак!

Собаки были необычные: высокие, с острыми мордами и стоячими ушами. Рядом с ними были необычные люди: на одной доске — женщина в длинном платье и островерхом головном уборе, на другой — юноша в странной чешуйчатой рубахе до колен. Женщина улыбалась, глядя на цветы у себя под ногами. Чем-то она походила на Ташу. А юноша не сводил с неё глаз, и друг на друга смотрели их собаки.

У Макса защекотало в носу. Хотелось громко скулить от восторга, прыгать, визжать...

Но получилось только тявкнуть.

Самый Старший Кузнецов вздрогнул и оглянулся.

— Тьфу ты! Чуть не порезался... Макс! Ты кроссовку нашел? Ко мне, хорошая собака!

Макс подбежал к нему, положил кроссовку и сел. Хвост тут же размел широкую дугу на усыпанном опилками полу.

Большая сильная рука почесала ему за ухом. Сразу ясно: этот человек понимает собак и умеет с ними обращаться — хоть с живыми, хоть с деревянными. Вон какие морды у тех, вырезанных на досках — сразу видно, о чем они думают...

На всякий случай Макс подошел поближе и принялся. Люди и собаки пахли одинаково — деревом. Но женщина улыбалась, во взгляде юноши был восторг, и настороженно смотрели друг на друга остромордые собаки.

— Молодец! На, погрызи! Займись любимым делом!

Макс благодарно помахал хвостом и принялся грызть протянутую чурку — только щепки полетели.

— Дед, обедать пора! — на пороге стояла Дашка. — Ой, Максик, ты здесь! И кроссовка нашлась?

— Он её и принёс, — пояснил Самый Старший Кузнецов. — Умница он у вас, Дарья.

А Таша только и сказала потом:

— Это верное средство — черту хвост завязать.

Из-под стола Макс не видел её лица, но по голосу было ясно, что она улыбается.

Трифон обживает

Времени прошло совсем немного, но в доме что-то ощутимо изменилось. Монстера выгоняла лист за листом, один другого крупнее. Самый Старший Кузнецов почти закончил третью доску: на ней цвели диковинные цветы, росли высокие деревья, а между ними летали птицы, каких на свете не бывает. У птиц были пышные хвосты, крохотные головки и огромные глаза. Таша пришла в мастерскую ими полюбоваться и ласково взъерошила волосы на седеющей голове Самого Старшего Кузнецова. У самой Таши работа шла полным ходом.

— Она говорит, что ей лучше работается, когда я рядом сижу! — похвастался Маврик. — «Муза ты моя мохнатая!» — вот как говорит! Таша умная: такие слова знает!

— А кто это — Муза? — робко спросил Макс.

— Это... это существо, которое работать помогает!

— Домовой что ли?

— Нет, домовой — это домовой... Слушай, надо нам Трифона проведать. Как он там живет?

Но Трифон проведать их сам.

Когда все в доме уgomонились, из-под плиты вылезло маленькое существо, поклонилось и пропищало:

— Доброго здоровьица!

— Привет! — ошарашенно ответил Макс.

Маврик спрыгнул с подоконника, поблескивая желтыми глазами.

— За хлеб, за соль спасибочки! — продолжало существо.

Трифон оказался маленьким мохнатым старичком в красных штанах — ветхих, с заплатами на коленях.

— Как на новом месте живешь-поживаешь, Триша? — спросил

Маврик ласково.

— Вашими заботами! — отозвался домовой. — Я уж вам отслужу, добром будете поминать.

— Так здесь не мы хозяева, а Кузнецовы.

— И за Кузнецовыми догляжу, не сомневайтесь! Вот только приодеться бы мне. Каков домовой, таков и дом. А штаны-то у меня... сами видите какие. В таких много не наработаешь. Лапотки себе я и сам сплету, а вот со штанами беда.

— Ладно, подумаем, где их взять. А что тебе еще нужно, Триша?

— Сметанки бы... Уж очень хочется. Я и не помню, когда её видел.

— Это можно, сметана в холодильнике есть.

— Спасибо за привет, за ласку! Пойду, работа не ждет. — Трифон деловито подтянул заплатанные штаны и исчез под плитой.

Сзади на штанах тоже красовалась заплатка — огромная, из синей ткани в белый горошек.

— Ну, Маврик, ты ему и наобещал! Сметана — это пустяки. Штаны-то где взять?

— Поищем и найдем! С домовым дружить надо, это тебе любая кошка скажет.

— Кошки зря не скажут, это я уже понял... А вот почему там, в городе у нас домового нет?

— Не знаю, — признался Маврик. — Может, матушка знает? Давай спать, авось утром чего надумаем.

Утром всё пошло как обычно. Сначала на террасу вышла Таша, развернула коврик и принялась завязываться в такие позы, что Маврик завистливо хмыкал в усы. Потом выпорхнула Дашка — присесть, отжиматься и отплясывать под неслышную в наушниках музыку. Сонный и взъерошенный Сашка, проходя мимо неё, едва не получил ногой в ухо.

— Ты что, Коза, совсем очумела?

— Смотри внимательно, умник! У меня тренировка!

— Сама смотри!

— Яндекс, не нарывайся! Ты, что ли, вместо меня будешь на «Золотой осени» выступать?

— А оно мне надо?

— Конечно, не надо! — хихикнула Дашка. — Тебе там ничего не светит. А вот нам с Димкой — светит! Всех порвём как Тузик грелку! Тренер весь год пилил: «Вы собираетесь Левашова перетанцевать или как? Или вечно будете у него в хвосте тащиться?» А сейчас у него и партнерша новая, понял? Пока они ещё станцуются... Это наш шанс! И мы его

используем на полную катушку! Не мешай, короче.

Сашка только вздохнул и побрел на кухню.

На завтрак были вареники со сметаной. Маврик терся о Ташин стул, умильно мурлыкал — и добился своего. Таша щедро положила ему в миску сметаны. Маврик лизнул раз-другой и принялся умываться.

— И чего просил? — удивилась Таша. — Ладно, пошли работать!

Маврик гордо оглянулся на Макса.

— Слышал? Без меня и работа не идёт! Ты мою миску Трифону отдай, пока никто не видит. Всё, я пошел!

Миска скрылась под плитой как раз вовремя: Сашка пришел мыть посуду. Он едва не разбил сахарницу, уронил пару вилок, потом опрокинул кастрюлю... Кое-как домыл остальное, вышел на крыльцо, сел и пригорюнился.

Максу стало его нестерпимо жалко. Сашка сидел несчастный, взъерошенный, как Рома-попугай во время линьки, обнимал собственные коленки и молчал. Потом сорвал травинку и принялся её свирепо грызть. Было ясно, что мысли у него в голове невеселые.

Макс подкрался к Сашке, сел рядом и ткнулся мордой ему в ладонь. Сашка обнял его и прижал к себе. Так они и сидели вдвоем, пока стрекоза не перелетела с одной ветки на другую. Сашка шмыгнул носом, потрепал Макса за холку, встал и ушел.

Летний день катился золотым колесом. «Дело не ждёт!» — подумал Макс и отправился в тень от куста сирени — подумать.

Где взять обновку для Трифона? Как помочь Сашке? С чего начать?

Раздался яростный птичий ор. На крыше веранды кто-то дрался так, что перья летели. Таксичье любопытство заставило задрать голову, чтобы лучше рассмотреть драку, и тут на глаза попало такое, что Макс чуть не залаял от радости.

Над дверью висела фигурка домового, сплетенная из соломы. Глаза-пуговицы, растрепанная борода из пакли — он совсем не походил на Трифона.

На кукле были штаны — яркие красные штаны!

Нужно срочно разыскать Маврика!

Макс принялся, и лапы сами понесли его в дом.

Маврик лежал у Таши на коленях и громко мурлыкал. Ташины руки порхали по клавиатуре компьютера. В комнате звучала тихая музыка, и Макс с трудом удержался, чтобы не завывать — как рыжий длинношерстный Моцарт.

Как только люди могут такое выносить! Странные они всё-таки существа.

— Маврик!

— Мр-р-ря?

— Дело есть! Пошли скорей!

Маврик изящно соскочил на пол, потянулся и направился к двери.

— Что случилось?

— Я Трифону штаны нашел!

Глаза у Маврика вспыхнули.

— Молодец! Показывай!

При виде куклы Маврик погрузился.

— Высоко... Придется попрыгать. Тебе не достать, и пытаться нечего.

Иди, сторожи!

Раз за разом Маврик собирался в тугой комок, прыгал свечкой вверх — и промахивался. Кукла поблескивала глупыми глазами-пуговицами, будто издевалась. Наконец Маврик сжался как пружина, покачался туда-сюда на согнутых лапах, вздрагивая хвостом, прыгнул — и достал-таки куклу когтями, рухнув на пол вместе с ней.

— Круто! Кугуары отдыхают!

Маврик гордо огляделся и поволок добычу под крыльцо. Макс побежал следом.

Путешествие в пасти у Маврика доконало куклу: она развалилась на части. Остались от неё пакля, солома да одежды.

— Ночью Трифону отдадим! — решил Маврик. — Я пошел, нам с Ташей еще перевод сегодня заканчивать.

— Так ты Музой работаешь, получается?

— Ну да!

Побежали!

Вечером Сашка куда-то пропал. Макс едва нашел его в зарослях одичавшей малины и радостно залаял.

— Фу! — зашипел Сашка. — Тихо ты!

Макс не понял, почему на него сердятся, но на всякий случай замолчал и уселся рядом.

— Человеку нужно иногда одному побыть, — объяснил Сашка. — Ты не обижайся. Ну ладно, оставайся, раз пришел. Понимаешь, я терпеть не могу, если у меня что-то не получается! А тут... Не могу я бегать, хоть тресни! Я лучше целый задачник перерешаю или с новой программой для компа разберусь... В школе раньше рыжим дразнили, очкариком. Ну, это мне фиолетово. Рыжий и рыжий, подумаешь, что в этом такого? Очкарик — плевать: вырасту, сделаю операцию и буду без очков ходить. А вот что глистом дразнят или слабаком... Мама говорит: не обращай внимания. Папа говорит: спортом займись. Так времени совсем нет. И в спортзале тоже дразнить будут!

Сашка шмыгнул носом.

— Дашка вон какая! Бегает, плавает... А как танцует! И дед такой спортивный... Ты бы видел, что он на турнике выделяет! Бабушка йогой своей занимается. А я... Эх!

Макс лизнул Сашку в нос. На вкус он оказался соленым.

— Хорошая собака, — пробормотал Сашка, и вытерся подолом майки. — Ну вот, поговорили, и легче стало. Пойдём домой!

«Пойдём!» — ответил Максов хвост.

«До чего странные существа эти люди — думал Макс, рыся рядом с Сашкой. — Не получается — делай, пока не получится. Так просто! Это любая собака знает. А вот Сашка не знает, оказывается, хотя он такой

умный. Дразнят? Оскалься и зарычи. Не поймут — тятни как следует, тогда дразнить быстро отучатся.

Нет, с этим надо что-то делать! И поскорее!»

— А мы с Ташей перевод закончили! — похвастался Маврик, вылизываясь на веранде. — Отойди, Макс, ты мне солнце загораживаешь.

— Что-то ты задаваться стал, как Музой заделался...

— Правда? — Маврик смутился. — Ох, извини. Ты сразу говори, если что. Задаваться — это признак плохого воспитания. Матушка всегда так говорила, и Таша тоже так говорит.

— Они вообще похожи. Только одна полосатая, а другая серебристая.

— Ага, и глаза разного цвета...

— Ну, это не главное. Главное внутри: душа, характер.

— Эт точно...

— Маврик! Что за выражения! — Макс постарался скопировать Мавру поточнее.

— Да ну тебя! — Маврик не выдержал и расхохотался.

Сашка устроился на веранде с книгой, но страниц давно не перелистывал. Просто сидел и о чем-то думал. А когда Самый Старший Кузнецов вышел на крыльцо и позвал: «Амур, ко мне!», сделал вид, что ничего не заметил.

Амур появился перед крыльцом бесшумно, как серая тень. Сел, исподлобья глядя на хозяина, и шевельнул самым кончиком хвоста.

— Саш, ты с нами? — спросил Самый Старший Кузнецов, снимая выгоревшую майку.

— Не-а, — буркнул Сашка и уткнулся в книгу.

— Как хочешь, — пожал плечами Самый Старший Кузнецов.

Когда они с Амуром скрылись за воротами, когда Макс подошел к Сашке и ухватил его за штанину.

— Чего тебе? — Сашка дрыгнул ногой, пытаясь отцепиться.

«Неужели непонятно?» — подумал Макс и потянул сильнее.

Пошли! Бегать — это так здорово! Бег — это когда каждая косточка, каждая мышца поют от удовольствия! Лето, кругом зелено и тепло — побежали!

— Ну что ты пристал? Что тебе надо?

Макс поднатужился и дернул за штанину.

Нет, все же люди неплохо дрессируются! Конечно, если взяться умеючи. Вот Сашка уже у ворот...

Макс выплюнул надоевшую ткань, сел и помахал хвостом. Встал и потрусил по улице, оглядываясь на Сашку.

Сашка постоял-постоял... Улыбнулся. Потом засмеялся.

И побежал!

Макс взвизгнул от счастья и понесся так, что только лапы замелькали. Но вовремя опомнился, сбавил темп, и, когда Сашка его догнал, побежал с ним рядом.

— А мы сегодня с Максом бегали! — как бы между прочим сказал Сашка за ужином. — До околицы и обратно.

— Молодцы! — ответил Самый Старший Кузнецов, подкладывая себе салат. — Присоединяйтесь к нам, когда соберетесь. Мы с Амуром хорошей компании всегда рады.

— Молодцы! — подтвердила Таша.

Дашка молча показала большой палец.

«Конечно, молодцы!» — подумал Макс и постучал хвостом по полу, чтобы не сглазить.

Что не работает — починим, что потеряно — отыщем

— Трифон! Триша! Где ты там? — тихонько звал Маврик.

— Да что бормочешь себе под нос? Давай я его позову!

— Ты что! Гавкнешь, так обязательно кто-нибудь проснется. Нет, с домовым лучше без людей общаться. Вот окрепнет Трифон как следует, присмотрится и сам решит, когда и кому показываться. А пока мы сами... Тришенька, выйди к нам!

— Вот он я, туточки! — пискнуло под плитой.

Трифон заметно поправился. Борода расчесана, шерстка блестит, вид деловой и бодрый.

— За сметану благодарствуйте! — домовый низко поклонился.

— На здоровье, Триша! Мы тут тебе еще кое-что принесли...

При виде обнови Трифон потерял дар речи: только ахал и шлепал себя по коленкам. Руки у него были длинные — как раз до колен, а ладони рабочие: большие, мозолистые.

— Вот это да! Вот так штаны — всем штанам штаны! Я сейчас...

Домовой исчез под плитой и тут же появился: переодетый и довольный-предовольный.

— Ну как?

— А ну-ка, повернись... Сидят как влитые! Словно на тебя шили! — польстил Маврик.

— На добром слове благодарствуйте! Ну, значит, дела идут потихоньку. Мышам указал я путь на все четыре стороны. На днях проверю, а кто останется, с тем другой разговор будет.

— А что, здесь мыши были? — хором спросили Макс с Мавриком.

— Были, да на глаза сильно не лезли. А расплодился бы, и беда хозяйским припасам!

— Вот, и не поохотишься теперь, — расстроился Маврик.

— Ну, тогда оставлю пару-другую на развод, — обнадёжил домовый.

— Потом сафари устроим... — Маврик облизнулся от предвкушения.

— Все имущество у меня учтено, — продолжал докладывать домовый. — Что не работает — починим, что потеряно — отыщем. Вот это ваше небось?

Трифон выкатил из-под плиты Максов оранжевый мячик.

— Моё, моё! Спасибо, Триша!

— Всегда пожалуйста. Такая у нас, у домовых, работа: всё в порядке содержать. Ну, пойду перед мышами форсить в новых штанах-то.

— А старые выбросишь? — любопытствовал Макс.

— Ещё чего! — оскорбился домовый. — Для уборки приберегу. Рано или поздно пригодятся. До свиданья!

— Спокойной ночи! — ответил Макс.

— У нас, домовых, ночь самое рабочее время! Прощайте пока.

— Слушай, ты всё понимаешь, что Трифон говорит? — Макс устроился поудобнее на подстилке.

— А чего тут не понять?

— Слова какие-то странные вставляет...

— Не странные, а старинные. Домовые знаешь как долго живут? Лет по триста, а то и по пятьсот.

— Ух ты-ы-ы...

— Да, за такое время одни слова забываются, а другие появляются. Вот Таша сейчас старую книжку перевела, так все время следила, чтобы старинных слов было ровно в меру. Так, чтобы и всё понятно было, и ясно, что книга давным-давно написана. Знаешь как трудно? Она переведет кусочек, прочтет вслух и спрашивает: «Так?»

— У тебя спрашивает?

— А то у кого же?

— И что ты ей отвечаешь?

— Известно что: «Мр-р-р, мр-р-р, мр-р-р-р...»

— И она понимает?

— Конечно! Скажет: «Муза ты моя!», погладит, и работаем дальше. Вот вчера закончили, завтра она книжку в редакцию повезет... — Маврик зевнул навыворот. — Слушай, давай спать, а?

Утро началось с неприятностей.

Сашка разбил очки. У Самого Старшего Кузнецова кончилась пена для бритья. А в довершение всего без предупреждения отключили свет.

— Электрикам я позвонил. Говорят, авария на линии, идут ремонтные работы, — прогудел Самый Старший Кузнецов. — Где у нас там свечи, Ташенька?

— На месте, в кладовке! Я пошла собираться, электричка через час. Пену тебе куплю, очки Сашке привезу. Что кому еще надо? Пишите список!

Гром грянул через несколько минут. Таша обнаружила пропажу флешки с готовым для редактора текстом.

— И света нет, как назло! — сокрушалась она. — Так бы сбросила на другую флешку — и вперед! Что теперь делать, не придумаю... Ну куда она могла деться?

— Баб, а по Интернету послать, с телефона? — предложил Сашка.

— Там знаешь какой объем? А связь здесь паршивая.

— Звони редактору, объясни ситуацию, — сказал Самый Старший Кузнецов.

— Это на самый крайний случай. Давайте флешку искать! Нашедшему

— приз.

— Какой? — спросила Дашка.

— Пирог по его выбору!

— Мне без очков сейчас точно ничего не найти, — грустно сказал Сашка.

— Если я найду, пирог выбирать тебе!

— Да разве в пироге дело?

— Нет, конечно, — согласилась Дашка. — Сейчас завяжу черту хвост и пойду искать.

— Завяжи, Дашенька, — убитым голосом сказала Таша, — авось поможет.

— Значит так! — провозгласил Самый Старший Кузнецов. — Дом разбиваем на поисковые квадраты, делим их между собой. По комнате передвигаемся «челноком». Через пять минут приступаем. Время пошло!

Макс с Мавриком переглянулись и дунули в кухню.

— Триша-а-а! Триш! Вылезай, дело есть! — шептал Маврик, усевшись перед плитой.

Звать пришлось долго. Трифон вылез сонный и недовольный.

— Что надо, чего будите?

— Триша, спасай! Хозяйка очень нужную вещь потеряла!

— Какую?

— Чёрную, вот такой длины, — Маврик царапнул по полу когтем, — с красной полоской, и к ней еще шнурок прицеплен вдвое сложенный, как хвостик!

— В общем, на мышь похожа? — уточнил дотошный Трифон.

— Ты что, мышь у неё беспроводная!

Трифон только глаза выпучил.

— Что я, мышей не видел? Какие-такие у мыши провода? Вы меня не путайте! Чёрная, с красной полоской и со шнурком? Понятно... Уже и поиграть нельзя! И хвост мне узлом завязали... Щас!

Трифон исчез под плитой.

— А ты откуда знаешь, как эта штука выглядит? — спросил Макс.

— Так я её сам видел. Подожди, что за визг такой?

Дашка визжала так, что было слышно по всему дому.

— Может, она мышь увидела? — предположил Маврик.

— Или эту самую... как её... флешку нашла?

Дашка вбежала в кухню, схватила Макса в охапку, принялась его тискать и звонко поцеловала прямо в нос.

— Ты что? — Сашка стоял в дверях и подслеповато щурился.

— Мне сейчас от мамы эсэмэска пришла! Нас с Максом на съёмки приглашают! Ура-а-а! Ура-а-а-а-а! Ура-а-а-а-а-а!

— Вот это да! — сказал Сашка и по привычке поправил на носу очки, которых на нём не было.

— Я сейчас остальным расскажу!

Дашка поставила Макса на пол и умчалась, Сашка побрел за ней.

Макс не успел отдышаться, как из-под плиты высунулась мозолистая ладонь Трифона — с флешкой!

— Ура! — шепотом грянули Маврик с Максом. — Ура-а-а! Ура-а-а-а!

— Триша, за нами не заржавеет! Хозяйка обещала: нашедшему — пирог!

— Да мне бы лучше сметанки. — ворчливо ответили из-под плиты. — Всё, что ли? Так я пошел досыпать. Да, я там часы поправил... Уа-а-аха-аха-а-а... поспать не дадут...

— ... и если бы не Макс, ничего бы не получилось! Выбрали тот снимок, где мы с ним обнюхиваемся! — Дашку распирало от восторга, а все Кузнецовы столпились вокруг неё.

В комнату вступила торжественная процессия. Впереди Маврик — хвост трубой, в зубах флешка. За ним Макс, улыбающийся во всю пасть.

— Не может быть... — прошептала Таша.

— Ну и ну... — только и вымолвил Самый Старший Кузнецов.

— О-бал-деть... — хором сказали Дашка с Сашкой.

Тут что-то зашипело, захрипело, и раздался громкий мелодичный звон.

Часы проснулись и пошли. Стрелки двигались, за стеклом мелькал золотистый маятник, отмеряя золотое Лето.

Table of Contents

[Елена Арифиллина Жил-был такс](#)

[Макс выбирает хозяев](#)

[Новый дом](#)

[Макс играет в футбол](#)

[Такса — это звучит гордо](#)

[Новые знакомства](#)

[Ветеринар Сан Саныч](#)

[Макс провинился](#)

[Большая уборка](#)

[Первая прогулка](#)

[Летучий кот](#)

[Полтора Уха и другие неприятности](#)

[Битва в прихожей](#)

[После битвы](#)

[Гость из темноты](#)

[Рыжее лето и зелёная игуана](#)

[Я работаю таксой](#)

[Человек с фотоаппаратом](#)

[Клубная жизнь](#)

[Мы едем, едем, едем!](#)

[Привет, Лукошкино!](#)

[Лукошкино и окрестности](#)

[Спасти домового Трифона](#)

[Дом и его обитатели](#)

[Трифон обживается](#)

[Побежали!](#)

[Что не работает — починим, что потеряно — отыщем](#)